

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Пермский государственный университет
Пермское психолингвистическое общество

ПРОБЛЕМЫ СОЦИО- И ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

Выпуск 2

Сборник статей

Пермь 2003

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Пермский государственный университет

Пермское психолингвистическое общество

ПРОБЛЕМЫ СОЦИО- И ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

Выпуск 2

Сборник статей

Пермь 2003

Редакционная коллегия:

доктор филологических наук, профессор Т.И. Ерофеева (отв. ред.)

кандидат филологических наук, доцент Т.И. Доценко

кандидат филологических наук, доцент Е.В. Ерофеева

П 78 Проблемы социо- и психолингвистики: Сб. ст. /
Отв. ред. Т.И. Ерофеева; Перм. ун-т. – Пермь,
2003. – Вып. 2. – 104 с.

ISBN 5-7944-0372-1

Сборник «Проблемы социо- и психолингвистики» издается Школой социо-психолингвистики (при кафедре общего языкознания Пермского государственного университета) совместно с Пермским психолингвистическим обществом. Во втором выпуске представлены статьи как непосредственных членов Школы социо-психолингвистики, так и приглашенных участников. Затронутые в данном выпуске проблемы касаются природы сущности форм существования языка, особенностей языковой ситуации в разных регионах России, особенностей функционирования СМИ, психолингвистических аспектов семантики слова и т.д. Традиционно представлены работы, посвященные исследованию влияния социальных факторов на речь горожан.

Сборник предназначен для широкого круга филологов.

К вопросу о соотношении понятий НОРМА и УЗУС**

Феномены НОРМЫ и УЗУСА нельзя рассматривать вне языковой СИСТЕМЫ, в рамках которых они функционируют. Поскольку все три термина в современной лингвистике многозначны, определим наше понимание данных языковых явлений.

Итак, СИСТЕМА, в нашем понимании, это любой упорядоченный набор элементов. Система может иметь более или менее широкий охват. Так, и единицы отдельных языковых уровней образуют отдельные системы (фонологическая система), и части единиц каждого из уровней также могут представлять собой системы (система гласных; система падежей и т.д.). Наибольшую по своим размерам систему будем называть КОДОМ.

КОД – это такая языковая система, которая является «самодостаточной», в том смысле, что может функционировать (служить для коммуникации) без привлечения единиц других систем. Такая система, как известно, должна иметь уровневый характер, т.е. быть иерархически организованной. Термин КОД, на наш взгляд, предпочтительнее термина ЯЗЫК из-за большей неоднозначности последнего и из-за большего количества его различных трактовок в языкознании (и не только в языкознании).

НОРМА и УЗУС – это общепринятые реализации системы (или кода), определенный выбор говорящих в пользу одной из ряда единиц, предлагаемых системой. Граница между нормой и узусом разными учеными проводится на разных основаниях. Например, Л. Ельмслев говорит о более высокой степени абстракции нормы по сравнению с узусом и о том, что норма – это оппозитивная и релятивная сущность, включающая в себя лишь некоторые позитивные черты, в то время как узус – чисто позитивная сущность (1960).

Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой НОРМА и УЗУС друг от друга отличаются не по каким-либо формальным параметрам, и не по степени абстракции (как у Л. Ельмслева), а по отношению к ним носителей языка. НОРМА – это осознаваемые как правильные и желательные реализации, тогда как УЗУС – вообще все общепринятые реализации. Следовательно, если УЗУС это языковая категория, то НОРМА не чисто языковая категория, она включает и психологическо-социальный момент, связанный с представлениями носителей кода о правильной, престижной речи.

Поэтому НОРМА и КОД, на наш взгляд, не противопоставлены, как это выглядит у Э. Косериу или Л. Ельмслева. Код может при определенных условиях выработать норму, а может и не выработать ее, так как это зависит не сколько от лингвистических, сколько от социальных условий. Таким образом, УЗУС – обязательный элемент в круге языковых явлений, а НОРМА – факультативный. Можно добавить, что НОРМА не только факультативна, но и в определенной степени градуальна, т.е. степень нормированности во многом за-

---

* © Е.В. Ерофеева 2003

** Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ №02-06-80223 "Языковая личность в условиях диглоссии и билингвизма"

висит от степени осознанности употребления языковых элементов в данном социуме.

При этом только системное языковое образование может породить норму (и это не обязательно должна быть система, соответствующая коду, это может быть и более узкая система, например, какая-нибудь лексическая подсистема). Поскольку норма является одной из возможностей, предлагаемых системой, одной из реализаций системы и, следовательно, сама системна.

Понятие НОРМЫ является, пожалуй, самым сложным из рассматриваемых здесь понятий. Норма вообще термин многозначный. В работах Л. Ельмслева (1960), Э. Косериу (1963), Ю.С. Степанова (1960) речь идет о норме языка как такового (который в некоторых случаях с натяжкой можно приравнивать к общенародному языку) – это НОРМА₁. Нормы общенародного языка, как пишет Ю.С. Степанов, противопоставлены нормам другого языка. Нерусский скажет иначе (используя иногда те же возможности системы), чем «неграмотный» русский. При этом формы и выражения неграмотного русского не будут выходить за рамки нормы общенародного языка, а формы, образованные нерусским будут выходить за эти рамки. Таким образом, НОРМА и УЗУС в случае с общенародным языком просто совпадают (если не отождествлять норму литературного и общенародного языка, что абсолютно неверно). Подтверждение этого тезиса есть у Л. Ельмслева, который в результате своих рассуждений приходит к выводу, что основным противопоставлением в кругу языковых явлений является противопоставление СХЕМА – УЗУС (1960).

Понятие ЯЗЫКА (СИСТЕМЫ, СХЕМЫ) у Э. Косериу и Л. Ельмслева схематично и абстрактно. Они говорят о языке как однородной единой системе, в то время как каждый конкретный общенародный язык отнюдь не является гомогенным. Он существует в своих вариантах, имеющих различную природу и сущности, т.е. в различных идиомах.

НОРМА₂ – это норма какого-либо идиома языка (например, литературного языка или диалекта). Нормы одного идиома противопоставлены нормам другого идиома этого же языка. Из этого, следует, что говорить о НОРМЕ, по видимому, имеет смысл только для определенного идиома общенародного языка. НОРМА имеет смысл только в противопоставлении «правильного» и «неправильного» при возможности выбора. При этом «правильное», одобренное для одного идиома является «неправильным» для какого-либо другого. Например, нормативная в литературном языке форма *клатаня* в профессиональной речи шоферов считается «неправильной», а «правильной» признается форма *клатаня́*, и наоборот. Таким образом, НОРМА гомогенна (однородна) с точки зрения идиома языка.

УЗУС всегда включает в себя элементы разных идиомов языка. В речи носителей любого из идиомов имеется некоторое количество (и обычно достаточно большое) элементов других идиомов языка. Это происходит в силу того, что подавляющее большинство носителей языка является полиглотами (по выражению Б.А. Ларина), т.е. носителями (активными или пассивными) сразу нескольких идиомов. Естественно, что элементы этих идиомов так или иначе сосуществуют в их речи и определяют узус данной социальной группы. Единственное существенное и принципиальное ограничение для узуса – не выходить за рамки системы общенародного языка. Следовательно, УЗУС гетерогенен по своей природе.

Исходя из этого, возвращаясь к определению нормы и узуса как реализации системы, получается, что УЗУС это реализация общенародного языка, а НОРМА – реализация определенной системы, меньшей, чем общенациональный язык.

Получается следующая схема:

На полюсах находятся противопоставленные друг другу общенародный язык и узус. Общенародный язык не является единой системой: он состоит из набора других систем, которые во многом пересекаются, но эта область пересечения не составляет отдельного кода. Общенародный язык функционирует в своих идиомах, каждый из которых может являться или не являться кодом, может иметь или не иметь норму, на которую он ориентируется (при этом степень нормированности идиома может быть разной). Функционирование всех идиомов в совокупности (или общенационального языка) формирует узус.

В узусе нет четких границ функционирования того или иного идиома. Носители идиомов черпают из узуса разнородные элементы, тем не менее предпочитают одни элементы другим. Вероятность попадания одних и тех же элементов узуса в речь носителей разных идиомов различна. Именно вероятность является способом упорядочивания узуса при его «распределении» в разные идиомы.

Исходя из этих представлений рассмотрим основные идиомы русского языка – литературный язык, диалект, просторечие и социальные жаргоны.

Прежде всего, для каждого идиома необходимо ответить на следующие вопросы:

- 1) Является ли рассматриваемый идиом кодом?
- 2) Обладает ли идиом нормой?

Ответы на эти вопросы представлены в таблице.

Таблица

Признаки идиомов русского языка

Идиом	Код	Наличие нормы
Литературный язык	+	+
Местные говоры	+	+
Социальные жаргоны	–	+/-
Просторечие	–	–

Литературный язык (здесь не подразделяется литературный язык и литературная разговорная речь).

1) Бесспорно, литературный язык, является самостоятельным кодом. Доказательством этому служат многочисленные художественные произведения. Элементы других идиомов языка, если и используются в литературе, то

для создания определенных художественных образов. Устная неподготовленная речь на литературном языке также вполне возможна.

2) Бесспорно, литературный язык обладает нормой, при этом нормы литературного языка являются кодифицированными и подробно описаны во многих языках. Благодаря этому нормы литературного языка являются наиболее четкими.

Местные говоры.

1) Местные говоры также представляют собой коды, достаточные для отдельного функционирования.

2) Говоры обладают нормой, т.е. у носителей говора всегда есть внутреннее ощущение, как правильно «по-нашему» нужно сказать. Тем не менее диалектные нормы, по сравнению с литературными, имеют более размытый, менее четкий характер, ввиду меньшей дифференциации стилистических функций у говоров и существования их преимущественно в устной форме, а также ввиду того, что норма говора не «предписывается» социумом.

Социальные жаргоны.

1) Социальные жаргоны крайне разнообразны и в подавляющем большинстве случаев не являются кодами. Совершенно невозможно, например, представить себе речь на каком-либо профессиональном жаргоне, не включающую в себя никаких элементов других идиомов (литературного языка, просторечия и т.д.). Обычно различного рода жаргоны представлены особыми лексическими единицами (и моделями их построения), совокупность которых является дополнительной лексической системой, недостаточной, однако, для самостоятельного функционирования. Эта лексическая система функционирует в более или менее определенных ситуациях, т.е. служит для выражения достаточно специфических, необщих для всех носителей языка функций. Это может быть обозначение специфических для данной области знания или деятельности предметов (профессиональные жаргоны) или специфических коннотативных значений (молодежный жаргон).

2) Жаргоны допускают сильную вариативность и довольно быстро меняются, однако в данный момент времени и в определенном коллективе жаргон может обладать определенными признаками наличия нормы (употребление тех или иных лексических форм, лексем, продуктивных словообразовательных моделей). В данном случае речь идет о еще менее четкой норме, чем в говорах, касающейся не всех элементов системы жаргона.

Сама системность из-за текучести элементов в жаргонах может постоянно расшатываться (см., например, молодежный жаргон), а расшатывание системы приводит к утрате нормы. Таким образом, социальный жаргон в зависимости от своей природы может иметь норму, а может не иметь ее. Можно сказать, что чем более специфична функция жаргона и менее многочисленно число его носителей, тем более системен жаргон и тем ярче проявляются в нем нормативные черты (крайним случаем, вероятно, можно считать воровское аргю).

Просторечие.

Просторечие является наиболее интересным и спорным образованием в русском языке. Просторечие – это промежуточное языковое образование, объединяющее в себе черты говоров, литературного языка, а в последние десятилетия – и жаргонов (см.: Беликов, Крысин 2001).

1) Является спорным вопрос о системности просторечия и, соответственно, о его статусе как кода. Подробное рассмотрение этого вопроса (см.: Ерофеева 2002) привело нас к выводу, что просторечие не является системой и не является единым кодом.

2) Практически все исследователи просторечия отмечают индифферентность носителей просторечия к правильности высказывания с точки зрения его формы. «Просторечнику» (термин Е.А. Земской) все равно как сказать. Он не видит разницы между различными вариантами и пользуется, как правило, наиболее частотным и привычным (см.: Городское просторечие 1984; Прияткина 2000). Таким образом, просторечие в наибольшей степени лишено нормы.

Итак, современное русское просторечие несистемно, не является единым кодом и не обладает нормой. Что же тогда оно собой представляет? Наиболее вероятным кажется предположение, что современное русское просторечие представляет собой единый общеязыковой узус, в котором смешиваются все имеющиеся в языке идиомы.

Следовательно, схема принимает следующий вид:

Полярные точки на схеме представлены гетерогенными сущностями: общенародный язык – совокупность систем идиомов, просторечие – узус, объединяющий реализации всех идиомов. Промежуточный уровень представлен в разной степени системными идиомами, которые в большинстве случаев характеризуются наличием нормы.

Литература:

- Бсликов В.И., Крысин Л.П. Социоллингвистика. М., 2001.
 Городское просторечие: Проблемы изучения / Отв. ред. Е.А. Земская и Д.Н. Шмелев. М., 1984.
 Ельмслев Л. Язык и речь // Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. М., 1960. Ч.II. С.56-66.
 Ерофеева Е.В. Статус просторечия в современном русском языке // Русский язык сегодня. М. 2002. Вып.2. (В печати).
 Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. М., 1963. Вып. III. С.143-343.
 Прияткина А.Ф. Просторечные новообразования: их основа и судьба // Русский язык сегодня. М., 2000.
 Степанов Ю.С. Общее языкознание. М., 1960.

**Промежуточные формы городской разговорной речи
в свете теории социалингвистических переменных У. Лабова**

Современное состояние социальной диалектологии характеризуется тем, что объяснительная сила традиционной теории, устанавливающей прямые корреляционные связи между природой социального диалекта и социальной стратификацией, является неудовлетворительной. Языковая реальность (активизация диффузных процессов между центром и периферийными языковыми подсистемами), с одной стороны, и гноссологические установки современного языкознания, с другой – создают предпосылки для смены научной парадигмы в социальной диалектологии.

Для современной социальной диалектологии весьма остро стоит вопрос об определении предмета исследования. Социальный диалект как дискретная языковая подсистема с четко установленными границами все чаще воспринимается как теоретический конструкт, слабо соотносимый с реальностью. Определение «носителя» того или иного языкового субкода по формуле «одна языковая система – одна социальная группа» является весьма упрощенным изоморфизмом, поскольку не учитывает реальной динамики социального взаимодействия. Многими исследователями отмечается несовершенство самого термина «социальный диалект», который употребляется скорее по традиции. В связи с этим предпринимаются попытки ввести для обозначения единицы социального варьирования языка новый термин (социолект, социолема, социальный идиом, социальный вариант языка и др.).

В данном научном контексте неслучаен интерес исследователей к промежуточным языковым образованиям, имеющим синкретичную, недискретную природу, – полудиалектам, интержаргонам, арготизированным формам просторечия, сленгу и т.п., которые формируются во многих национальных языках и обусловлены интеграционными процессами в обществе (Беликов, Крысин 2001; Елистратов 1995; Ермакова, Земская, Розина 1999; Липатов 1994, 1998; Розина 1998; Салаяс 2002; Хорошева 1999; Sourdou 1991 и др.).

Наблюдается существенное изменение и в методологических установках при исследовании проблемы социальной дифференциации языка: от выявления системности языковых идиомов – к интерпретации их функционирования в живой речи; от обнаружения социальной детерминированности языковых фактов – к установлению сложного вероятностного характера их зависимости от совокупности экстралингвистических факторов (социальных, биологических, психологических, пространственных) (Т.И. Ерофеева 1995). При этом все более широкое применение в современных исследованиях по социальной диалектологии методов экспериментально-статистического моделирования обусловлено новым пониманием лингвистического объекта этой науки – как континуума, как вероятностной динамической системы (Е.В. Ерофеева 2002).

Одним из важнейших принципов современной социалингвистики является учет того, что в речевой деятельности диалектически сочетаются объективное и субъективное. Поэтому при анализе функционирования социальных

---

* © Н.В. Хорошева 2003

диалектов немаловажным является изучение установок говорящих в отношении к данному явлению. Такая языковая рефлексия поддается измерению статистическими методами и адекватно отражает объективные сдвиги в статусе лексикой социальных диалектов в конкретной лингвокультуре.

В данной системе методологических координат идеи классика социолингвистики Уильяма Лабова становятся очень актуальными. Труды этого американского исследователя оказались чрезвычайно важными для становления и развития социолингвистики во многих странах. Как отмечал У. Лабов, целью его работы было «не столько дать новую теорию языка, сколько снабдить ее новым методом работы» (Лабов 1975: 118). Однако им была не только разработана новаторская техника исследований языковой дифференциации, но и обоснован понятийный аппарат для описания языковых вариаций (Labov 1966).

Так, У. Лабов вводит понятия индикатора и маркера. Индикаторы коррелируют с социальным статусом говорящего и не подвержены стилистическому варьированию, т.е. являются относительно постоянными характеристиками речи, проявляющимися в любой ситуации одинаковым образом. Маркеры не только обладают социальной маркированностью, но и стилистически дифференцированы. Маркеры и индикаторы – это типы языковых вариаций, которые У. Лабов определяет как социолингвистические переменные – величины, зависящие от нелингвистических переменных социального контекста (Лабов 1975: 150).

В том случае, когда социолингвистические переменные «становятся неоспоримым достоянием общественного сознания» (там же: 160), они превращаются в стереотипы. Вслед за Р. Беллом стереотипы можно интерпретировать и как особый тип социолингвистической переменной, представляющей собой «зеркальный образ индикаторов, т.к. они не связаны с социальными факторами, но подвержены стилистическому сдвигу» (Белл 1980: 54). При этом немаловажно, что «соответствующие области вариативности стремятся к волнообразному распространению по системе. Граница распространения того или иного языкового изменения обычно локализуется в какой-то одной группе, а в последующих поколениях новые формы расходятся широкими кругами, захватывая другие группы» (Лабов 1975: 167).

Хотя основным материалом в исследованиях У. Лабова были фонетические изменения, «их интерпретация представляет интерес и в более широком плане, с точки зрения эволюции языка вообще» (Беликов, Крысин 2001: 112). Таким образом, на смену представления о жесткой оппозиции гипотетических «классовых языков» приходит концепция языка города как континуума вариаций, который вполне поддается изучению с помощью достаточно адекватных статистических методов при сравнительно малой выборке.

Применение теории социолингвистических переменных У. Лабова тем более целесообразно, когда речь идет, как в нашем случае, о промежуточном, континуальном языковом образовании, через которое лексика социальных диалектов проникает в просторечие и, шире, – в городскую разговорную речь.

Демократизация, характеризующая состояние многих языков, выражается в перемещении маргинальных, периферийных явлений по направлению к центру системы, а, следовательно, в расшатывании литературной нормы, в усилении диффузных тенденций между формами существования языка. Еще Б.А. Ларин писал о том, что эволюция любого языка может быть представлена

как ряд последовательных «снижений», варваризаций (Ларин 1977: 176). Однако волны таких варваризаций не совпадают по времени и размаху в разных языках.

Во французском языке один из последних значительных периодов активизации взаимодействия аргю и просторечия пришелся на конец XIX века (с последующим всплеском в 60-е гг.). В русском языке такой период активного «снижения» был связан с послереволюционной эпохой (10-20-е гг. XX в.), а с середины 80-х гг. диффузные тенденции между нелитературными подсистемами и литературной разговорной речью приняли особо интенсивный, гипертрофированный характер.

Широкий пласт единиц социальных диалектов (жаргонизмов, арготизмов), утративших корпоративность и перешедших в разряд стилистически сниженной и общеупотребительной лексики образует так называемое общее аргю (*argot commun*) во французском языке и общий жаргон в русском языке (см. Ермакова, Земская, Розина 1999; Розина 1998). Именно эти промежуточные формы городской разговорной речи и явились объектами нашего исследования. В отличие от французского общего аргю, лингвистическое и лексикографическое изучение которого ведется уже давно, русский общий жаргон оказался в поле зрения исследователей лишь в последние десятилетия.

Анализ социолингвистического статуса данных языковых образований был нацелен на определение основных социальных «векторов» жаргонизации/арготизации французского и русского языков, т.е. выявление иерархии социальных факторов, направляющих эти процессы (Хорошева 1999). Вместе с тем интерпретация полученных данных в терминах теории социолингвистических переменных У. Лавова позволяет не только определить статус русского общего жаргона / французского общего аргю в архисистеме соответствующих языков, но и в сравнении выявить направленность процессов диффузии лексики социальных диалектов.

Представим кратко суть социолингвистического эксперимента, который был проведен среди жителей г. Перми и г. Гренобля (Франция). Экспериментальные данные были получены в результате анкетирования. Вопросник представлял собой список из 50 единиц общего жаргона/общего аргю и направлен на выявление параметров «знание» и «употребление» данных единиц, определяемых информантами интроспективно. Поскольку эти параметры могут характеризоваться некоторой частотой, а следовательно, вероятностью, которая может варьироваться под влиянием градаций рассматриваемых факторов, становится целесообразным применение вероятностного моделирования владения жаргонизмом/арготизмом.

В качестве инструмента моделирования использовалась известная статистическая процедура – дисперсионный анализ силы влияния факторов (ДА). Информанты подбирались по типической, или стратифицированной выборке, одним из необходимых условий которой является выделение статистически однородных сбалансированных групп в соответствии с изучаемыми факторами. ДА накладывает определенные ограничения и на изучаемые факторы, которые должны быть не только формализуемыми, но и иметь небольшое количество градаций. Изучалось влияние четырех факторов (возраст с тремя градациями в соответствии с универсальными стадиями социализации личности; пол, уровень образования с двумя градациями – среднее и высшее и специальность – гуманитарная и негуманитарная). На основе данных принципов был

определен достаточный объем выборки в 144 информанта. В результате эксперимента получено более 8 тыс. словоответов.

Поскольку «коррелятом регулярной стратификации социолингвистической переменной в сфере языкового поведения является систематическое совпадение субъективных реакций на эту переменную» (Лабов 1975: 162), был осуществлен анализ социолингвистических установок русских и французских информантов в отношении изучаемой лексики. Для этого использовалось вычисление медианы распределения оценок. Таким образом, комплексная методика позволила учесть как объективную, так и субъективную составляющие социолингвистического статуса изучаемых объектов.

Экспериментально была доказана весьма слабая корреляция между социальным статусом носителей французского языка и их знанием арготизмов (ни один из факторов не оказывает существенного влияния на параметр «знание слов общего арга»). Для параметра «употребление» общего арга единственно значимым фактором оказался возраст. Однако при всех колебаниях в частоте знания и употребления арготизмов, наблюдаемых среди трех разных возрастных групп, разница в численных значениях данных признаков относительно невелика: порядка 2-5%. Это еще раз свидетельствует о тенденции к некоторому смягчению дифференциации в узусе различных возрастных групп во Франции (Désirat, Hordé 1976).

Эксперимент дал возможность представить статус французского общего арга как совокупности единиц, маркированных преимущественно не социально, а ситуативно.

Владение русским общим жаргоном, по данным эксперимента, обнаруживает явное воздействие социальной коррекции, прежде всего таких факторов, как пол и возраст.

Как оказалось, и в русском, и во французском языке лучше знают и чаще употребляют лексику социальных диалектов мужчины. При этом вес этого фактора для параметра «употребление» русского общего жаргона настолько велик, что превышает веса всех других факторов вместе взятых. Это позволяет заключить, что употребление общего жаргона в речи регулируется преимущественно социальными представлениями о маскулинности речевого поведения. Впрочем, это наблюдение не является абсолютно новым. Известно, что в русском языке этот стереотип регулярно проявляется в ненормативной речи. Следовательно, общий жаргон функционирует в разговорной речи согласно общим закономерностям, распространяющимся на социально непрестижную лексику в русском языке.

Таким образом, общий жаргон в русском языке проявляет не только ситуативную вариативность, ибо находится в отношении функциональной дополнительности к разговорной речи, но и социальную, поскольку зависит от социальных факторов. Это позволяет судить о статусе русского общего жаргона как о социально-стилистических маркерах (по У. Лабову).

В связи с этим вряд ли можно согласиться с мнением, согласно которому в современном русском языке наблюдаются «новые тенденции, характерные для жаргонов в целом [...]»: реализация социолингвистических переменных У. Лабова (переход социально-лингвистических переменных в социально-лингвистические стереотипы) в сфере жаргонов и арга» (Лейчик, Павлов 2002: 94).

Важным признаком перехода маркера в стереотип является то, что «по мере медленного распространения данного изменения по системе происходит постепенный сдвиг социальных ценностей» (Лабов 1975: 167). О таком сдвиге свидетельствует коэффициент социальной непристужности (т.е. доля отрицательных реакций в общей совокупности субъективных реакций информантов), составивший около 60% для русского жаргона и 24% для французского аргю. Это наводит на мысль о том, что интенсивность жаргонизации современной русской разговорной речи еще не свидетельствует о столь же интенсивной смене социально-лингвистических установок в сознании говорящих.

Итак, при подобном подходе общий жаргон в русском языке и общее аргю во французском предстают как два разных последовательных этапа одного общего конвергенционного процесса – на пути превращения стратификационных переменных в ситуативно-стилистические. В теории У. Лабова «языковые индикаторы, обнаруживающие социальную дистрибуцию, но не стилевой сдвиг, представляют ранние этапы этого процесса. Маркеры, показывающие как стилистическую, так и социальную стратификацию, представляют развитие социальной реакции на изменение и присвоение социальных ценностей соответствующим вариантам. Стереотипы, проникшие в общественное сознание, могут быть отражением прежних изменений, фактически, возможно, уже завершившихся» (там же: 167). Такое представление о характере языковой эволюции как о волнообразном распространении изменений по континuumу социальной коммуникации представляется более гибким, чем попытки установления жесткой социолингвистической детерминации.

Литература:

- Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика. М., 2001.
Белл. Р. Социолингвистика. М., 1980.
Елистратов В.С. Аргю и культура. М., 1995.
Ермакова О.П., Земская Е.А., Розина Р.И. Слова, с которыми мы все встречаемся: Толковый словарь русского общего жаргона. М., 1999.
Ерофеева Е.В. К вопросу о природе подсистем языка // Проблемы социо- и психолингвистики. Пермь, 2002. Вып.1.
Ерофеева Т.И. Социолект: стратификационное исследование: Дис. ... докт. филол. наук. Л., 1995.
Лабов У. Исследование языка в его социальном контексте // Новое в лингвистике: Социолингвистика. М., 1975. Вып. VII.
Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание. М., 1977.
Лейчик В.М., Павлов В.Ю. Компьютерно-интернетский жаргон на современном этапе // Социальные варианты языка: Материалы междунар. научн. конф. Нижний Новгород, 2002.
Липатов А.Т. Русский сленг и его соотносительность с жаргоном и аргю // Семантика и уровни ее реализации. Краснодар, 1994.
Липатов А.Т. Семантика лексем в дихотомии «идиолект – сленг» // Семантика языковых единиц. М., 1998.
Розина Р.И. Общий жаргон: принципы лексикографического описания, семантика и поведение // Русский язык в его функционировании: Тез. докл. междунар. конф. М., 1998.

- Саяев В.А. Два источника и две составные части русского сленга // Социальные варианты языка: Материалы междунар. научн. конф. Нижний Новгород, 2002.
- Хорошева Н.В. О социальных «векторах» жаргонизации городской разговорной речи (экспериментально-статистическая модель) // Лингвистическая ретроспектива, современность и перспектива города и деревни. Пермь, 1999.
- Désirat C., Hordé T. La Langue française au XXème siècle. Paris, 1976.
- Labov W. The Social Stratification of English in New York City. W., 1966.
- Sourdot M. Argot, jargon, jargon // Langue française. 1991. № 90.

Т.И. Ерофеева, И.Г. Овчинникова*
Пермь

Языковая ситуация в Прикамье как социопсихолингвистическая проблема**

Сложность языковой ситуации в Прикамье общеизвестна. Особенности географии и исторического развития региона привели к соседству на компактной территории языков трех различных семей: финно-угорской (коми-пермяцкий), тюркской (татарский, башкирский) и индоевропейской (русский).

Коми-пермяцкий и татарский распространены на севере и юге области соответственно, на территории компактного проживания татар и коми-пермяков. Коми-пермяцкий язык считается младописьменным, для письма используется алфавит на основе кириллицы, поскольку особая азбука, созданная для коми Стефанием Пермским, была утрачена еще в XVII веке. В настоящее время коми-пермяцкая национальная культура и языкознание интенсивно развиваются благодаря усилиям национальной и русской интеллигенции (Кривошкова-Гантман 1977). Однако количество переводов научной и художественной литературы, характер публицистики и тиражи СМИ не позволяют коми-пермяцкому языку выполнять функцию приобщения к мировой культуре, посредника в межкультурной коммуникации. Существенную роль в приобщении коми-пермяков к мировой культуре играет русский язык.

Диалект татарского языка, бытующий в Пермской области, заметно отличается от литературного татарского и как диалект лишен самостоятельной письменной формы. Вопрос о статусе татарского литературного языка отнюдь не прост. В Татарстане татары составляют менее 50% населения, представляя, тем не менее, основной этнос. Свободно владеют татарским языком 49,2% горожан. Однако количество тех, кто признает его родным, в 90-е годы в городах уменьшилось на 14, а в селах – на 5% (Баскаков 1996). Основным средством формирования научного блока картины мира и современного менталитета является русский язык.

Большая часть населения региона использует русский язык во всех сферах общения. Свойственная русскому языку диглоссия, т.е. параллельное бытование устной формы литературного языка и просторечия, в Прикамье ос-

---

* © Т.И. Ерофеева, И.Г. Овчинникова 2003

** Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 02-06-80223 «Языковая личность в условиях диглоссии и билингвизма»

ложнена. В сельских районах распространены диалекты. В городах, в Перми в том числе, диалект сосуществует с просторечием и устной литературной речью (Ерофеева и др.: 2000). Просторечие представляет собой «язык улиц», обслуживает массовую культуру (Голстой 1991). Иногда говорят о «третьей культуре», проникающей с улиц на страницы печатных изданий, на радио и ТВ, а оттуда – в литературу (см., например, произведения Лимонова, Целевина и т.п.). Это общерусское явление. Специфическим для Прикамья является влияние народных говоров на литературную речь горожан, вследствие чего она приобретает локальную окраску, которая проявляется прежде всего в лексике и фонетике. Эта особенность характерна для языка делового общения и культуры, включая процесс обучения на всех его ступенях. Выявление социальных и психологических факторов, определяющих меру влияния народных говоров на речь городской интеллигенции – отдельная исследовательская задача, решаемая научной школой Т.И. Ерофеевой. Таким образом, общерусские языковые процессы в Прикамье приобретают региональную специфику: на нашей территории взаимодействуют не только просторечие и литературная речь, но просторечие, локально окрашенная литературная речь и элитарная литературная речь.

Во второй половине прошлого столетия, благодаря распространению школьного образования и наличию единых образовательных программ, практически все жители региона в той или иной мере освоили русский язык в средней школе. Однако, в силу специфики функционирования русского языка в Пермской области, освоенный вариант русского языка является локально окрашенным.

В нашем регионе наряду с общерусской диглоссией (в осложненном варианте) распространен и билингвизм (татарско-русский и коми-пермяк-русский и т.п.). Языком межэтнического общения в коммуникативных ситуациях всех типов оказывается локально окрашенный вариант русского литературного языка. Это означает, что в языковом сознании жителей области представлено несколько вариантов языковых картин мира, в разной мере отражающих национальную культуру славян, в разной степени пригодных для решения сложных когнитивных задач и вербализации результатов мыслительной деятельности. В языковом сознании билингва, в случае «неравноправного» владения и употребления освоенных языков, неизбежно формируется некоторый промежуточный модуль (Зимняя, 1989). Наивный блок картины мира обычно связан с родным (лучше известным, ранее приобретенным) языком, научный – с тем, который освоен в письменной форме и удовлетворительно отражает выработанные наукой закономерности. В случае «закрепленности» наивного и научного блоков картины мира, субъективно переживаемой как целостное образование, за разными национальными языками, процессы понимания вербально сформулированных интеллектуальных задач, их успешное решение и построение связного монологического высказывания, адекватно отражающего замысел автора осложнены. Естественным преодолением негативного влияния этого субъективного фактора является совершенствование знаний языка, позволяющего приобщаться к мировой культуре. В нашем регионе «доступ» к мировой культуре обеспечивает русский язык посредством текстов, переведенных с других языков, распространению в СМИ, включая электронные.

Необходимость языкового планирования развития языковой ситуации очевидна. Основа языкового прогнозирования – исследование взаимодействия подсистем национального языка, процессов языковой интерференции, ассимилятивных и диссимилятивных тенденций в развитии языков и культур. Это позволит разработать модели общения и обучения, отражающие лингвокультурную специфику Прикамья.

Литература:

- Баскаков А.Н. Социолингвистические проблемы тюркских языков в Российской Федерации // Социолингвистические проблемы в разных регионах мира: Матер. Междунар. конф. Москва, 1996. С.5-7.
- Ерофеева Т.И., Ерофеева Е.В., Грачева И.И. Городские социолекты: Пермская городская речь: Звучащая хрестоматия // Бюллетень фонетического фонда русского языка: Приложение №11. Пермь – Бохум, 2000. 173 с.
- Зимняя И.А. Психология обучения неродному языку. М., 1989.
- Кривошекова-Гангман А.С. Коми-премяцкое языкознание за 50 лет // Лингвистическое краеведение Прикамья. Пермь, 1977.
- Толстой Н.И. Язык и культура (Некоторые проблемы славянской этнолингвистики) // Русский язык и современность: Проблемы и перспективы развития русистики: Докл. Всесоюзн. науч. конф. М., 1991. Ч.1.

В.Р. Галимьянова*
Нефтекамск

Языковая ситуация Краснокамского района Республики Башкортостан: социолингвистический аспект

Изучение языковых ситуаций в различных макро- и микросоциумах является одной из актуальных задач современной социолингвистики. Нами предпринята попытка исследования языковой ситуации на материале Краснокамского района Республики Башкортостан.

Краснокамский район расположен на северо-западе Республики Башкортостан, у слияния рек Белой и Камы. Граничит с соседними республиками: Удмургией и Татарстаном. На территории Краснокамского района находятся два города (Нефтекамск, Агидель) и два поселка (Никола-Березовка, Куяново). Национальный состав жителей района неоднороден: башкиры, татары, русские, марийцы. Этническая пестрота связана с историческими процессами, происходившими на этой территории со времен глубокой древности. Согласно археологическим данным, к началу новой эры всю северо-западную часть современной Башкирии занимали угро-финские племена пермской ветви (Юлдашбаев 1972: 23). Но этнический состав населения менялся постоянно как за счет миграционных потоков и появления новых этносов, так и за счет изменения конфигурации этносов в ходе их взаимодействия (Кузеев 1997: 42).

Территория сегодняшнего Краснокамского района раньше принадлежала древнебашкирским племенам, которые в XII-XIV веках заняли низовья рек Ик и Белой, а также побережье Камы. Древнебашкирские племена были кочевниками-скотоводами. Однако в последующие столетия традиционное ведение

---

* © В.Р. Галимьянова 2003

хозяйства изменилось. Природные условия края – густые леса левобережья Белой и Камы с избытком пушных зверей – способствовали распространению в этом районе охотничьего хозяйства, бортничества.

По историческим данным в XVI веке Башкирия добровольно присоединилась к Русскому государству. Правительство гарантировало башкирам защиту от внешних врагов, сохраняло за ними вотчинное владение землями. Башкиры, в свою очередь, обязались нести военную службу и вносить в казну ясак медом и пушниной. Самым ранним поселением Краснокамского района считается поселок Николо-Березовка (начало XVI в.). Его основали при слиянии рек Березовки и Камы вотчинники-башкиры Осинской дороги. После выдачи царем жалованной грамоты башкиры перенесли свое поселение на север, в лесные и таежные края левобережья Камы. Пустующее городище досталось Московскому Саввино-Сторожевскому монастырю. Царь, закрепив за поселенцами земли, в знак особой милости прислал икону Николая Чудотворца, и слобода стала называться Никольской. Чуть позже слободу переименовали по названию реки в село Березовка. В дальнейшем Николо-Березовка была выбрана Яковым Строгановым (из династии известных соледобытчиков) в качестве перевалочного пункта между чувовскими и волжскими городами. К XVII веку Николо-Березовка стала крупным промысловым селом, где продукты землевладения предназначались для собственного потребления, а на продажу шли рыба, хмель, пушнина, мед.

В начале XVII века начинается процесс переселения русских, татар, марийцев в этот край. Башкиры разрешали им селиться на своих вотчинных землях в качестве припущенников (Мурзабулатов 1999: 167). С увеличением масштабов переселения у башкир появилась необходимость в защите прав со стороны официальных властей, в частности получения жалованных оберегательных грамот. Так, известно, что башкирский вотчинник Янзигит получил жалованную оберегательную грамоту в 1612 году, Бурдюк Кудабактин – в 1631 году, Кузенин Бахтигидисев – в 1632 году после обращения к властям за помощью в защите от наступления казанцев, сарapulьцев, вятчан. По договорным записям башкиры Гарейской волости «припустили» ясачных марийцев Торгузю Бейкеева, Байтуша Тойлина и племянника Шцекая Шербатова с условием уплаты по 3 куницы да полубатману в год (Асфандияров 1994: 176). Ясачные марийцы Федос Федоров, Сепуш Сарманов обязались вносить в общегубный башкирский ясак по 7 куниц в год. Так возникли марийские поселения Арлан и Енактаево. Переселенцы с Вятской, Вологодской, Казанской, Самарской, Пензенской губерний создавали свои поселения на землях Киргизской и Гарейской волостей не только по договорным записям, но и на основе полученных от официальных властей грамот на конфискованные земли башкирских общин. Примером служат деревни Ишметово, Ведрясево и Большая Амзя.

В середине XVII века правительство переселило из Среднего Поволжья для несения военной службы по 100 семей мишарей и татар, наделив их небольшими поместьями. В начале XVIII века по Указу от 1736 года русские дворяне не только наделались башкирскими землями, но и получили право покупать их; вследствие этого образуются русские деревни: Марино – 1745, Ташкиново – 1740, Кутлинка, Ротково, Клопово, Дубник, Зубовка, Мурзино, Пенза, Касево. Русское население состояло из дворцовых, государственных, помещичьих и монастырских крестьян. Известно имя помещика Можарова, который в 1815 году отдал часть купленной земли крестьянам сроком на 25

лет. После отмены крепостного права поток переселенцев-крестьян усилился. Этому способствовали выгодные почвенные и климатические условия, дешевизна продажных и арендных цен на землю, возможность получить хороший заработок (Аюпова 2000: 29). Населенные пункты, возникшие в XIX – в начале XX века, образованы частично жителями существовавших деревень, либо переселением отдельных семей на новое место.

Благодаря удобному расположению к концу XIX века село Николо-Березовка стало купеческим. Здесь проводились ежегодные ярмарки. С 1899 года установилось регулярное пароходное движение по Каме. К 1912 году проживало 499 человек, а к 1917 году село можно было отнести к поселению городского типа. В нем жили многочисленные наемные рабочие, приказчики, мастеровые, пришлые люди, появляющиеся во время навигаций, и малоземельные крестьяне. К 1920 году население насчитывало более 1300 человек. В 1930 году был образован Николо-Березовский район, который с февраля 1932 года был упразднен, а с января 1935 вновь воссоздан под названием Краснокамский. В связи с укрупнением в 1965 году произошло вторичное упразднение района, а в 1972 году – разделение с выходом из состава Калтасинского района.

На сегодняшний день в составе Краснокамского района 16 административных единиц (68 населенных пунктов). Районный центр – поселок Николо-Березовка. Население – более 25 тысяч человек: из них 21,5% – в районном центре, 78,5% – в сельской местности. В районе проживают представители 11 национальностей. Собственную языковую среду имеют четыре этноса: башкиры – 29%, татары – 31%, русские – 13%, марийцы – 26%.

Данные переписей 1970, 1979, 1989 и микропереписи 2000 гг. показывают соотношение численности наций, проживавших на территории Краснокамского района Республики Башкортостан (табл.1).

Таблица 1

**Национальный состав жителей Краснокамского района
по данным переписей 1970, 1979, 1989, микропереписи 2000 года**

Националь-ности	1970 количество/ проценты	1979 количество/ проценты	1989 количество/ проценты	2000 количество/ проценты
Башкиры	13415 (31%)	10324 (32%)	10273 (24%)	7823 (29%)
Татары	7721 (17%)	7306 (23%)	16660 (39%)	8386 (31%)
Русские	9615 (22%)	5642 (17%)	6887 (16%)	3585 (13%)
Марийцы	11609 (26%)	8068 (25%)	7823 (18%)	7128 (26%)
Чуваши	67 (0,2%)	40 (0,1%)	207 (0,5%)	} 373 (1%)
Мордва	54 (0,1%)	15 (0,0%)	56 (0,1%)	
Удмурты	490 (1,1%)	113 (0,4%)	279 (0,7%)	
Белорусы	39 (0,1%)	19 (0,1%)	64 (0,2%)	
Прочие	81 (0,2%)	159 (0,5%)	213 (0,5%)	
Всего	43213 (100%)	31823 (100%)	42669 (100%)	27295 (100%)

Если сравнить данные, то можно увидеть, что в 70-х годах первую позицию занимали представители башкирской национальности, вторую – марийцы, третью – русские, четвертую – татары. К 1989 году ситуация изменилась: перепись показывает резкое увеличение численности татар (39% от общего числа

населения). Это объясняется несколькими причинами: близким расположением территории Краснокамского района к Республике Татарстан, миграционными процессами, усиливающимися из-за возможности получить работу и жилье. Так, в 1980 году, например, в связи со строительством Башкирской атомной электростанции появляется населенный пункт, который получает статус города в 1991 году. По данным информационно-аналитического отдела районной администрации на 6 января 2001 общая численность населения района составила 27 295 человек, из них 13 010 человек – лица трудоспособного возраста, 7 345 человек – пенсионеры, 6 940 – лица дошкольного и школьного возраста. Соотношение лиц мужского и женского пола выглядит так: 12 476 мужчин, 14 819 женщин. Средняя численность одной семьи 3–4 человека.

В Краснокамском районе 68 населенных пунктов, национальный состав которых различен: большинство населенных пунктов имеет однородный этнический состав (более 90% населения), а часть населенных пунктов – полиэтничный состав. Если все имеющиеся населенные пункты с однородным составом разделить условно по этнической принадлежности, то получится следующее соотношение: в районе русских деревень – 5 (7% от общего числа), татарских деревень – 13 (19% населенных пунктов), башкирских деревень – 22 (32,5%), марийских деревень – 22 (32,5%). Полиэтнических населенных пунктов – 9%.

Для выяснения вопроса о том, какой язык и в каких функциях используется в Краснокамском районе, в 2002 году было проведено анкетирование в населенных пунктах: Раздолье, Арлан, Можары, Старая Мушга, Саузбаш. Полиэтническими населенными пунктами являются село Раздолье, деревни Можары (см. табл.2). Анкетирование охватило 1 319 человек. Информантами были пенсионеры, школьники, колхозники, домохозяйки. Национальный состав опрошенных представлен в таблице 3.

Закономерности, которые выявились при обработке анкет, представлены в таблице 4. В селе Раздолье, деревне Можары, селе Арлан русский язык выполняет функцию языка межнационального общения. Основной тип существующего билингвизма в этих населенных пунктах – национально-русский. Представители башкирской национальности, часть марийской национальности указали на владение (кроме родного) татарским и русским языками, т.е. они трехязычны. Армяне, удмурты, белорусы двуязычны. Русское население не владеет языками других национальностей. В деревнях Старая Мушга и Саузбаш функционирует татарский язык.

Русский язык больше всего распространен в селе Раздолье и деревне Можары. Наблюдаются различия в уровне владения русским языком жителями разных населенных пунктов. Это объясняется функционированием русского языка в разных сферах общественной жизни в селах и деревнях со смешанным национальным составом жителей и меньшей социальной потребностью в использовании русского языка в однородных по национальному составу населенных пунктах. Общению на родном языке отдают предпочтение люди старшего возраста. Молодежь чаще общается на русском языке.

В функционировании двуязычия и формировании языковой компетенции важную роль играет семья. Языки внешнего окружения самыми различными способами (радио, ТВ, друзья) проникают даже в одноязычную семью. Характер этнолингвистических процессов в значительной мере обусловлен квали-

Таблица 2

Национальный состав жителей по данным информационно-аналитического отдела Краснокамского района на 01.06.01.

Националь-ности	Раздолье	Арлан	Можары	Старая Мушта	Саузбаш
Башкиры	109 (15%)	11 (1,5%)	20 (9%)	520 (81%)	326 (71%)
Татары	214 (32%)	16 (2%)	38 (16%)	117 (18%)	131 (28%)
Русские	251 (37%)	23 (3%)	104 (44%)	4 (0,6%)	4 (0,8%)
Марийцы	148 (20%)	718 (92%)	73 (31%)	-	-
Прочие	46 (6%)	11 (1,5%)	-	3 (0,4%)	1 (0,2%)
Всего	768	779	240	644	462

Таблица 3

Национальный состав опрошенных по населенным пунктам (чел.)

Националь-ности	Раздолье	Арлан	Можары	Старая Мушта	Саузбаш
Башкиры	54	10	16	101	97
Татары	148	13	33	39	35
Русские	142	17	98	3	3
Марийцы	132	314	52	-	-
Белорусы	3	1	-	-	-
Удмурты	12	1	-	-	1
Узбеки	-	-	-	3	-
Армяне	4	1	-	-	-
Всего	495	357	190	146	136

Таблица 4

Общение в семье и вне семьи по населенным пунктам (%)

Общение	Раздолье	Арлан	Можары	Старая Мушта	Саузбаш
1. В семье					
на башкирском	2,5	-	7	1	2
на татарском	2,5	19	19	93	82
на русском	67	26	50	6	16
на марийском	28	52	23	-	-
2. Вне семьи					
а) с друзьями					
на башкирском	1	-	3	1	2
на татарском	16	9	10	80	75
на русском	78	37	80	19	23
на марийском	22	64	17	-	-
б) с соседями					
на башкирском	0,8	-	2	1	2
на татарском	36	6	13	93	90
на русском	83	83	91	6	8
на марийском	47	47	35	-	-

фикационным и образовательным уровнем людей – чем выше этот уровень, тем шире общины на разных языках.

В связи с возросшим в последнее десятилетие интересом к культуре и обычаям народов, компактно проживающих на одной территории, возрождаются забытые праздники и обряды. Важно отметить, что 87% опрошенных утвердительно ответили на вопрос анкеты о необходимости изучения языка и культуры других народов. В полиэтничных населенных пунктах башкирский, татарский и марийский языки преподаются в школах как предметы. Эти языки частично функционируют в сфере массовой коммуникации (на татарском и русском языках издается районная газета «Камские зори», республиканские газеты на башкирском языке и газета «Чолман» на марийском языке; по телевидению транслируются передачи на башкирском и русском языках).

Таким образом, результаты анкетирования выявляют следующее: расширению двуязычия способствует миграция населения, на владение языками оказывают влияние сфера образования, средства массовой информации, общественная деятельность, профессия, семья и продолжительность проживания в этнически неоднородном населенном пункте. Русский язык наделяется большими социальными и коммуникативными функциями по сравнению с другими языками народов, компактно проживающих на территории Краснокамского района Республики Башкортостан.

Литература:

- Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана. Уфа, 1994.
Люпова Л.Л. Языковая ситуация: социолингвистический аспект. Уфа, 2000.
Кузеев Р.Г. Этнос и история // Вестник Академии Наук РБ. 1997. Т. 2. №4. С.42-43.
Мурзабулатов М.В. Северо-западный регион Башкортостана // Ватандаш. 1999. №3. С.166-169.
Юлдашбаев Б.Х. История формирования башкирской нации: Дюктябрьский период. Уфа, 1972.

А.А. Юнаковская*
Омск

К вопросу о диахронической социолингвистике (на материале Среднего Прииртышья)

Изучение разговорной речи (РР) является актуальным для современной русистики. История развития РР (в том числе и регионального типа) разработана слабо. Это связано с тем, что практически не сохранилось образцов звучащей речи предшествующих периодов. Тем не менее возможны исследования РР в аспекте развития, что характерно для «внешней лингвистики», ориентированной на историю социальных функций вариантов русского языка. При таком подходе учитывается соотношение **язык – общество**, что, в свою очередь, ведет к разработке проблемы соотношения истории языка и истории народа и позволяет выделить социолингвистическое направление в диахронических исследованиях. В русистике уже намечается разделение на синхронную и

---

* © А.А. Юнаковская 2003

диахроническую социолингвистику; для последней также употребляется термин «ретроспективная социолингвистика» (Дешериев 1977).

Диахроническая социолингвистика, используя данные истории, этнографии, исторической демографии и т.п., может объяснить те или иные явления в языке, обусловленные социальным развитием, языковыми и культурными контактами и т.д. При этом сознательное воздействие общества на функционирование языка оказывается весьма слабым. В рамках диахронической социолингвистики возможно также моделирование социально-культурного пространства (отражение культуры в языке) – выявление ментальных структур (предметно-образной и понятийной) и иерархии ценностей в общественно-историческом контексте и т.п.

Понятийный аппарат диахронической социолингвистики, по мнению В.К. Журавлева (1993), включает в себя такие понятия, как **социум** (общество, социальный коллектив, связанный единством целей и задач), **социальное взаимодействие** (интеракция, осуществляемая с помощью определенного типа речи), **речевое взаимодействие** (как в границах определенного языкового коллектива – **социалемы**, так и разных социалем). В зависимости от целей речевой деятельности язык может реализовываться как в письменной, так и в устной формах. Такого рода образования определяются как **лингвема** (под лингвемой понимается любой язык, обслуживающий определенную социальную общность). Во главу угла диахронической социолингвистики выдвигается **социалема**, в которой пересекается языковое и социальное. Данные термины социолингвистических исследований предложены Ю.Д. Дешериевым в «Социальной лингвистике» (1977). Также им же выделяются **микролингвема** – лингвистическая единица, использующаяся далее неделимой социальной группой, **социолингвема** – отображение содержания социалемы в лингвеме, **функциона** – единица функциональной структуры языка.

Цель диахронической социолингвистики состоит, по мнению ученых, в выявлении динамики системообразующих связей, способствующих самосохранению и саморазвитию системы **социум – социалема – лингвема, социальное – языковое взаимодействие**, а задача – в выявлении закономерностей изменения объема и социально-этнического содержания социалем в связи с изменением объема и содержания социального взаимодействия соответствующих социумов, с одной стороны, и отражение этих процессов на структуре и иерархии соответствующих лингвем – с другой (Журавлев 1993). Принципы системности и историзма являются основными при данном типе исследований.

Одним из направлений диахронической социолингвистики может быть изучение территорий вторичного заселения. Именно таким регионом является Среднее Прииртышье – территория современной Омской области, расположенная на юге Западно-Сибирской равнины в среднем течении реки Иртыш, вытянутая с юга на север, охватывающая различные климатические и природно-климатические зоны. С точки зрения исторической демографии, современного этнического состава и культуры это регион «смешанного типа». В его границах завершался этногенез первопоселенцев (с преобладанием русского этноядра), происходила их дальнейшая этноэволюция. При этом наблюдалась этническая ассимиляция автохтонного населения (для данного региона это ханты, манси, разрозненные племена тюрков). В результате сформировалось определенное культурно-языковое пространство (КЯП), имеющее ряд черт, свойственных как всей территории вторичного заселения, так и отдельному

региону (так называемые узкорегionalизмы). Далее КЯП входит в коммуникативное пространство, которое сформировалось под воздействием ряда факторов, чаще всего имеющих историческую основу. Можно говорить и о создании социалемы, микросоциалем, а также определенного типа народного сознания («регионального сознания»), имеющего в основе составляющие этно-сознания: комплекс знаний, убеждений, представлений, познавательных стереотипов (когнитивных этнокомпонентов), психологическую структуру, лингвистические схемы, модели (лингвистические ориентации) и т.п. В КЯП региона можно выделить несколько уровней: 1) скрытый, 2) традиционный, 3) современный.

При рассмотрении культурного пространства учитываются такие понятия, как «мозаичная культура», «старожильческая культура», «новосельская (россейская) культура», «культура казаков», «культура старовсров» и т.п., выделяются их составляющие. В результате возможно моделирование «культурного пространства» первооселенцев: создание различного типа словарей на основе изучения письменных памятников (деловых документов, записок путешественников и дипломатов, карт и чертежных книг и т.д.), выявление характерных особенностей их сознания, реконструкции их быта, выявления доминант культуры и т.п. Наблюдается переплетение лингвистических исследований с подходами, принятыми в этнографии и этносоциологии.

Для анализа современного уровня КЯП преобладающим является лингвистический и лингвокультурологический подходы, а также данные этнодемографии и этносоциологии, которые используются при создании этнопсихологического портрета жителя Среднего Прииртышья и описании способов освоения и отражения действительности, схем речепорождения и т.п.

В границах лингворегiona (как исторически сложившегося непрерывно-го языкового пространства) формируется определенный тип речи – лингвема, «вариант» общерусского языка, так называемый «региональный язык», «региолект», «региональное койне».

Словарь жителей Среднего Прииртышья складывался в течение более чем четырехсот лет (с 1594 г.) употребления единиц рядом поколений русских в условиях сибирской географической среды, при постоянных контактах с автохтонным населением (ханты, манси, тюрки и др.). В исследовании не ставится цель реконструкции состояния речи этапа первичного освоения территорий из-за слабой представленности источников разговорной речи, а лишь рассмотрения динамических процессов в структуре словаря в условиях дисперсного существования русских.

Одним из источников восстановления определенных пластов лексики первооселенцев могут быть письменные памятники. Существуют различные деловые документы, отражающие в той или иной степени единицы складывающегося региолекта: переписные книги, окладные книги, таможенные книги, челобитные, допросные сказки, отписки, записки и т.п. При этом стоит отметить, что еще Б.А. Ларин в статье «Разговорный язык Московской Руси» (1961) отмечал, что памятники отражают централизирующие тенденции в языке деловой письменности, ограничивающие возможность прямой передачи в ней местной речи, однако вопреки централизации здесь ненароком прорывались диалектизмы в делопроизводстве; деловая письменность изредка дает ценные факты для изучения местных диалектов и разговорной речи горожан, посадских и крестьян, но их историко-диалектное приурочивание крайне затрудни-

тельно прежде всего из-за фонетической и грамматической нормализации языка.

Таким образом, тема «разговорная речь в историческом аспекте» может получить свое развитие на материале отдельного региона. При этом исследование может вестись в русле диахронической социолингвистики. В результате более глубоко можно выявить соотношения типа «язык и общество», «язык и культура».

Разработка региональных исследований в аспекте выявления условий формирования социалемы и лингвемы и путей их дальнейшего развития позволит концептуализировать семантическое пространство первопоселенцев и выявить их ценностные ориентиры, а также проследить в динамике составляющие мировидения.

Литература:

Дешерисв Ю.Д. Социальная лингвистика. М., 1977.

Журавлев В.К. Диахроническая социолингвистика (предмет, задачи, проблемы) // Диахроническая социолингвистика / Под. ред. В.К. Журавлева. М., 1993.

Ларин Б.А. Разговорный язык Московской Руси // Ларин Б.А. Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1961.

Е.В. Харченко*
Челябинск

Восприятие образа профессионала в русской культуре**

Обращение к исследованию образа профессионала, сложившегося в нашей культуре, актуально в связи с новыми политическими и экономическими реалиями, повлекшими за собой изменения в ценностях и поведении людей, а также в связи с появлением новых сфер деятельности, отсутствием социально закрепленных норм взаимодействия профессионала и клиента при возрастающей значимости межличностного общения в деловой сфере, которое сменяет формальное деловое взаимодействие, так называемый «контакт масок». Этот процесс связан как с переоценкой роли отдельного человека в обществе в целом, так и с конкуренцией на рынке товаров и услуг, когда решающим фактором приобретения товара, а особенно услуги, становится именно эффективное речевое поведение профессионала.

В межличностном общении наряду с намерениями говорящего, контекстом и т.д. очень важен предварительно сложившийся образ собеседника, который может заранее сформировать какую-либо стратегию поведения. Интересно с этой точки стереотипное восприятие профессионала в какой-либо области. Практически у каждой профессии сложился свой особый образ, закрепленный в языковом сознании представителей одной социальной общности и эксплуатируемый в современной литературе, рекламе, кино, театре.

Образ нового собеседника складывается в первые минуты взаимодействия, причем мы соотносим первое впечатление от собеседника со своим пред-

---

* © Е.В. Харченко 2003

** Исследование поддержано РГНФ № 02-04-00396а/Т

шествующим опытом и относим человека в какую-либо сформированную нами ранее характерную группу («умник», «добряк», «зануда», «псих», «тихоня» и т.д.).

При взаимодействии с представителем определённой корпорации человек поступает обратным образом: на первом этапе он соотносит поведение профессионала со сложившимися у него нормами поведения специалистов данной сферы деятельности и только впоследствии (иногда при последующих контактах) выделяет индивидуальные, личностные характеристики, присущие конкретному человеку.

Желание идентифицировать собеседника, не углубляясь в его индивидуальные особенности, в ситуации межличностного общения можно объяснить тем, что общение современного человека характеризуется все возрастающим количеством контактов при одновременном сокращении их длительности. В такой ситуации люди вынуждены восполнять недостаток сведений и знаний друг о друге той информацией, которую даёт первое впечатление, позволяющее идентифицировать человека по таким параметрам, как «свой – чужой», «хороший – плохой», «добрый – злой», «умный – глупый». В дальнейшем эта идентификация играет роль регулятора общения: если собеседник определен как «свой», то выбирается соответствующая тема, лексика и даже интонации и жестикация.

В случае взаимодействия с профессионалом в какой-либо области происходит сравнение конкретного человека с «положительной» и «отрицательной» моделями специалиста. У каждого человека сложились свои модели в результате личного опыта, рассказов окружающих, чтения литературных произведений, просмотра фильмов и рекламы («первый продавец», «заботливый стоматолог», «услужливый официант» и т.п.). Выражение «настоящий + указание профессии (учитель, врач, учёный и под.)» подтверждает существование некоего общего (для данного времени и данного социума) представления об идеальном специалисте, которое конкретизируется в ходе индивидуального взаимодействия.

При описании стереотипного образа профессионала можно пользоваться следующими методами:

1) опросы, в которых наряду с традиционным анкетированием можно выделить глубинное интервью; фокус-группу; выборочный опрос с целью сопоставления мнения групп, выделенных по определенным заранее социопсихологическим характеристикам;

2) проективные методики, например свободный ассоциативный эксперимент, в котором название профессии является стимулом; «написание сценария», в котором есть описание профессионалов и их действий;

3) направленный анализ современных текстов и видеопroduкции (реклама, телесериалы и фильмы), которые с одной стороны, отражают в той или иной степени уже сложившийся образ представителя профессии, а с другой – влияют на него (например, реклама в последние годы все чаще рисует образ врача как заботливого и знающего, а учительницы как злой, глупой и нервной).

В данной статье остановимся на результатах проведенных нами свободного ассоциативного эксперимента и анкетирования.

Для ассоциативного эксперимента были взяты слова-стимулы, обозначающие наименование лиц по профессии: *врач, инженер, продавец, учитель,*

водитель, бухгалтер. Эксперимент проводился в 2000-2002 году в городах Челябинске, Миассе и Южноуральске (Челябинской области). В эксперименте участвовали 285 респондентов, разных по возрасту и роду деятельности. Опрос проходил в форме анкетирования: слова-стимулы были написаны на листе-опроснике, в конце которого необходимо было указать сведения об опрашиваемом: пол, возраст, профессию. По биосоциохарактеристикам респонденты делились следующим образом: 194 женщины и 91 мужчина. По возрасту были выделены 4 группы: от 12 до 16 лет включительно – 6 человек, от 17 до 24 лет – 102 человека, от 25 до 39 лет – 80 человек, от 40 до 67 лет – 97 человек. В качестве профессии респондентами были указаны как сами профессии (библиотекарь, ветврач, скульптор, археолог, биолог, бухгалтер, экономист и др.), так и род деятельности (студент, учащийся, пенсионерка, домохозяйка), иногда указывалась должность (администратор; зав. канцелярией; зав. о/о; зав. сберкассой; зав. филиалом банка, экономист; зав. филиалом; заведующая; зам. начальника отдела; начальник отдела; начальник службы; начальник цеха; руководитель).

При классификации реакций были выявлены следующие группы:

- **синонимы:** реакции, имеющие родо-видовые отношения к стимулу (*врач – терапевт, хирург*), часто заменяющие и конкретизирующие слово-стимул (*учитель – человек с глобусом*);
- **антонимы:** слова, отражающие объектные отношения, (дополняющие деятельность чаще всего за счет вторых лиц, на которых направлено действие): *врач – больной, больные, медсестра, пациент; учитель – ученики, дети*;
- **орудие:** ассоциации, относящиеся к характеру работы, предметам, используемым в деятельности: *врач – шприц, фонендоскоп, градусник, лекарства, тонометр, слушалка, стетоскоп, таблетка, термометр, шпатель*;
- **место труда:** *инженер – завод, цех, стройка, предприятие, институт, кабинет, вуз, завода, здание, на стройке, отдел, производство, проходная завода, цеха*;
- **характеристики** (в том числе и метафоры, отражающие внутренние качества): *менеджер – умный, быстрый, быстрые ноги, важный, деловой, коммуникабельный, муха, опрятный, по продажам, по торговле, подвижный, сорока, тигр, толковый, хитрый, швабра, шустрый*;
- **абстракции** (существительные, отражающие отвлеченные понятия, часто абстрактные): *военный – четкость, аскетизм, долг, защита, мужество, ограниченность, опасность, суровость, точность, тупость*;
- **внешность:** *водитель – грязная одежда, запах, кепка, майка, чистый*;
- **способ труда:** *водитель – на колесах, остановка, ремонт*;
- **результат:** *инженер – проект, разработки, выговор, изобретение*;
- **другое** (единичные реакции, не вошедшие ни в одну группу): *официант – кушать подано, море*.

В таблице 1 представлено количественное соотношение реакций, вошедших в ту или иную группу; жирным шрифтом выделены самые большие показатели в группах, показано процентное соотношение групп.

Таблица 1

Частота реакций различных групп

Профессия	Реакции										
	Всего	Синонимы	Антонимы	Орудие	Место труда	Характеристики	Абстракции	Внешность	Способ труда	Результат	Другое
Водитель	262	17	0	193	19	11	8	5	4	1	4
Оператор	261	15	0	189	18	5	3	7	11	8	5
Инженер	252	29	0	67	57	10	10	17	45	12	5
Бухгалтер	271	14	1	160	17	10	11	12	37	4	5
Экономист	263	15	0	121	20	13	18	9	35	10	21
Военный	273	40	0	33	37	7	11	121	16	6	2
Юрист	262	35	1	103	24	10	13	19	47	4	6
Учитель	271	15	10	96	69	25	28	14	11	0	3
Врач	268	25	5	47	62	17	26	62	12	8	4
Медсестра	274	32	3	75	43	9	19	34	53	2	4
Официант	267	18	0	106	79	12	15	26	6	3	2
Продавец	265	18	2	113	73	14	13	20	11	0	1
Менеджер	266	35	0	42	67	20	18	32	31	18	3
Всего	3455	308	22	1345	585	163	193	378	319	76	65
%	100	9	1	38	17	5	6	11	9	2	2

Можно отметить, что большинство профессий воспринимаются в первую очередь через орудие деятельности (38%), место труда (17%) и внешность (11%). Причем здесь видна высокая частотность одинаковых реакций, например:

- орудие деятельности: **продавец** – весы (31), прилавок (29), товар (19); **официант** – поднос (35), разнос (18), меню (12); **врач** – фонендоскоп (10), шприц (8), градусник (5); **медсестра** – шприц (48), градусник (6); **инженер** – кульман (14); **военный** – оружие (12), танк (10); **учитель** – указка (35), доска (18), мел (12); **оператор** – компьютер (54), камера (35), ЭВМ (25); **водитель** – машина (84), автомобиль (32), руль (28); **бухгалтер** – счета (41), калькулятор (31), компьютер (14); **экономист** – компьютер (26), калькулятор (18);
- место труда: **продавец** – магазин (67); **официант** – ресторан (51); **врач** – больница (44); **медсестра** – больница (32); **учитель** – школа (47); **инженер** – завод (28);
- внешность: **продавец** – халат (6), колпак (4); **менеджер** – галстук-бабочка (11), галстук (10); **официант** – бабочка (7), фартук (7); **врач** – халат (46), белый халат (8); **медсестра** – халат (22), белый халат (4); **учитель** – очки (8), худой (3); **инженер** – очки (6); **военный** – форма (43), погоны (32);

юрист – очки (9); **бухгалтер** – нарукавники (8), очки (4); **экономист** – очки (3), нарукавники (2).

При сопоставлении коммуникативных (сфера «человек-человек») и некомуникативных профессий мы заметили, что первые вызывают много реакций связано с общением, взаимодействием: **учитель** – добрый (2), доброжелательный, культурный, любимый, суровый, терпение (4), строгость (3), наказ, тепло; **продавец** – зазывала, хитрец, услужливый грубый (2), нервный (2), вежливый, честный, улыбка, улыбчивый, грубость (2), хитрость (2), злоба, нахальство, невежество, склока; **менеджер** – болтун (2), дипломат, жулик, манипулятор, пройдоха, пустоплет, коммуникабельный, хитрый, деликатность, деловитость, имидж, коммуникабельность, любезность, назойливость, напруг, расплывчивость, сервис, суета, реклама (13), мобильный телефон, телефон сотовый; **официант** – обманщик, услужливый (3), хитрый, улыбающийся, улыбка, вежливость (2), обслуживание (2), доброжелательность, легкость, любезность, осторожность, подхалимство, угодничество, услужливость; **врач** – добрый (6), доброжелательный (2), внимательный, заботливый, ответственный, равнодушный, циничный, помощь (4), доброта (2), надежда (2), уважение, усталость, тревога; **медсестра** – голубушка, душка, подруга больного, сама доброта, добрая (2), доброжелательная, ласковая, простоватая, раздраженная, помощь (6), доброта (2), забота, кротость, любовь, милосердие, равнодушие, тепло; **юрист** – говорун, дипломат, зануда, защитник, консультант, педант, помощник, профессионал, умник, немногословный, нахальный, флюгер, хитрый, юркий взгляд, справедливость (3), изворотливость (2), хитрость (2), компетентность, неопределенность, строгость. А в некомуникативных профессиях: **экономист** – молчаливость, хмурый; **инженер** – молчун, многословный (как отрицательное качество?).

Ассоциативный эксперимент показывает, что для нашей культуры, скорее всего, не свойственно фиксирование результата труда (всего 2%), самый большой показатель таких реакций: **менеджер** – деньги (14), решение, доллар, достаток; **инженер** – проект (6), разработки (2), без денег, выговор, изобретение, техническое решение. Практически нет указаний на того, с кем взаимодействует профессионал (антонимы – 1%), исключение, пожалуй, составляют реакции на слово **учитель** – ученик (6), дети (4).

Второй этап исследований заключался в проведении письменного опроса, целью которого было выявление культурно и социально закрепленных норм. Обобщенные образы в виде «портретов» представителей трех коммуникативных и одной некомуникативной профессии были выявлены с помощью анкетирования: опрашиваемых просили написать пять качеств, которые, по мнению респондентов, должны быть у идеального врача, продавца, учителя, инженера, и пять качеств, которых у них не должно быть. В опросе приняли участие 800 человек (качества продавца) и 300 (качества учителя, врача и инженера). Из-за разницы в количестве обработанных анкет данные приводятся в процентном соотношении.

Обобщив полученные характеристики, мы условно разделили их на четыре группы:

- **компетентность**, куда мы отнесли все, что касается профессионализма, опыта, образования и т.д.;
- **взаимодействие** обобщило качества, важные для общения, которые воспринимаются собеседником во время диалога и влияют на его ход, часто к этим

качествам можно добавить слова «по отношению ко мне»: *грубый по отношению ко мне*;

- **внутренние качества** – это то, что, по мнению респондентов, является отличительной чертой представителя конкретной профессии, часто встречаются в паре «плохое – хорошее»: так, инженер должен быть новатором, репительным, целеустремленным и не должен быть слабым, лентяем, мямлей;
- **внешний вид** включил качества, касающиеся непосредственно красоты и привлекательности, молодости и старости, но также и наличие вредных привычек (курящий, трезвый, наркозависимый и т.п.).

Приведенная таблица 2 дает процентное соотношение как положительных и отрицательных характеристик, так и обобщенные цифры.

Таблица 2

Соотношение положительных и отрицательных профессиональных качеств (%)

Каче-ст-во	Инженер		Учитель		Врач		Продавец	
	Характеристики		Характеристики		Характеристики		Характеристики	
	Положит.	Отрицат.	Положит.	Отрицат.	Положит.	Отрицат.	Положит.	Отрицат.
Компетентность	35	25	25	10	28	16	13	6
	31		17		22		10	
Взаимодействие	9	14	63	66	53	59	61	66
	12		65		56		62	
Внутренние качества	50	51	8	19	12	18	9	10
	49		14		15		10	
Внешний вид	6	10	4	5	7	7	17	18
	8		4		7		18	

Полученные данные явно показывают разницу между коммуникативными (врач, учитель, продавец) и некоммуникативной профессией (инженер) в ожиданиях людей. В первом случае явно преобладают качества, связанные с взаимодействием, во втором фокус внимания смещается на компетентность и качества, не влияющие на общение с профессионалом.

Можно отметить, что есть качества, присущие всем профессиям, рассмотренным в эксперименте, чаще всего они образуют антонимические пары: *умный – глупый, образованный – необразованный, добрый – злой, вежливый – грубый*. Среди характеристик, встречающихся у представителей конкретной профессии следует выделить следующие: **продавец** – *услужливый, ненавязчивый, любезный, улыбочивый, неназойливый, учтивый, деликатный, предупредительный, энергичный, расторопный, шустрый, жизнерадостный, искренний, подвижный, приятный голос, со вкусом, благожелательный, бодрый, недокачливый, прилежный, сексуальный, стильно одетый, уступчивый, наглый, назойливый, вульгарный, резкий, безучастный, заносчивый, надменный, небрежный, несимпатичный, привязчивый, придиричивый, визгливый, глухой, неучтивый,*

нечистоплотный, пренебрежительный, вор, дилетант, сварливый, сонный, безвкусный, безобразный; **учитель** – справедливый, объективный, мудрый, требовательный, выдержанный, сдержанный, интересный, рассудительный, эрудированный, беспристрастный, демократичный, начитанный, независимый, корректный, настойчивый, обязательный, принципиальный, развивающийся, собранный, умеющий объяснять, несправедливый, пристрастный, резкий, субъективный, черствый, злопамятный, пессимист, распущенный, самодур, злобный, консерватор, мелочный, недалекий, холодный, бесцеремонный, желчный, завистливый, подлый, мнимый, гордый, враг, истеричный, категоричный, конфликтный, постоянно уставший, презрительный, принципиальный, психованный, ретроград, разболтанный, самолюбивый, узколобый, упертый, язвительный; **врач** – чуткий, гуманный, милосердный, сочувствующий, деликатный, хладнокровный, хранить врачебную тайну, верный клятве Гипократа, садист, брезгливый; **инженер** – новатор, генератор идей, точный, сообразительный, талантливый, исполнительный, расчетливый, усидчивый, целеустремленный, добросовестный, находчивый, логичный, новатор, фантазер, подвижный, работоспособный, старательный, абстрактное мышление, надежный, бесстрашный, амбициозный, аналитик, прогрессивный, скрупулезный, точный в расчетах, выносливый, изобретательный, дальновидный, молчаливый, осторожный, разборчивый, собранный, усердный, упорный, энергичный, пробивной, ограниченный, пассивный, легкомысленный, бездарный, бояливый, недоучка, бесцельный, карьерист, невыносливый, неряха, неуклюжий, простак, сноб, халящик. Из этого перечня видны особенности обыденного восприятия каждой профессии: так, у продавцов поддерживается жизнерадостность и расторопность, услужливость, а порицается надменность и неприятный внешний вид; одно из главных качеств настоящего учителя – справедливость и постоянное развитие, понимание учеников; для врача – милосердие, гуманность и принятие пациента таким, какой он есть; для инженера главное – изобретательность и целеустремленность.

Сопоставим полученные нами данные с результатом эксперимента, который был проведен в конце 80-х гг. на базе Воронежского государственного университета. Информантам – русским, немцам и англичанам – предлагалось дать письменный ответ на вопросы относительно профессий: например, типичная внешность – какой?; типичное поведение – что делает?; типичный характер – какой? (Левицкий, Стернин 1989; 99-102). Эти данные представлены в таблице 3.

Сопоставление полученных нами данных с приведенными в таблице 3 частотными характеристиками позволяют говорить о том, что за последние 15 лет произошло изменение в восприятии носителями русского языка представителей корпоративных культур в сторону сближения с европейцами.

В качестве предварительного вывода можно сказать, что стереотипное восприятие профессионала в современной России проходит стадию пересмотра, которая характеризуется наличием нескольких сосуществующих образов. Особенно заметны изменения в коммуникативных профессиях, деятельность которых включает непосредственное общение с клиентами.

**Наиболее частотные характеристики представителей разных профессий
для носителей разных языков**

Язык		
Русский	Немецкий	Английский
Инженер		
хорошо одет, худой, чертит	в халате, с ручкой (карандашом), умный, сознательный, аккуратный, образованный, ведет научные исследования, работает в бюро, наблюдает за работой других, чертит, планирует, обсуждает проблемы с рабочими	грязный, в комбинезоне, крепкое телосложение, плохо одет, организованный, математически мыслит, трудолюбивый, практический, чинит машины, разрабатывает машины, строит
Продавец		
женщина, мужчина, полный, грубый, злой, стоит за прилавком, продает	в халате, чаще белом, вежливый, приветливый, разговорчивый, обслуживает покупателей, предлагает и продает товары, выполняет роль кассира	в костюме, галстук, хорошо одет, красивый, хитрый, красноречивый, способен убедить, способен обмануть, обманывает покупателей, продает товары, встречается с людьми, убеждает купить ненужную вещь
Врач		
в белом халате, мужчина, приятный, добрый, внимательный, спокойный, лечит больных	в белом халате, в очках, с медицинскими инструментами, умный, ответственный, вежливый, добрый, лечит больных, разговаривает с пациентами, оперирует, прописывает лекарства, осматривает больных	в белом халате, очки, хорошо одет, среднего возраста, в костюме, заботливый, ответственный, веселый, лечит людей

Литература:

Горошко Е.И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. Харьков; М., 2001.

Левинский В.В., Стернин И.А. Экспериментальные методы в семасиологии. Воронеж, 1989.

**Влияние социобиологических характеристик
на особенности обыденного сознания носителей языка**

Феномен картины мира относится к числу фундаментальных понятий, выражающих специфику человека и его бытия, взаимоотношения его с миром, важнейшие условия его существования в мире. Целостный образ мира создается человеком в практике его разнообразных контактов с миром при участии всех форм сознания: дотеоретического (обыденного), теоретического (научного и философского) и внетеоретического (религиозно-мифологического и художественного). Разделение сознания на личное/общественное и обыденное/теоретическое может выступать в роли особого параметра для определения ракурса рассмотрения картины мира. Так, выделяются наивная и научная картины мира.

Наивная картина мира менее изучена в отечественной лингвистике и в философии. Это связано с тем, что долгое время обыденное сознание (по сравнению с теоретическим) определялось как поверхностное, противоречивое, неполноценное. Поэтому довольно революционно прозвучали слова В.С. Швырева в работе «Теоретическое и эмпирическое в научном познании» о том, что «обыденное сознание в жизнедеятельности человеческого общества решает свои задачи, и эти задачи не решаются средствами научного мышления» (Швырев 1978: 27). Более того, по словам А.В. Брушлинского, «научное понятие оказывается слабым и несовершенным там, где житейское обнаруживает свою силу и самостоятельность» (Брушлинский 1968: 25). В работах последних лет определяется задача наивной картины мира – «служить своего рода базой данных, без которых не возможно принятие любых повседневных решений как текущего, так и долговременного характера» (Касевич 1996: 81).

В связи с этим представляется актуальным изучение обыденного сознания носителей языка, т.к. именно в недрах этой формы сознания формируется наивная картина мира.

Поскольку толкование значения слова являет собой внешнее (речевое) оформление знания, отраженного рефлектирующим сознанием, обыденное толкование значения слова отражает типовые связи, определяет тот стандарт, в котором зафиксированы наиболее актуальные для обыденного сознания семантические отношения и закономерности их осмысления. Следовательно, метод обыденных толкований позволяет выявлять особенности присутствия значения слова в обыденном сознании носителей языка.

Необходимо отметить, что акты миропонимания осуществляются отдельными субъектами. Эти субъекты разительно отличаются друг от друга: они могут обладать различными природными способностями и склонностями и могут быть по-разному связаны с культурой своего времени. Выделяют четыре типа субъектов картины мира, смотрящих на мир и изображающих свое видение: 1) отдельный человек (эмпирический субъект); 2) отдельная группа людей (сообщество); 3) отдельный народ (народы); 4) человечество в целом (Роль человеческого фактора в языке 1988: 32).

---

* © Е.А. Балашова 2003

В данном случае нас интересует видение мира «отдельных групп людей», объединенных на основании их социобиологических характеристик. Хотелось бы установить, находят ли отражение эти характеристики в особенностях обыденного сознания носителей языка. В связи с этим представляется необходимым, во-первых, вскрыть обусловленность выбора типа обыденного толкования такими социобиологическими характеристиками, как возраст, уровень образования и пол, во-вторых, изучить влияние этих факторов на содержание обыденных толкований.

Материалом исследования послужили 4800 обыденных толкований значения слов двух тематических групп «Части человеческого тела» и «Жилище», состоящих из 30 единиц каждая. В первую группу вошли названия частей тела, органов и атрибутов человеческого тела. Во вторую – названия частей квартиры, разновидности мебели, посуды и бытовые приборы.

Был проведен эксперимент, в ходе которого информантам предлагалось письменно заполнить анкеты, дав определения 60 слов. Внимание информантов обращалось на то, что в толкованиях нужно отразить свое собственное понимание значений слов.

В качестве информантов использовались 80 человек: 40 мужчин и 40 женщины. Из них 40 человек с высшим и 40 – со средним образованием. Информанты представляли четыре возрастные группы (по 20 человек): 20-29 лет, 30-39 лет, 40-49 лет, 50 лет и старше. Все информанты являлись жителями города Перми, родной язык для них – русский.

Анализ анкет позволил выявить основные лингвистические параметры, определяющие тип обыденных толкований значения слова: выделение функционального признака в значении слова (например: *ноги* – *средство передвижения*; *зеркало* – *гладкая поверхность, предназначенная для рассматривания своего отражения*) и толкование одного/части значения слова (например: *пальцы* – *конечности рук*; *стол* – *место для приема пищи*). Для изучения зависимости типа обыденного толкования от социобиологических характеристик информанта мы обработали анкеты следующим образом: подсчитали в процентном выражении долю каждого типа обыденного толкования в анкетах, разделенных по изучаемым нами стратам.

Полученные результаты можно представить в сводной таблице.

Рассматривая частную модель зависимости типа толкования от возраста информанта, мы обнаруживаем обратную зависимость в соотношении двух видов толкований: увеличение доли толкований с выделением функционального признака и уменьшение доли толкований с определением одного/части значения слова от возрастной группы 20-29 лет к возрастной группе 40-49 лет. Доля обоих видов толкований возрастная группа от 50 лет и старше не включается в эту тенденцию.

Исследуя частную модель зависимости типа толкования от уровня образования, мы можем наметить тенденцию увеличения доли толкований с выделением функционального признака и уменьшение доли толкований с определением одного/части значения слова в анкетах информантов, имеющих высшее образование.

В зависимости типа толкования от пола информанта выявляется тенденция увеличения доли обоих видов толкований в анкетах лиц женского пола. При этом типу толкований с выделением функционального признака отдадут

предпочтение лица обоего пола (но в обыденных толкованиях лиц женского пола разница между долями обоих типов толкований больше).

Таблица

Зависимость типа толкования слова от социальных страт (%)

Страты	Тип толкования	
	Выделение функционального признака	Толкование одного/части значения
Возраст		
20-29 лет	80	79
30-39 лет	82	71
40-49 лет	84	61
50-	78	76
Уровень образования		
Среднее	75	83
Высшее	87	61
Пол		
Мужской	71	66
Женский	90	78

Итак, в анкетах лиц женского пола с высшим образованием в возрасте 40-49 лет наблюдается превалирование первого типа толкования над вторым. Этот факт можно объяснить тем, что человека с данными характеристиками отличает максимальная активность и самостоятельность в отношениях с миром. Мир воспринимается сугубо в его полезности, его составляющие – в функциональной значимости. Данное наблюдение может служить доказательством реализации антропоцентрического подхода к изучаемому явлению.

Рассмотрим влияние факторов «возраст», «уровень образования» и «пол» на содержание обыденных толкований.

В тематическую группу «Части человеческого тела» преднамеренно были включены так называемые атрибуты человеческого тела, которые являются принадлежностью мужского (усы, борода) или женского (коса) пола.

В своих определениях около 80% мужчин и женщин указали на то, что усы и борода – именно мужские детали. Примечательно, что, толкуя слово *усы*, женщины почти буквально повторили словарную дефиницию (*волосы над верхней губой у мужчин*), 38% лиц мужского пола определили это слово как *гордость мужчины*. Определяя значение слова *коса*, 40% мужчин и женщин указали на то, что коса является принадлежностью лиц женского пола, а в 33% толкований подчеркивается красота этой прически.

Анализ данных позволил выделить в отдельную группу еще 5 слов, в определениях которых было указание на принадлежность этих частей тела и предметов женскому полу. В толковании слова *талиа* 16% опрошенных отметили это. В толковании слов *ресницы* и *ногти* 25% мужчин указали на то, что эти детали являются показателями женской красоты. Только 5% женщин выделили эти признаки. Во второй тематической группе 23% мужчин выделили *зеркало* и 13% мужчин – *кухню* как то, что относится к сфере женщины.

Подобные данные позволяют выявить особенности восприятия мужчин и женщин лицами противоположного пола.

Фактор пола также обусловил выбор разных значений слова. В словаре представлены два значения слова *руки*: 1) верхние конечности, 2) орудие деятельности. 90% мужчины воспринимают *руки* как *верхние конечности*, а 80% женщин воспринимают их как *орудие деятельности*. Слово *волосы* в значении *растительность на голове человека* актуализируется в сознании 58% мужчин и 80% женщин. Для 60% мужчин *язык* – *орган пищеварения*, для 80% женщин – *орган речи*. Как видим, значения слов актуализируются в сознании мужчин и женщин по-разному. Следовательно, пол – серьезный социальный фактор, влияющий на содержание обыденных толкований.

Вполне естественно, казалось бы, предположить (в рамках данного эксперимента), что не менее ярко проявится в содержании обыденных толкований такой социальный фактор, как «возраст» респондентов. Но влияние этого фактора обнаружено не было.

Анализ анкет показал, что фактор «уровень образования» также не влияет на содержание обыденных толкований. Это можно объяснить тем, что пассивные представления основаны на донаучных понятиях, а бытовое восприятие значений слов данных тематических групп определяется общей базой знаний, сформированной в процессе социализации индивида в определенном типе общества.

Таким образом, в результате данного исследования удалось установить влияние пола индивида на особенности его обыденного сознания и выявить специфику присутствия значения слова в сознании носителей языка как представителей различных гендерных групп. Дальнейшее изучение этой проблемы позволит вскрыть глубинные механизмы и структуры обыденного сознания.

Литература:

- Брушлинский А.В. Культурно-историческая теория мышления. М., 1968.
Касевич В.Б. Буддизм: Картина мира. Язык. СПб, 1996.
Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Под ред. Б.А. Серебренникова. М., 1988.
Швырев В.С. Теоретическое и эмпирическое в научном познании. М., 1978.

М.В. Усманова*
Пермь

Модальное слово в речи мужчин и женщин**

Интерес к коммуникативно-дискурсивной стороне речи, развитие теории функционального синтаксиса, семантики, возникновение лингвистики текста обусловили растущий интерес к модальности в речи.

В современной лингвистике модальные слова рассматриваются как особая группа слов, основной функцией которых является выражение отношения говорящего к содержанию высказывания (Арама, Шахнарович 1997; см. также: Виноградов 1971). Диапазон средств реализации модальности достаточно широк. Вербальные средства выражения модальности включают единицы всех

---

* © М.В. Усманова 2003

** Работа выполнена при поддержке гранта НТП Университеты России «Речь российской провинции: социоэтнокультурный аспект».

языковых уровней. В данном исследовании внимание сосредоточено на реализации в речи мужчин и женщин таких модальных средств, как модальные глаголы. С этой целью было проведено 2 эксперимента.

В первом эксперименте приняли участие 48 информантов (24 – женщины, 24 – мужчины) в возрасте от 22 до 28 лет, каждый из которых имел высшее образование. В ходе эксперимента производилась запись рассказов испытуемых на магнитофонную пленку. Полученные рассказы являются словесными картинками, в которых информанты описывали свои представления об удачах, неудачах, межличностных взаимодействиях и т.д. (тематика была предложена в соответствии со шкалами интернальности Роттера (Елисеев 1994: 137). Рассматривалось 7 ситуаций, условно названных следующим образом: 1) «прыжок с парашютом», 2) «возвращение после рабочего дня домой», 3) «день рождения в незнакомой компании», 4) «болезнь», 5) «бомж», 6) «подчиненный», 7) «знаменательное событие». Всего в эксперименте было получено и проанализировано 240 словесных картин.

Проблематика выражения гендера в устном рассказе привлекла наше внимание, в частности, в связи с тем, что именно в устной спонтанной монологической речи, отличающейся оценочностью и структурностью, особенности идиолекта рассказчика проявляются ярче, чем в более конвенциональной диалогической речи (Гиль 2000: 6). Кроме того, полученный материал представляет собой рассуждения и предположения о том, как должен вести себя тот или иной человек в той или иной ситуации. В подобном типе речи вероятность встречаемости модальных элементов (в том числе и модальных глаголов, которые и представляют предмет нашего исследования) должна быть довольно высокой.

Статистический анализ употребления модальных глаголов в речи информантов показал, что в речи женщин глаголов используется больше (в среднем 18 глаголов при описании каждой ситуации), чем в речи мужчин (в среднем 14 глаголов при описании каждой ситуации). При этом оказалось, что в речи мужчин от общего количества глаголов модальные глаголы составили 12,2%, а в речи женщин – 8,8%.

Частотный анализ использования модальных глаголов и конструкций показал, что в зависимости от описываемой ситуации преимущественное употребление тех или иных модальных слов и конструкций может быть разным (см. табл.1).

Таблица 1

Частота использования модальных глаголов при описании различных ситуаций мужчинами и женщинами (%)

Ситуации	Надо (нужно)		Хочу (хочется)	
	М	Ж	М	Ж
1	16,6	33,9	47,2	28,5
2	19,4	28,5	41,6	39,3
3	20,0	5,8	6,6	5,8
4	34,2	41,3	21,0	17,2
5	21,2	26,0	17,3	15,1
6	14,8	23,2	19,1	11,6
7	25,0	13,7	15,6	18,9

Так, анализ ситуации 1, в которой испытуемые описывали человека, впервые прыгающего с парашютом, выявил, что женщины в два раза чаще, чем мужчины, используют в своих рассказах модальный предикат, выражающий необходимость, – **надо, нужно**: ...*определенный там угол надо просчитать*// (инф. 1), ...*он обязательно всем говорит/ что вот обязательно надо/ надо прыгать с парашютом/ ... надо/ надо это обязательно испытать/* (инф. 21), ...*ему нужно находится постоянно в движении...* (инф. 26). **Надо и нужно** в речи женщин составляют 33,9% от общего количества модальных глаголов и конструкций, в речи мужчин – всего 16,6%.

Обратная картина наблюдается в употреблении модального глагола, выражающего желательность/нежелательность, **хочу**, который чаще используется в речи мужчин: ...*ему хочется почувствовать вкус жизни*/ (инф. 6), ...*сначала он не хотел прыгать*// (инф. 8), ...*он// захотел испытать себя*/ (инф. 13), *человек.../ который хочет самореализоваться*// (инф. 18). **Хочу (хочется)** составляет 47,2% всех модальных глаголов у мужчин и 28,5% – у женщин.

Отметим, что и при описании всех остальных ситуаций тенденция более частого использования **надо** у женщин и **хочу** у мужчин сохраняется (исключения составляют ситуации 3 и 7), но не является настолько яркой, как для первой ситуации, существенной (см. табл. 1).

Во втором эксперименте испытуемые (всего 24 человека: 12 мужчин и 12 женщин) описывали не представляемые (выдуманные) ситуации, а то, с чем они сталкиваются в повседневной жизни. В частности, им было предложено рассказать о двух вещах: о приготовлении русских пельменей и о своей работе. Тексты были взяты из звучащей хрестоматии «Городские социолекты: Пермская городская речь» (Ерофеева Т.И., Ерофеева Е.В, Грачева 2000). Всего было проанализировано 48 текстов. Результаты эксперимента представлены в таблице 2.

Таблица 2

**Частота использования модальных глаголов
при описании различных ситуаций мужчинами и женщинами (%)**

Тема	Надо (нужно, необходимо)		Можно (мочь)		Всего	
	М	Ж	М	Ж	М	Ж
Пельмени	19,3	42,5	61,2	30,0	8,0	8,7
Работа	24,1	28,5	37,9	14,2	5,7	9,8

Как известно, пельмени на Урале являются непременным атрибутом праздничного стола. Все наши испытуемые так или иначе либо непосредственно когда-нибудь принимали участие в приготовлении этого блюда, либо знают, как это делается. Анализ монологов на заданную тему показал, что женщины (в чьи обязанности приготовление пищи входит все-таки в большей степени) опять же в два раза чаще, чем мужчины используют в своей речи **надо (нужно)** (42,5% и 19,3% соответственно). Кроме того, в речи женщины встретилось такое модальное слово, как **необходимо**: ...*посолить нужно обязательно*// (инф. 6), ...*и мясо нужно сделать/ и тесто нужно сделать*// (инф. 10), ...*на эти кружочки надо класть э-э/ мясной фарш*/ (инф. 14), ...*для приготовления пельменей/ необходимо приготовить фарш*// (инф. 16).

Мужчины предпочитают в данной ситуации модальный глагол возможности/невозможности **мочь** и модальное слово **можно** (61,2% и 30,0%): ...*можно использовать свинину/ можно все смешать/ ...а потом все это*

можно есть// (инф. 5), *...продукт/ который можно считать/ продуктом/ быстрого приготовления*// (инф. 15), *...пельмени можно жарить/...можно брать с собой/...можно отварить...*// (инф. 17.).

Рассказывая о своей работе, женщины, в отличие от предыдущих ситуаций, использовали модальных глаголов и конструкций больше, чем мужчины (соответственно 9,8% и 5,7% от общего количества глаголов). При этом в речи мужчин значительно чаще (24,1%), чем в речи женщин (4,7%), встречался такой предикат, как *должен*, имеющий значение обязанности (см.: Кобозеева, Лауфер 1991): *...я должен рассмотреть/ и принять решение*/ (инф. 1), *...в любой в общем фирме/ должен висеть лозунг*/ (инф. 13), *...голосовые связки/ по идее/ должны...напрягаться больше*/ (инф. 17). Кроме того, отмечается большую частотность в речи мужчин, чем в речи женщин модальных слов *мочь* и *можно* (37,9% и 14,2% соответственно): *...если раньше могли хоть в чем-то помочь райкомы*/ (инф. 19), *...я не могу например себе выписать заработную плату*/ (инф. 19), *...тут уже можно себе так/ позволить/ более спокойный ритм*// (инф. 13).

Помимо предикативов *можно*, *надо*, *должен*, в речи наших информантов встретились такие глаголы, как *стараться*, *пытаться*, *стремиться*, которые приобретают модальное значение в контексте. При этом употребление этих глаголов обусловлено как ситуацией, так и полом говорящего. Так, у женщин встречается модальный глагол *стараться* (14,2% от общего количества модальных слов), который не был отмечен у мужчин вообще: *...стараюсь в основном/ весь английский построить/ на реалиях// ...стараюсь проводить параллель с русским языком*// (инф. 18), *...стараюсь воспитывать в них хоть минимальное чувство патриотизма*// (инф. 20), *...стараешься с ребятами.../ рассмотреть такие задачи*// (инф. 23). У мужчин же можно отметить модальное слово *стремиться* (13,3%), встречающееся в описаниях, связанных с межличностным взаимодействием: *...он все равно стремится найти людей*/ (инф. 28), *...он стремится ближе познакомиться*// (инф. 29), *...стремится общаться с тем кого он знает*// (инф. 16).

Таким образом, количественный анализ показывает разные частотные характеристики использования модальных глаголов и конструкций, которые колеблются в женской и мужской речи. Так, в речи женщин чаще используются модальные предикаты *надо* (*нужен*), в то время как для речи мужчин характерны *должен*, *мочь* (*можно*), *хочу*.

Литература:

- Арама Б.Е., Шахпарович А.М. Интонация и модальность. М.-Тамбов, 1997.
Виноградов В.В. Русский язык. М., 1971.
Гиль О.Г. Речевые проявления личности в устном рассказе нарративного типа: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2000.
Елисеев О.И. Конструктивная типология и психодиагностика личности. Псков, 1994.
Ерофеева Т.И., Ерофеева Е.В., Грачева И.И. Городские социолекты: Пермская городская речь: Звучащая хрестоматия. Пермь-Бохум, 2000.
Кобозеева И.М., Лауфер Н.И. Семантическая модальность предикативов *долженствования* // Логический анализ языка. М., 1991. С.169-175.

Социолингвистический аспект владения иноязычным словом**

Проблематика, связанная с функционированием в русском языке иноязычных слов, уже давно вызывает интерес лингвистов в. Исследование иноязычного слова в социопсихолингвистическом плане актуально в современной лингвистике еще и потому, что в последнее время наблюдается интенсификация заимствований (см. например: Высочина 2001; Какорина 2000; Колесов 1999; Крысин 1996; Стернин 1998 и др.). С целью изучения функционирования иноязычных слов в речи горожан в 2001 г. был проведен социолингвистический эксперимент.

В эксперименте участвовало 48 жителей г. Перми, отобранных пропорционально с учетом возраста (20-39 и 40-59 лет), образования (среднее и высшее), специальности (гуманитарная и негуманитарная), пола. В ходе эксперимента информанты на бланках анкеты давали толкования 75 иноязычных слов, активно используемых в последнее время СМИ.

Исследование было направлено на выявление уровня владения иноязычными словами различными социальными группами носителей русского языка и позволило сделать выводы, относящиеся и к таким параметрам владения иноязычными словам, как «знание», «приблизительное знание» и «незнание» их значений.

В качестве знания слова рассматривались ответы, близкие к толкованиям слов, зафиксированным в Толковом словаре иноязычных слов Л.П. Крысина (2000). При этом у многозначного слова за правильное считалось толкование хотя бы одного из значений. Например: *консолидировать* – *производит операцию по превращению краткосрочных государственных займов в долгосрочные* (инф. 6); *сертификат* – *банкнота, заменяющая бумажные деньги* (инф. 41).

В данной статье рассматривается параметр «незнание». Как незнание оценивались отказ от ответа вообще, а также неадекватные объяснения значения иноязычного слова, к примеру: *джакузи* – *сауна* (инф. 18, 24, 46); *душ* (инф. 31); *диаспора* – *противоречие, несогласие* (инф. 12, 37); *распределение групп по вероисповеданию* (инф. 7); *интервьюер* – *человек, дающий интервью* (инф. 3, 5, 7, 8, 10, 16, 17, 19, 21, 22, 29, 32, 33, 42, 46, 48); *тинейджер* – *что-то, связанное с компьютером, пользующийся компьютером* (инф. 34); *добровольный помощник* (инф. 38); *организатор праздника, шоу* (инф. 48); *фри-стайл* – *свободный стиль* (инф. 8, 9, 14); *катание по волнам на лыжах* (инф. 34, 48); *музыкальная группа* (инф. 18); *катание на роликовой доске* (инф. 33); *лыжный вид спорта со стрельбой* (инф. 41); *эпатировать* – *симпатизировать* (инф. 7, 19).

В ходе обработки эксперимента было установлено, что 12 слов (16% от всех заложенных в эксперименте) не знает больше половины испытуемых. Это

* © .В. Дьяконова 2003

** Работа выполнена при поддержке гранта НТП Университеты России «Речь российской провинции: социоэтнокультурный аспект».

такие слова, как *абстракт* (здесь и далее в скобках указано количество информантов, давших неверные толкования – 48), *дефиле* (44), *копирайт* (40), *индифферентный* (39), *стикер* (34), *детерминировать* (33), *грант* (31), *маркетинг* (26), *прецедентный* (25), *масс-медиа* (24), *холдинг* (24), *эпатировать* (24). Вероятно, это связано с тем, что данные слова или не являются общеупотребительными, частотными (*абстракт* из области книгопечатания, *дефиле* – военный термин, *детерминировать* – философское понятие, *индифферентный* – книжное слово, *маркетинг*, *холдинг* из экономической сферы), или относительно недавно стали употребляться носителями русского языка (*грант*, *копирайт*, *масс-медиа*, *прецедентный*, *стикер*, *эпатировать*). При этом следует уточнить, что слово *дефиле* информанты вслед за СМИ употребляют в значении *подиум*.

В результате анализа анкет были подсчитаны средние частоты незнания или неправильного толкования информантами иноязычных слов. Оказалось, что женщины (30%), по сравнению с мужчинами (24%), хуже владеют иноязычными словами. Это можно объяснить тем, что большая часть лексических заимствований относится к областям экономики, политики, а в этих сферах деятельности в нашем обществе в основном востребованы мужчины. Носители языка со средним образованием хуже знают иноязычные слова (процент незнания – 33%) в сравнении с испытуемыми, получившими высшее образование (21% незнания). Следовательно, с точки зрения исследуемого аспекта языковая компетенция ниже у индивидов, не получивших высшее образование. Расхождения в среднем количестве неверно объясняемых слов между информантами гуманитарных (26%) и негуманитарных профессий (28%), 20-39 лет (27%) и 40-59 лет (28%) составляют 1-2%, а значит, их можно не принимать во внимание.

Статистическая обработка полученных результатов осуществлялась методом дисперсионного анализа силы влияния (ДА), позволившим выделить существенные факторы (т.е. факторы, влияние которых можно распространить на генеральную совокупность). Расчеты производились по алгоритмам Н.А. Плохинского (Плохинский 1980: 115).

Рассмотрим, какие факторы оказались существенными для незнания иноязычного слова. Данные ДА представлены в таблице. Жирным шрифтом выделены существенные факторы; существенность определялась по *F*-критерию Фишера на 5%-ом уровне значимости.

Таблица

Результаты ДА для незнания иноязычного слова

Фактор	η^2_x	<i>F</i>
Возраст	0,0015	0,07
Образование	0,2161	12,68
Специальность	0,0125	0,58
Пол	0,0540	2,63

Как видно из таблицы, ДА показывает существенность фактора образования, так как *F*-экспериментальное этого фактора (12,68) больше *F*-теоретического (4,0). Оказалось, что *F*-эмпирическое фактора пол (2,63), специальность (0,58), возраст (0,07) ниже стандартного значения *F*-критерия Фишера, следовательно, говорить о существенности и значимости этих факто-

ров для незнания иноязычного слова носителями русского языка не представляется возможным.

Таким образом, владение иноязычным словом (в частности, его незнание) имеет под собой социальную ориентированность, причем существенной и значимой в данном случае оказывается отнесенность того или иного носителя языка к определенной группе в зависимости от уровня образования: чем ниже уровень полученного образования, тем меньше иноязычных слов знает индивид. В этой связи проведенное нами исследование имеет и практическое (методическое) значение, поскольку оно позволяет судить о том, с кем и каким образом необходимо вести работу по адекватному пониманию иноязычных слов.

Литература:

- Высочина О.В. Понимание значения иноязычного слова (психолингвистическое исследование): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2001.
- Какорина Е.В. Иноязычное слово в узусе 90-х годов (социолингвистическое исследование) // Русский язык сегодня: Сб. ст. / Отв. ред. Л.П. Крысин. М., 2000. Вып. 1. С. 137-155.
- Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова...». Сиб., 1999.
- Крысин Л.П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М., 1996. С. 142-161.
- Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2000.
- Плохинский Н.А. Алгоритмы биометрии. М., 1980.
- Стернин И.А. Общественные процессы и развитие современного русского языка: Очерк изменений в русском языке XX века. Воронеж-Пермь, 1998.

А.В. Чубарова*
Пермь

«Американизмы» в британском английском и русском языках**

Для современного мира характерна социолингвистическая ситуация, когда один язык обслуживает сразу несколько стран (социумов). Среди западно-европейских языков к таким языкам относятся английский язык в Великобритании, США, Канаде, Австралии, Новой Зеландии; французский во Франции, Бельгии, Канаде, Швейцарии; немецкий в Австрии, ФРГ, Швейцарии; испанский в Испании и в большинстве стран Латинской Америки; португальский в Португалии и Бразилии. Исторические, географические, политические и культурные причины обуславливают существование основного языка во всех этих странах в своих особенных вариантах.

Так как один и тот же язык используется в разных странах, отличаясь фонетическими, лексическими и даже грамматическими особенностями, то многие лингвисты задаются вопросом: считать ли, скажем, английский в Ве-

---

* © А.В. Чубарова 2003

** Исследование поддержано ИТП «Университеты России» – «Речь российской провинции: социокультурный аспект» и грантом РФФИ № 03-04-00165а «Динамика языковой ситуации в регионе как отражение смены социальных стереотипов»

ликобритании и английский в США единым языком, или вариантами одного и того же языка, или вообще разными языками. Одни исследователи признают его самостоятельным языком. Другие, такие как А.В. Кунин (1940), рассматривают американский вариант как диалект английского языка Великобритании. С нашей точки зрения, этот подход вызывает сомнения, так как диалект обычно противопоставляется литературному языку, а американский английский имеет свой литературный (стандартный) язык. Существует и третий, наиболее приемлемый для нас, подход к этой проблеме, приверженцами которого являются А.Д. Швейцер (1963) и И.Р. Гальперин (1956), при котором американский английский считается национальным вариантом или разновидностью английского языка.

Для американского варианта английского языка характерно использование «американизмов». Большой Энциклопедический словарь языкознания дает следующее определение американизма: любое языковое явление (в лексике, грамматике, фонетике или орфографии), специфическое только для американского варианта английского языка (1998).

Наиболее существенными в национальных вариантах языка являются лексические различия. Одни и те же лексические единицы в разных вариантах английского языка могут обозначать разные явления и предметы, могут иметь разную коннотативную окраску или, наоборот, различные лексические единицы могут обозначать одни и те же явления или предметы.

Наиболее развернутую и, на наш взгляд, наиболее приемлемую классификацию американизмов лексического уровня предлагает А.Д. Швейцер (1971). В нее входят не только слова с лексическими различиями, но и морфологические, и фонетические варианты слов.

В британском и американском вариантах могут противопоставляться друг другу не различные слова или различия в системе лексических отношений, а структурные варианты одного и того же слова. Они и входят в первую группу американизмов, состоящую из двух подгрупп:

1. Лексико-морфологические (словообразовательные) варианты, отличающиеся лишь по словообразовательным аффиксам, но идентичные по лексическому значению: *aluminum* (Американский английский – в дальнейшем AmE) – *aluminium* (Британский английский – в дальнейшем BE); *acclimate* (AmE) – *acclimatize* (BE); *toward* (AmE) – *towards* (BE); *afterward* (AmE) – *afterwards* (BE).

2. Фонетические (звуковые) варианты, имеющие известные различия в американском употреблении, которые отражены на письме: *chare* (AmE) – *chore* (BE); *potter* (AmE) – *putter* (BE).

Безэквивалентная лексика является второй широко представленной группой американизмов. Это те слова и словосочетания, которые используются в США и не имеют словарных эквивалентов в британском английском. Они подразделены на несколько групп:

1. Обширная группа слов, которые не имеют британских эквивалентов, так как обозначаемые ими предметы и явления отсутствуют в общественной практике английского народа. Например, обозначение ряда реалий, связанных с государственным и политическим строем США (*electoral college* – коллегия выборщиков, избираемых в США для выбора президента и вице-президента; *watcher* – представитель партии, защищающей интересы своего кандидата при баллотировке), с общественной жизнью и социальной структурой (*township* –

район, часть округа; *county* – округ, единица административного деления США), а также лексические единицы, относящиеся к системе образования: *junior high school* – неполная средняя школа; *associate professor* – помощник профессора.

2. Бытовая лексика: *dude ranch* – ранчо в стиле «дикого запада»; *clambake* – пикник на морском берегу с приготовлением в пищу моллюсков; *banana split* – мороженое с нарезанными ломтиками бананов; *apple butter* – густая подливка из яблочного сока и специй. К американскому слову *drugstore* в качестве британского эквивалента приводится словосочетание *chemist's shop* – аптека. Однако *drugstore* означает не аптеку, а магазин, где наряду с медицинскими средствами продаются прохладительные напитки, бутерброды, косметика и даже детские игрушки.

3. Лексические единицы, относящиеся к зрелищам и спорту: *rodeo* – соревнование ковбоев в ловле скота с помощью лассо или в езде на необъезженных лошадях; *double-header* – соревнование, состоящее из двух встреч между одними и теми же бейсбольными командами; *pitcher* – игрок бейсбольной команды, подбрасывающий мяч; *cheerleader* – болельщик команды поддержки.

4. Ряд лексических единиц, которые можно отнести к безэквивалентным, хотя обозначаемые ими предметы существуют как в США, так и в Англии. В США эти предметы или явления обозначаются определенной лексической единицей, в то время как в Англии они могут быть выражены с помощью свободных словосочетаний, описательно: *campus* – *ground of a school or a college* (территория, прилегающая к школе или колледжу).

К третьей группе американизмов, выделяемых А.Д. Швейцером, принадлежат слова, которые имеют британские эквиваленты в виде одного слова или словосочетания: *dirt road* (AmE) – *Cart road* (BE) – грунтовая дорога; *realtor* (AmE) – *land agent* (BE) – агент по продаже недвижимости; *installment plan* (AmE) – *hire-purchase system* (BE) – покупать в рассрочку. При этом встречаются случаи, когда эквивалентом американизма является только одно из значений многозначного слова: *sidewalk* (AmE) – совпадает с одним из значений слова *pavement* – мостовая; *Hallway* (AmE) – соответствует британским словам *corridor* и *entrance hall* – фойе.

Рассмотренная классификация показывает, что все американизмы попадают в две категории: либо лексические единицы, которые полностью являются принадлежностью американского варианта, либо те, которые входят в него только в одном из своих значений. Американизмы первой категории являются полными, а второй – частичными. Вышеуказанные различия позволяют определить американский английский как национальный вариант английского языка.

На протяжении своего существования британский английский подвергся значительному влиянию американского варианта. Это обусловлено как экстралингвистическими (экономическими, политическими и культурными), так и лингвистическими (языковой традицией и функцией) факторами. Активное проникновение американизмов в британский вариант началось в первой трети XX века. Это можно объяснить экономическим ростом и бурным развитием новых технологий в США (Кристалл 2001).

По мнению А.Д. Швейцера (1963), можно выделить две основные группы заимствований в результате взаимодействия британского и американского вариантов. К первой группе относятся единицы, специфические только для

одного из вариантов, которые заимствуются вместе с соответствующими предметами и понятиями. Прежде всего, это новообразования (неологизмы), впервые возникшие в одном из вариантов и обозначающие предметы и понятия, ранее отсутствовавшие в общественной практике носителей обоих вариантов. Например: *jet* – реактивный лайнер, *laptop* – переносной компьютер, *camcorder* – портативная видеокамера и т.д. Количество подобных слов в британском варианте значительно, так как неологизмы возникают, в основном, в американском варианте в связи с лидирующим положением США в области науки и техники. К этой же группе можно отнести слова и словосочетания, ранее обозначавшие предметы и явления, характерные лишь для общественной жизни носителей американского варианта (американские реалии). Чаще всего они заимствуются вместе с денотатом: *drive in* – для автомобилистов, *drive in cinema* – кинотеатр для автомобилистов и т.д.

Ко второй группе относятся заимствования, обозначающие предметы и понятия, известные англичанам, но не имеющие своих эквивалентов в языке. Например: *parole* – условное или досрочное освобождение, *commuter* – пригодный (*commuter line, commuter train*).

Кроме того, существует некоторая группа американизмов, которые выступают как экспрессивно-стилистические синонимы общеанглийской лексики и способствуют выражению экспрессивности: *bad-mouth* – порочить, чернить, *fat-cat* – «денежный мешок» и т.д. Большинство заимствованных и ассимилированных американизмов сосуществуют в британском варианте с бритицизмами, чаще всего в роли экспрессивно-стилистических синонимов, являясь стилистически сниженными единицами: *old fashioned* (BE) – *fuddy-daddy* (AmE), *rejection* (BE) – *brush-off* (AmE).

Итак, все вышеизложенное доказывает влияние американского варианта английского языка на британский.

За последние несколько десятилетий американский английский прочно завоевал позиции международного языка. Это обусловлено в основном экстралингвистическими факторами, прежде всего экономическими и политическими. Около 80 % новых разработок в области науки и техники приходится на долю США, следовательно, появляются новые лексические единицы, обозначающие новые денотаты. Слова заимствуются по всему миру, и русский язык не является исключением. Так, например, с появлением компьютеров в русский язык вошло и уже ассимилировалось огромное количество слов, связанных с компьютерными технологиями.

В последнее время жизнь российского общества стала во многом ориентирована на западный, в частности, на американский образ жизни. Переходя к демократии и рынку, Россия взяла за образец подражания американскую модель развития экономики и политики со всеми ее достоинствами и недостатками. В результате этого «американизации» подверглись не только экономика и политика, но еще и культура, искусство и, в некоторой степени, образование. Все эти социальные явления нашли свое отражение в языке. Сначала появились экономические и политические термины, такие как *консалтинг, лизинг* и т.д. Затем «американизмы» начали постепенно проникать в периодическую печать, на радио и телевидение. Англоязычные заимствования часто используются в средствах массовой информации (*В рамках конкурса Долорес Кондрашова провела «master-class» и показала настоящие чудеса парикмахерского искусства* – Спид-Инфо № 5, 1999). Их можно увидеть и услышать в рекла-

мах, названиях фирм, журналов, магазинов и различных предприятий (*Инком-банк* – в переводе «доход»; баскетбольная команда *Урал-грейт* – великий; журналы *«Cool»* – крутой или *«Girl»* – девушка и т.д.). По радио и телевидению транслируются каналы и передачи на английском языке (MTV, EURO-SPORT, KIDS FOX и т.д.), названия многих товаров и продуктов являются англоязычными (*Glade* – поляна, *Sprite* – эльф и т.д.).

Наибольшее количество англоязычных заимствований появляется в средствах массовой информации, прежде всего в прессе и телевидении, причем используются они не только профессионалами (дикторами и корреспондентами), но и обычными носителями языка.

СМИ играют огромную роль в изменении языковой системы, так как они оказывают влияние на широкую аудиторию. В наше время СМИ стали частью социальной системы и даже особым социальным институтом, обеспечивающим массово-информационную деятельность по формированию общественного мнения. Такая информация, как правило, направлена не на специалистов, а на массовую аудиторию, она ориентирует людей в общесоциальных и культурных вопросах, откликаясь на потребности и интересы аудитории. Обращенность к массовой аудитории, политико-воспитательные цели, освещение общественной жизни – все это делает роль журналистики в обществе огромной. Не случайно ее называют четвертой властью и, прежде всего, потому, что она может воздействовать не только на различные социальные институты, но и на настроение электората.

Задача нашего исследования состояла в том, чтобы проследить количество случаев употребления и количество заимствованных лексических единиц в серьезных изданиях и «желтой» прессе. В качестве материала использовались два серьезных издания – «Комсомольская правда» и «МК в Перми» и два таблоида «СПИД-инфо» и «Мегаполис-экспресс» за период апрель 2002 – февраль 2003 года. Все четыре газеты выходят еженедельно. Учитывались заимствованные единицы, данные в русской транслитерации, и единицы, написанные латинскими буквами. Интересно отметить, что англоязычные заимствования встречаются гораздо чаще в «желтой» прессе, чем в серьезных изданиях. Если в «желтой» прессе можно найти 2-3 случая словоупотребления англоязычных заимствованных единиц на один разворот, то в серьезных изданиях встречается всего 4-5 случаев на весь номер. Это обусловлено, на наш взгляд, самой тематикой серьезных изданий (новости политики и экономики), и наличием более жесткой цензуры.

Все полученные единицы нам удалось классифицировать по тематическому принципу. При классификации учитывалось функционирование единицы в русской речи, т.е. контекстное употребление, а не буквальный перевод. Были выделены следующие тематические группы: 1) шоу-бизнес (эстрада, кино, мода); 2) спорт и туризм; 3) политика и экономика; 4) компьютеры и компьютерные технологии; 5) общеупотребительная, бытовая лексика. Слова, вошедшие в первую группу, в основном встречаются в газетах «СПИД-инфо» и «Мегаполис-экспресс», что опять же объясняется тематикой газет. Например: *Кто продумывает **make-up** для показа (make-up – макияж; «МК в Перми» 02.05.02)*. Слово «макияж» даже не дается в русской транслитерации. *В рижском аэропорту в ночь на четверг был задержан первый российский **рэпнер** Богдан Титомир (to rap – резко отвечать, выкрикивать, в данном контексте – представитель музыкального направления; «Комсомольская правда» 14.09.02)*.

Слова, относящиеся ко второй группе (спорт и туризм), встречаются в примерно равном количестве как в серьезных изданиях, так и в «желтой» прессе. Например: *Маунтинборд сразу привлек внимание любителей альтернативных видов спорта (Mountain – гора, Board – доска, «СПИД-инфо» 08.02). Сегодня в ландшафтной зоне ставшего знаменитым горноклиматического курорта «Красная поляна» вам предложат: сплав на рафтинге, каньонинг, захватывающие дух полеты на параплане, джипинг, многочисленные конные маршруты, путешествия на горных велосипедах... (to raft – переправляться на плоту, canyon – каньон, jeep – джип; «Комсомольская правда» 14.09.02).* Примеры каньонинг и джипинг являются типичными примерами американизмов: к имени существительному прибавляется *-ing*.

Слова третьей группы, имеющие отношение к политике и экономике, употребляются в серьезных изданиях и составили самую малочисленную группу. Например: *Оборудование было получено по лизингу (Leasing – аренда, сдача в наем; «СПИД-инфо» 06.02). Студенты-иностранцы были напуганы сборищем скинхедов (Skinhead – бритоголовый; «Комсомольская правда» 23.04.02).*

Единицы, относящиеся к четвертой группе, встречались в газетах обоих типов. Например: *Она решила наведни собраться в реал (Real – настоящий, существующий в действительности; «Мегаполис экспресс» 06.02). Реал – американизм, британский вариант – reality. Я не помню пароль твоего мэйлбокса (Mailbox – почтовый ящик; «СПИД-инфо» 03.02).* Данный пример является американизмом. В британском варианте используется слово *letter-box. Мой лучший друг – хакер (to hack – ломать, взламывать (colloquial AmE); «СПИД-инфо» 03.02).*

Слова пятой группы, наиболее многочисленной, используются как в серьезных газетах, так и в желтой прессе. В этой группе встречаются не только имена существительные, но и глаголы. Например: *Спокойно скипнуть раздел (to skip – перепрыгивать, быстро читать; «СПИД-инфо» 08.02). Ее бойфренд был не таким красивым (boyfriend – друг; «МК в Перми» 02.05.02).*

Итак, наибольшее количество американизмов было обнаружено в тематических группах, относящихся к спорту и туризму, компьютерным технологиям и шоу-бизнесу. Это объясняется тем, что слова отражающие данные реалии, появились в США. Наибольшее количество англицизмов выявлено в тематической группе «политика и экономика». В группе общеупотребительной лексики количество американизмов и общеанглийской лексики примерно одинаково, причем есть случаи употребления совпадающих в английском и в американском вариантах единиц.

Литература:

- Большой энциклопедический словарь языкознания. М., 1998.
Гальперин И.Р., Черкасская Е.Б. Лексикология английского языка. М. 1956.
Кристалл Д. Английский язык как глобальный. М. 2001.
Кунин А.В. Английская лексикология. М. 1940.
Швейцер А.Д. Очерк современного английского языка в США. М. 1963.
Швейцер А.Д. Соотношение американского и британского вариантов английского языка // Иностранные языки в школе. 1967. №3.
Швейцер А.Д. Литературный английский язык в США и Англии. М. 1971.

Патриотизм в системе ценностей США (на примере идеологических лозунгов)

Поскольку человек живёт не только в материальном мире, но и в мире смыслов, он постоянно развивается и в соответствии со своими потребностями познаёт, оценивает и управляет происходящими вокруг него процессами. Ценности, как важная часть любой культуры и один из основных видов смыслов, помогают людям удовлетворять какие-либо свои потребности, исходя из поля выбора, которое предоставляет ему данная культура (Кармин 2001: 20). В национальном контексте система ценностей определяется исторически, учитывая социокультурные, территориальные, геополитические факторы развития нации.

В главе «American Beliefs and Values» американского учебника по межкультурной коммуникации «America in Close-Up» патриотизм располагается вслед за мобильностью, шестой из десяти базовых ценностей. Это объясняется тем, что вследствие повышенной мобильности американцы не привязаны к дому так, как привязаны к своей стране, где «национальная гордость превосходит региональную» (America in Close-Up 1995: 28). Несмотря на огромное культурное и этническое разнообразие, для США типичны проявления национального единения, гордости и патриотизма.

В патриотических лозунгах и клише США ярче, чем в других языковых средствах, отражаются данные явления культуры и их отличие от ценностных представлений других наций, а также реализуется функция воздействия на мышление людей

Особенности национально-культурного развития США позволяют говорить о постоянных попытках навязывания американского образа жизни всему миру. Культурное многообразие страны отнюдь не мешает восхвалять её уникальность и избранность, поскольку американцами изначально стояла цель «обамериканивания» иммигрантов, постепенно заполняющих континент. Им было предназначено стать новым обществом американской культуры (Герминасова 2000: 199). Выражения типа *America the Beautiful* (Америка прекрасная), *American Dream* (американская мечта), *(I am) Proud to be An American* (горжусь тем, что американец) как нельзя лучше доводили и доводят до сознания людей преимущества жизни в Новом Свете.

Система ценностей проецирует осознание исключительности на свои составляющие, порождая «patriotism of strikingly untraditional kind» (поразительно нетрадиционный патриотизм) (Pangle 1985:30). Само создание американской нации считается особым историческим событием, которому способствовало божественное провидение (см. появление лозунга *God Bless America* – Да хранит Бог Америку).

Наряду с патриотическими лозунгами, множество артефактов приобрели идиоматический характер и заняли особое место в национальном дискурсе. Так, уже в наличии нескольких названий государственного флага проявляются эмоциональное отношение американцев к его судьбе и символизм прошлых

---

* © Е.В. Декленко 2003

побед и поражений: *The Star Spangled Banner* (усеянное звёздами знамя), *The Stars and Stripes* (звёзды и полосы), *The Red, White and Blue* (красное, белое и голубое), *Old Glory* (старая слава). Такие «прозвища» гораздо популярнее среди американцев, чем официальное *The Flag of the United States of America* (Флаг Соединённых Штатов Америки).

Причины такого номинативного расчленения понятия *flag* и его концептообразующих областей имеют глубокие социально-исторические и культурные корни. Считается, что именно Война за независимость и Гражданская война определили ход патриотической мысли в США. Здесь применима идея И. Ильина о законе человеческой природы и культуры, согласно которому все великое может быть сказано человеком или народом только по-своему и все гениальное рождается именно в лоне национального опыта, духа и уклада (цит. по: Лебедева 1999: 13).

Выдающиеся американские поэты, писатели, деятели искусства и культуры внесли свой вклад в прославление своей страны, в описание её национального опыта и уклада. Некоторые из созданных ими текстов, например, «*This Is My Country*» (Это моя страна), «*America the Beautiful*», «*My Country, 'Tis of Thee*» (Моя страна, это о тебе) так же популярны, как и государственный гимн, «*The Star Spangled Banner*», и служат своеобразными национальными клише.

Наряду с трепетным отношением к своей стране, американцы открыто подчеркивают свое превосходство перед другими нациями. К примеру, слоган *We Are Number One!* является типичным для идеологии национализма. Американский писатель Д. Седарис не только подвергает такое заявление критике, но и сознаёт устойчивость данного принципа в обществе:

Every day we're told that we live in the greatest country on Earth. (...) Having grown up with this in our ears, it's startling to realize that other countries have nationalistic slogans of their own, none of which are «We're number two!» (Sedaris 2000: 156) – Каждый день нам твердят, что мы живём в величайшей стране на земле. Когда ты постоянно об этом слышишь, удивляешься, что и у других стран есть националистические девизы, ни один из которых не звучит как «Мы – номер два!» (перевод наш – Е.Д.).

С самого детства в сознание американцев закладывается идея величия своей страны. Употребление суперлатива «*the greatest*» (величайший) становится нормой, где понятие величия сменяется понятием превосходства. Слово-сочетание «величайшая страна на земле» ставит под сомнение патриотизм как одну из американских ценностей. Как следствие этого, границы, разделяющие любовь к своей стране и проповедь национальной исключительности, постепенно размываются.

Сегодня идеологическое звучание лозунгов и призывов возрастает благодаря техническому прогрессу. Влияние масс-медиа, использование новых информационных технологий (например, *high hume*, которые воздействуют на сознание и отличаются максимальной скоростью прогресса) способствуют трансформации общественной культуры (Дягилев 2000: 52).

Новые технологии оказываются не одиночками в формировании национального сознания. Н.М. Лебедева считает, что поражение в войне страны-агрессора способно в сильной степени изменить представление о себе у представителей данной культуры, способствуя переосмыслению ценностей (Лебедева 1999: 26). В течение последних десятилетий Америка прямо и косвенно

выступала страной-агрессором на мировой арене, переживая при этом период патриотического затишья, но не испытывая крупных поражений. Однако трагические события 11-го сентября 2001 года в г. Нью-Йорке изменили представление американцев о себе как о несокрушимой нации. Патриотическое возрождение стало интенсивно пропагандировать непобедимость державы: *You Can't Beat America!* (Америку не победить!), *We Stand Together!* (Вместе мы выстоим), *United We Stand!* (Объединённые мы выстоим!). Фразы типа *America at War* и *America's New War* (Новая война Америки) стали использоваться в качестве бегущей строки во время выпуска новостей, напоминая зрителям о военном положении страны (зачастую необоснованном).

Одновременно некоторые лозунги начали употребляться в основном значении, которое ранее отходило на второй план благодаря социальным изменениям. Например, болельщики команды американского футбола «New England Patriots», призывая спортсменов к победе лозунгом *Go Patriots!* (Патриоты вперёд!), теперь вкладывают в него национально-патриотический смысл.

В языковом плане цель описываемых лозунгов и клише достигается следующим образом. Во-первых, они несут положительную коннотацию, которая достигается при помощи таких выразительных лексем, как *beautiful* (прекрасный), *pride* (гордость), *proud* (гордый), *united* (объединенный) и т.д. Восклицательные девизы сменяют утвердительные, придавая больше торжественности общеизвестным лозунгам и призывам. Названия песен, содержащие притяжательное местоимение *my* (мой), отражают личное отношение к стране, как и её олицетворение в перифразе *America the Beautiful* (Америка прекрасная). Информационные технологии воздействуют на подсознание людей, постоянно повторяя лексему *war* (война). В социокультурном контексте принадлежность патриотизма к системе ценностей затмевает растущее чувство национализма. Это доказывают сочетания *number one* (номер один), *the greatest country on Earth* (величайшая страна на земле).

Литература:

- Деягин Т.М. Практика глобализации: игры и правила новой эпохи. М., 2000.
Кармин А.К. Культурология. СПб., 2001.
Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М., 1999.
Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.
America in Close-Up. Harlow, 1995.
Pangle T. Patriotism: American style. *National Review*. Nov. 29, 1985.
Sedaris D. *Me Talk Pretty One Day*. NY, 2000.

И.В. Страхова, Т.Н. Чугаева*
Пермь

Частота слова и частотные словари немецкого языка

В речевом поведении человека велика роль вероятностных факторов, действие которых прослеживается в разных процессах функционирования речи. В речевых механизмах человека существует определенная иерархическая организация элементов в соответствии с частотой их встречаемости в речи:

---

* © И.В. Страхова, Т.Н. Чугаева 2003

причем от «индекса частоты» слова зависит способ его хранения и поиска в памяти.

Организация слов по частоте подтверждается результатами экспериментов как зрительного восприятия слов, например, методом тахистоскопии, так и слухового восприятия, например, при экспериментальном изучении восприятия речи по существенным лингвистическим признакам (Штерн 1992).

Встречаемость слова в речи принято определять двумя величинами: *субъективной* ($F_{\text{суб}}$) и *объективной* ($F_{\text{об}}$) частотами, которые коррелируют между собой.

Широко применяемая методика определения $F_{\text{суб}}$ Р.М. Фрумкиной и А.П. Василевича позволяет получать весьма надежные сведения о частотах для любого заданного набора стимулов. Субъективная частота отражает весь личный речевой опыт индивида, охватывая все виды речевой деятельности (слушание, говорение, чтение, письмо). Таким образом, $F_{\text{суб}}$ является более гибкой характеристикой по сравнению с $F_{\text{об}}$. Данные экспериментов по слуховому восприятию показывают, что данные $F_{\text{суб}}$ лучше коррелируют с осознанием слов, чем оценки $F_{\text{об}}$ (Фрумкина 1971: 73).

Однако, несмотря на преимущества $F_{\text{суб}}$, ее применение имеет ограничения. Во-первых, обращение к языковому чутью достаточно большого количества (минимум около 30) информантов не всегда возможно, если требуются сведения о частотах большого массива слов. Тем более затруднительным является проведение исследований на материале иностранного языка, когда требуется привлечение его посетителей, что весьма проблематично в современной ситуации российского образования. Кроме того, по мнению одного из авторов метода определения $F_{\text{суб}}$, определить реальную частоту встречаемости слов в речи человек может не всегда адекватно: например, обиходные слова считаются более частыми, отражая жизненный опыт в целом, а не только речевой опыт (Фрумкина 2001: 188).

Помимо этого выясняется, что большие трудности возникают при определении частот слов средней встречаемости. По экспериментальным данным именно эта группа слов дает наибольшую величину рассеяния (как меру согласия информантов в оценках), определяемую с помощью полуинтерквартильного размаха Q (Фрумкина, Василевич 1971: 22). К такому же выводу приходит М. Краусе в исследовании по определению $F_{\text{суб}}$ немецкого слова по методике Р.М. Фрумкиной и А.П. Василевича (Krause 2002). Носители немецкого языка, определяя частоту встречаемости немецких слов, проявляли относительное единодушие ($0,25 < Q < 0,60$) в оценках слов, находящихся на полюсах шкалы частотности (самых частых и самых редких); оценки слов средней градации шкалы показывают низкую степень согласия ($1,11 < Q < 1,33$) (Krause 2002: 59-60). С этими данными согласуется мнение Х. Мейера, составителя частотного словаря немецкого языка: человек может хорошо оценить частоту встречаемости слов, однако безошибочными эти оценки бывают лишь в отношении частых и редких слов; средние значения чаще всего размыты, человек как бы «пробирается на ощупь в темноте» («tastet in der Dunkelheit») (Meier, 1964).

Таким образом, в ряде случаев для установления частоты слова целесообразно обращение к частотным словарям, в которых отображается *объективная частота слова* ($F_{\text{об}}$).

Статистические (частотные) словари представляют собой особый тип словарей, в которых лексические единицы рассматриваются вместе с частота-

ми их употребления (подробнее см. Алексеев, 2001). Частотный словарь составляется для определения границ активного словарного состава, давая, таким образом, по словам Л.И. Засориной, ясное и четкое представление «живого словоупотребления» (Частотный словарь, 1977: 6).

В немецкой лингвистической литературе впервые к проблеме частотности обратился Эдуард Форстеманн (Eduard Förstemann) еще в 1846 году. В своей работе «Numerische Lautverhältnisse im Griechischen, Lateinischen und Deutschen» он хотел проверить насколько приближены друг к другу в частотном соотношении сочетания звуков в родственных языках по сравнению с языками других типов. Частоты слогов рассматривал также Франц Габельсбергер (Franz X. Gabelsberger «Silbenlexikon», 1823), для того чтобы представить в своем лексиконе все типы слогов немецкого языка и выявить языковые закономерности.

Первый объемный частотный словарь немецкого языка появился в связи с перестройкой системы стенографии в Германии в конце XIX века. Он был составлен Фридрихом В. Кэдингом в 1898 году (Kaeding 1897–1898). Словарь показывал частотные соотношения слов, слогов и букв немецкого языка. В качестве источников словаря перечисляются более 300 наименований различных печатных текстов. В словаре Ф.В. Кэдинга анализируется не разговорная, а только письменная речь – «язык писателей и образованных людей» XIX века (Meier, 1964). Ф.В. Кэдинг попытался представить здесь все возможные области науки своего времени, чтобы дать достаточно полные сведения о лексике немецкого языка.

Этот словарь отличался от всех предыдущих прежде всего обширным объемом материала. Поскольку данный труд был написан в первую очередь для усовершенствования системы стенографии, где слог играет роль гораздо большую, нежели слово, за точку отчета был принят слог. Общий текст словаря насчитывает 20 млн. слогов или почти 11 млн. (10 970 777) слов. Кроме того, в словаре отдельно рассматриваются частотность корней, приставок и суффиксов, отдельных буквосочетаний слов, что дает представление о характере словообразования в немецком языке. В словаре проанализировано более четверти миллиона различных словоформ. По его данным, 66 наиболее употребительных словоформ образуют 50 % связного немецкого текста.

В 1922 году работа над частотным словарем Ф.В. Кэдинга была продолжена Хельмутом Мейером (Helmut Meier), который на протяжении 40 лет перерабатывал и дополнял его лексикой XX века. В итоге в 1964 году была создана «Sprachstatistik» («Статистика языка»). В «Sprachstatistik» представлены только лексемы и словоформы и их частотные значения – всего 10 970 777 слов, как и у Ф.В. Кэдинга, но за лексикографическую единицу была выбрана лексема (словоформа). Х. Мейер несколько изменил и сам подход к составлению списка слов. Ф.В. Кэдинг придерживался четкого алфавитного порядка, исходя из внешней, зрительной формы слова, что приводило к неточностям из-за совпадения некоторых словоформ. По мнению Х. Мейера, такой способ является несостоятельным, поскольку нельзя рассматривать слово вне его фонетических и семантических особенностей.

В качестве источников Х. Мейер, также как и Ф.В. Кэдинг, использовал образцы письменной речи (художественную и научно-популярную литературу и газетные тексты) и пытался охватить все области функционирования языка, учесть весь объем лексики, ситуации общения и влияние иностранных слов.

Однако он сам сознавал, что это в полной мере осуществить невозможно. При переработке словаря Ф.В. Кэдинга Х. Мейер установил, что даже при анализе одной газетной статьи объемом около 500 слов на современную тематику частотность слова может изменить свое значение в 10-15 раз, так как словаре Ф.В. Кэдинга относительно редко встречаются слова, характерные для XX столетия: *Sport, Auto, Fahrrad* и т.д. С другой стороны, лексика словаря несет на себе яркий отпечаток XIX века, о чем свидетельствует высокая частотность таких слов, как *Graf, Prinz, Kaiser* и т.д. Высокая частотность слов военного характера (*General, Offizier, Truppen* и т.д.) также объясняется тем, что после окончания войны (1870–1871) эта лексика являлась общеупотребительной и значимой.

Таким образом, частотный словарь Ф.В. Кэдинга ярко отображает характерные черты своего времени и имеет историческую ценность как показатель значимых понятий. Казалось бы, что уже в первой половине XX века словарь Ф.В. Кэдинга должен был стать безнадежно устаревшим. Однако Х. Мейер сделал противоположное наблюдение: лексический состав языка в действительности изменился гораздо меньше, чем кажется на первый взгляд. По мнению Мейера, «постоянный поток речи в своей глубине не задет сколько-нибудь заметно и совершенно не потревожен» (Meier, 1964). Это полностью согласуется с замечанием Ю.С. Маслова о том, что язык находится в состоянии непрерывного изменения, но это несколько не исключает наличия в лексике каждого языка устойчивого «ядра», сохраняющегося в течение столетий.

В то же время Х. Мейер осознавал необходимость составления частотных словарей разговорной речи, призванных отобразить стремительно меняющийся слой языка, характерный для устного общения. Таким словарем является «Rangwörterbuch hochdeutscher Umgangssprache», составленный в 1963 году Х.Х. Венглером (Hans Heinrich Wängler). Свою работу Х.Х. Венглер не считал солидной и авторитетной; его желанием было лишь отразить появившиеся в языке новые лексические единицы, характерные для разговорной речи второй половины XX века. Источником для исследования послужили записанная на магнитофон речь людей различного возраста, а также статьи газет и журналов развлекательного характера. Общее количество слов – 160 572.

Высокочастотные словоформы немецкого языка исследованы Ортманном (Ortmann W.D.) в книге «Hochfrequente deutsche Wortformen». Частотный словарь немецкой газетной лексики был выпущен И. Розенгреном (Inger Rosengren) в 1977 году.

В продолжение исследований частоты встречаемости слов в разговорной речи в 1981 году появился «Häufigkeitswörterbuch gesprochener Sprache», составленный Арне Руоффом (Arne Ruoff). Однако в названии книги не указывалось, что данные словаря основаны на записях разговорной речи жителей юго-западной части Германии и отражают региональные особенности. При перечислении частот в словаре учитывалась частеречная принадлежность слов, однако отсутствует перечисление слов в порядке убывания частот, что затрудняет пользование этим словарем.

Литература:

Алексеев П.М. Частотные словари. Учебное пособие. СПб, 2001.

- Фрумкина Р.М., Василевич А.П. Получение оценок вероятностей слов психометрическими методами // Вероятностное прогнозирование в речи / Ред. Р.М. Фрумкина. М., 1971.
- Фрумкина Р.М. Вероятность элементов текста и речевое поведение. М., 1971.
- Фрумкина Р.М. Психолингвистика. М., 2001.
- Частотный словарь русского языка / Под ред. Л.Н. Засориной. М., 1977.
- Штери А.С. Перцептивный аспект речевой деятельности. СПб, 1992.
- Krause M. Subjektive Bewertung von Vorkommenshäufigkeiten: Methode und Ergebnisse // Glottometrics 2, 2002.
- Kaeding, F.W. Häufigkeitwörterbuch der deutschen Sprache. Berlin, 1897–1898.
- Meier H. Deutsche Sprachstatistik. Hildesheim, 1964.
- Rosengren I. Ein Frequenzwörterbuch der deutschen Zeitungssprache // Die Welt. Lund, 1972–1977.
- Ortmann W.D. Hochfrequente deutsche Wortformen. München, 1975.
- Ruoff A. Häufigkeitwörterbuch gesprochener Sprache. Tübingen, 1981.
- Wängler H.H. Rangwörterbuch hochdeutscher Umgangssprache. Marburg, 1963.

Н.В. Боронникова*
Пермь

Функция генерализации в системе южнославянского артикля**

В статье рассматривается одна из функций артикля – функция генерализации – и ее связь с сигнификативно-денотативным аспектом имени. В качестве материала исследования использовались тексты на македонском и болгарском языках.

Употребление того или иного артикля или его отсутствие связано с характером одного из компонентов значения слова, являющегося наиболее важным в данном случае. Неопределенный артикль указывает на то, что данное существительное употреблено в сигнификативном значении (Бюлер 1993; Рассел 1982). Известно, что сигнификат представляет собой совокупность признаков, которые дают возможность отличить предметы одного класса от предметов другого класса. То же самое можно сказать и в отношении безартиклевой формы: имя используется в сигнификативном значении и теряет при этом «статус существительного». При неупотреблении артикля существительное выступает в самом общем широком значении и обозначаемый им предмет рассматривается лишь с точки зрения его сущности, с отвлечением от каких-либо свойственных ему признаков... Речь идет не о каком-то одном и не о каком-то определенном представителе класса, и не о классе в целом, а о самом существе, о содержании предмета в отвлечении от объема, числа, границ, формы и т.п. признаков. В связи с этим следует отметить, что неопределенный артикль маркирует единичную расчлененность значения существительного, а нулевой – нерасчлененный характер значения существительного.

Определенный артикль выполняет денотативную функцию, указывая на конкретный объект или группу объектов. Еще Й. Вакернагель отмечал три

* © Н.В. Боронникова 2003

** Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ №02-06-80-223.

случая его употребления в греческом, немецком и романских языках. «Два первых случая носят ярко выраженный дейктический характер и отличаются друг от друга тем, что в первом случае есть отсылки (“слабое указание”) к тому, что уже было названо в речи, а во втором случае, напротив, имеется указание на нечто, хотя еще и не названное, но “данное для говорящего и слушающего”... Третий случай – тип “родового употребления артикля при абстрактных именах”» (Бюлер 1993: 283).

Таким образом, если определенный артикль выполняет денотативную функцию, указывая на конкретный объект или группу объектов, то неопределенный артикль (и нулевой) – сигнификативную, указывая на понятие, под которое подводится данный объект.

Различие между сигнификативным употреблением неопределенного и определенного артиклей в «родовой» функции пытаются объяснить следующим образом: поскольку неопределенный артикль характеризует предмет как представителя какого-то класса, он может употребляться и тогда, когда речь идет об этом классе в целом. Однако подобные случаи отличаются от случаев обозначения класса предметов существительными с определенным артиклем. Это различие заключается в том, что при неопределенном артикле момент противопоставления данного класса другим отсутствует. При определенном же данный класс животных рассматривается в целом и вместе с тем – в противопоставлении прочим классам. Отмечается также, что если при обобщающем значении неопределенный артикль и выделяет единичный предмет из класса предметов, то выделение это происходит «не так», как у определенного артикля: неопределенный не сообщает предмету индивидуальных черт. Но ведь и определенный артикль сам по себе тоже никаких черт не сообщает, все дело здесь заключается в характере употребления или в уровне функционирования языка.

По мнению В.Я. Проппа, «неопределенный артикль означает предмет, мыслимый в какой-то связи... с окружающим его множеством подобных ему предметов. Определенный артикль означает предмет вне этой связи. Если единство на фоне множества дает неопределенный артикль, единство без этого фона дает определенный, то там, где вообще не приложимо понятие количества и множества, не применяется и артикль» (Пропп 1951: 220).

В связи с вышеизложенным вполне естественным представляется появление концепций относительно категории соотносительности / несоотносительности. Согласно одной из таких концепций, артикль выражает соотносительность имени с данным уже известным слушателю предметом (Строева, Зиндер и др. 1961). А раз понятие может быть соотносено с предметом (с чем, конечно, нельзя не согласиться), то появляется *категория соотносительности* существительного, которая выступает в трех разрядах: «...В разряде несоотносительности, соотносительности определенной и соотносительности неопределенной. Выражением этих разрядов и являются артикли: нулевой, определенный и неопределенный» (там же: 224). Сущность же этих трех разрядов заключается в следующем. «Общее значение разряда несоотносительности состоит в том, что существительное в этой форме обозначает понятие как таковое; говорящий в этом случае не имеет в виду тех “отдельных”, которые обобщены в общем понятии... Разряду несоотносительности... противопоставляются определенный и неопределенный разряды вместе как соотносительные, обозначая “отдельное”, равно как и всю совокупность этих “отдельных” (в последнем случае говорят о генерализующей функ-

ции артиклей). С другой стороны, определенный и неопределенный разряды противопоставляются несоотнесенности каждый в отдельности и между собой» (там же: 225, 227). Итак, с одной стороны – определенная соотнесенность, противопоставленная неопределенной соотнесенности, с другой – соотнесенность вообще, противопоставленная несоотнесенности, когда говорящий «не имеет в виду тех “отдельных”, которые обобщены в общем».

Однако несоотнесенных понятий в речи быть не может. Как уже отмечалось, говорящий в процессе обычного бытового общения всегда имеет в виду только отдельное, конкретное, а не общее, абстрактное. Последнее имеет место в специальном виде коммуникации – в научной речи. Тем не менее в любом случае происходит соотнесение слова либо с предметом, либо с понятием. Различие определяется характером коммуникации. Часто понятие «соотнесенность» заменяется понятием «референция». В связи с этим выделяют три типа референции существительного: **родовую** (generic), **конкретную** (specific) и **единичную** (unique). Родовая и конкретная подразделяются на определенную (definite) и неопределенную (indefinite). Определенная референция возможна для существительных любого типа; она маркируется определенным артиклем. Неопределенная референция исчисляемых существительных в форме единственного числа маркируется неопределенным артиклем, а неисчисляемых существительных и исчисляемых в форме множественного числа – нулевым артиклем. Конкретная референция выражается определенным артиклем. Родовая референция допускает все три вида артикля.

В случае употребления определенного и неопределенного артиклей в «родовом значении» мы имеем дело с различием в употреблении языка. Обычный разговорно-бытовой язык в плане содержания функционирует на уровне конкретных предметов и более или менее общих **представлений**, тогда как уровень **понятий** – прерогатива языка науки.

Если сравнить два предложения: (1) *The dog is an animal* и (2) *A dog is an animal*, то очевидно, что они выглядят почти одинаково, за исключением артиклей. Различие между ними заключается в том, что они принадлежат разным «языкам». Первое предложение принадлежит языку науки. Содержание этого предложения заключается в том, что «класс собак» характеризуется как принадлежащий к более широкому «классу животных». Первое понятие – понятие единичного, замкнутого, четко очерченного (своей дефиницией) класса, по сравнению с которым второе понятие является собранием множества таких единичных классов. Таким образом, здесь сохраняется соотношение между значениями артиклей – определенный артикль передает единичность, неопределенный – множественность.

Отсюда представляется возможным разграничение данного значения по двум функциям: родовой и генерализации. Родовая функция присуща определенному артиклю при указании на какой-либо монолитный класс предметов в противопоставлении другим классам. Неопределенный артикль выполняет функцию генерализации, при этом происходит обобщение, причисление какого-либо предмета к классу, множеству предметов, класс представлен дискретно. И если в первом случае признак исчисляемости нерелевантен, то во втором он выходит на первое место.

Данные предположения мы попытались проверить на ряде параллельных текстов (переводов) на английском и южнославянских языках.

В большинстве случаев существительное с определенным артиклем в родовой функции переводится с английского языка именем в определенной форме. Эти случаи особого интереса для нас не представляют.

Более любопытными являются случаи перевода неопределенного артикля в функции генерализации на македонский и болгарский языки.

1) Неопределенный артикль соответствует определенному члену: *For Jesus himself testified, that a prophet hath no honour in his own country. Зашто Сам Исус беше посведочил, дека **пропоком** во својата татковина нема чест* (БА, БМ, 4, 44). ... *that Work consists of whatever a body is obliged to do. ... дека труд се нарекува сето она што е должен да го направи **човеком*** (ТА, 38; ТМ, 15).

Как уже отмечалось, неопределенный и определенный артикли в английском языке используются с родовыми именными группами для обозначения либо эталонного, типичного представителя класса либо всего класса в целом соответственно. Для южнославянских языков можно предположить использование общей формы в первом случае и членной – во втором. Однако исследуемый материал не позволяет провести четкую границу между сигнификативным и денотативным использованием артикля, т.к. интерпретация подобных примеров в процессе перевода может быть двойкой. Вероятно, в данном случае можно говорить о нейтрализации различий между определенным и неопределенным артиклями.

В тех языках, где нет неопределенного артикля, «неопределенная индивидуализация» выражается отсутствием артикля, либо компенсируется за счет использования лексических средств (неопределенных местоимений, ослабленного имени числительного). Основным же фактором в развитии этих языковых явлений Е. Курилович считает употребление определенного артикля в родовой функции с существительными, обозначающими вид предметов (в том числе с именами, обозначающими материал, собирательными и абстрактными именами и т.д.). Поэтому в южнославянских языках часто встречаются случаи использования существительных с абстрактной семантикой в родовом значении в определенной форме: *And this is the condemnation, that light is come into the world, and men loved darkness rather than light, because their deeds were evil. A овој суд е за тоа што **светлината** дојде на светот, ама на луѓето им омиле повеќе **мракот** отколку **светлината**, оти нивните дела беа лоши. Осъждането тук е поради това, че **светлината** дойде на света, но човеците обикнаха повеќе **мрака**, нежели **светлината**, понеже делата им бяха лоши* (БА, БМ, ББ, 3,19).

Многие болгарские грамматисты (Атанасова и др. 1956; Молхова 1970) отмечают, что на употребление родового члена с отвлеченными и вещественными существительными влияет их место и функция в предложении. Чаще всего эти имена используются с определенным артиклем, когда играют роль подлежащего. Ср.: *Честността е добродетел. – В детството му го научиха на **честност** и саможертва. **Въздухът** е необходим за живота. – Ние не можем да живеем без **въздух*** (Атанасова и др. 1956: 28, 31).

Второй важной особенностью родового члена в болгарском языке является его способность использоваться с существительными во множественном числе, ср. соответствующие английские высказывания: *The motor car is said to be displacing the railway. - Казват, че **автомобилът** измества **железницата**; Motor cars (с ОА) are said to be displacing railways (с ОА). - Казват, че **автомобилите** (с ОА) изместват **железниците** (с ОА)* (там же: 20).

2) В функции генерализации в южнославянских языках часто используется так называемый «неопределенный член» «один»: *The deacon's honest soul recognised at once in the stranger a nature as noble as it was heroic. Честното сърце на дякона угади в госта един човек тъй благороден както и юнак* (ВА, 18; ВБ, 23). ... *the wax face of a dead man. Воскосоано лице на еден мртвовец* (АА, 88; АМ, 89). «Один» здесь помимо значения генерализации имеет семантику сравнения. Ту же функцию выполняет в сравнительных конструкциях неопределенный артикль английского языка. Однако на македонский и болгарский языки сравнение, как правило, переводится общей формой существительного: *like a swallow – като ластовичка* (ВА, 1; ВБ, 7); *as a Toutrakan peasant's – като на тупраканец* (ВА, 2; ВБ, 8); *like a swarm – приличаха на рояк* (ВА, 4; ВБ, 10); *like a man – като човек* (ВА, 5; ВБ, 12) и др. Реже встречается членная форма: *like a monkey's – като на майдуната* (ВА, 11; ВБ, 17).

Наши наблюдения показывают, что определенный артикль в южнославянских языках, как правило, используются в родовом (денотативном), а общая форма и неопределенный член «один» в универсальном (сигнификативном) значении, что свидетельствует об универсальности данного явления.

Литература:

- Атанасова Т., Радулова Н., Ранкова М., Русев Р. Английска граматика в сравнение с български език. София, 1956.
- Бюлер К. Теория языка. М, 1993.
- Курилович Е. Положение имени собственного в языке // Очерки по лингвистике. Биробиджан, 2000. С. 251-266.
- Молхова Ж. Характер и употребата на члена в българския и английския език. Контрастен анализ. София, 1970.
- Пропп В.Я. Проблема артикля в современном немецком языке // Памяти акад. Л.В.Щербы. Л., 1951. С. 217-226.
- Рассел Б. Дескрипции // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. 13. С. 41-54.
- Строева Т.В., Зиндер Л.Р. Грамматическая категория соотносительности имени существительного в немецком языке // Проблемы языкознания: Ученые записки ЛГУ им. А.А.Жданова: Серия филол. наук. Вып. 60, 1961. С.218-232.
- Стросон П.Ф. О референции // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. 13. С. 109-133.

Список источников иллюстраций:

- АМ – Антологија на македонскиот постмодернистички расказ / Сост. С. Цветановски.
- АА – Anthology of the Macedonian postmodern short story. Скопје, 1990. Trans.: M. Mitrovska, M. Black.
- БА – The Bible. Authorized version. London, 1966.
- ББ – Библия сиречь Книгите на Свещеното Писание на Новия Завет. От Иоана. Свето Евангелие. София, 1982.
- БМ – Вистинито светло. Свето Евангелие од Јована. Лубљана, 1996.
- ВА – Vazoff I. Under the Yoke. The Romance of Bulgarian Liberty. London, 1912. Trans.: W.Neinemann.

- ВВ – Вазов И. Под игото. Из живота на българите в предвечерието на освобождението. София, 1949.
- ГА – Mark Twain. The adventures of Tom Sawyer. Moscow, 1960.
- ТБ – Марк Твен. Том Сойер. София, 1947. Прев. Р.Босилек.
- ТМ – Марк Твен. Том Соер. Скопје, 1980. Прев. Д.Црвенковски.

А.В. Свиридова*
Челябинск

Негация в средствах массовой информации (на материале текстов газет)

В средствах массовой информации, в частности в газетных текстах, язык выступает в трех социальных функциях – коммуникативной (сообщение информации), экспрессивной (выражение мысли), апеллятивной (воздействие). На осуществление этих функций влияют социальные условия, т.е. тот социально-экономический уровень, на котором находится нация в определенный отрезок времени.

СМИ современности характеризуются стремлением к выражению и защите корпоративных интересов, к пропаганде «минус-ценностей» (слово А.В. Луначарского) жизни, намеренной акцентуации «развлекательной» тематики, трансформированием всего серьезного, высокого в сниженный план. Таким образом, газета не ставит перед собой в качестве главенствующей цели объективное освещение реальной действительности; на первый план выходит борьба за овладение сознанием адресата, а следовательно, апеллятивная функция.

Последняя носит резко агрессивный характер, т.к. ее цель не воспитать, а подчинить в чьих-либо интересах – экономических, политических, религиозных, т.е. оказывает подавляющее адресата воздействие. В СМИ действительность оценивается в рамках концептуализации 'несостоятельность', 'несовершенство', 'несоответствие', которая является одним из способов организации выражения категории отрицания в сознании человека.

Маркированное отрицание, оформленное словами *не, нет, никак, ничего, никогда* и др., обозначает отсутствие, неосуществимость, невозможность достижения чего-либо. Немаркированное выражает отрицательную оценку содержания высказывания и отражается в системе лексических, фразеологических и синтаксических средствах.

Весьма распространено явление, при котором «отрицающее» содержание высказывания объективной модальности одновременно несет в себе оценку говорящего, т.е. выражает субъективную модальность. Обычно такое явление наблюдается, если роль сказуемого выполняет процессуальный фразеологизм с компонентом *не*.

1. В «Аэрофлоте» с 1995 г. наблюдается системный кризис, – подчеркивал В.Клещенков. – Если смотреть правде в глаза, то главная беда компании – это низкие доходы. Коммерческая политика не выдерживает никакой критики (Рабочая сила. СоцПроф, 2001). Фразеологизм *не выдерживать критики* идентифицируется словосочетанием 'быть крайне несостоятельным, непро-

---

* © А.В. Свиридова 2003

фессиональным', негативная оценка со стороны говорящего усилена использованием отрицательного местоимения *никакая*. Заметим, что налицо субъективная оценка содержания, так как пример взят из партийного органа печати, а жанр публицистического дискурса – интервью с разоблачающе-агитационной задачей.

2. *Миллионные, малые города и поселки не шелохнулись ни в августе 91-го, ни чуть позже, в декабре, когда трио солистов сыграло камерный пассаж перед беловежскими зубрами* (Южноуральская панорама, 2001). Единица *не шелохнуться* – 'бездействовать' функционирует в метафорическом контексте; противопоставлено количество субъектов действия *миллионные города* – *трио солистов*; последним усилена отрицательная оценка содержания высказывания.

3. *Подопечные же Анатолия Тимофеева уступили с точно таким же счетом (1:4) «Крылышкам». Впрочем, в таблице они не одни с нулевым результатом. У «Сибири», «Химика» и «Энергии» положение не лучше* (Вечерний Челябинск, 2001). В приведенном контексте маркер отрицания входит в состав именных сказуемых. Значение отрицания в сравнительном контексте является не выделителем субъекта действия, а возведением его в ряд таких же негативно оцениваемых предметов.

4. *Ведь до сих пор в правительстве Касьянова есть министерства, которые не разделили свои полномочия и борются за какие-то зоны влияния. И это притом, что до основной работы руки не доходят* (МК, 2001). В данном контексте предикаты с отрицанием сочетаются с информативно ущербным подлежащим *министерства (какие?, чего?)*. Информативная недостаточность в этом контексте умышленна, так как автор статьи намерен дать отрицательную оценку не каким-то там конкретно указанным министерствам, а главе правительства: *в правительстве Касьянова*.

5. *...Странно: депутат Мительман появляется на экране в основном для того, чтобы в той или иной форме поругать руководство Первого хлебокомбината. А вот когда группа его фирм резко сократила поставки хлеба в больницы, активности Семена Аркадьевича в телеэфире замечено не было...* (Дайджест областной прессы, 1998/1999). Миши-контекст принадлежит жанру разоблачения, поэтому журналист акцентирует внимание широкого круга читателей (потенциальных избирателей) на морально-нравственной несостоятельности героя статьи. В контексте двух смежных предложений, небольших по объему, сообщается об агрессивности, жадности и трусости депутата. С целью создания сарказма автор использует безличную форму сказуемого *замечено не было*, представляющего собой трансформированную переходную единицу *не замечен*, т.е. 'не уличен в чем-либо предусмотрительном'. Учитывая приведенное значение, отметим ненормативную сочетаемость *в телеэфире замечено не было*, именно она усиливает отрицательную оценку.

6. *Другим макаронным фабрикам страны повезло меньше, половина из них влачит жалкое существование. Не в те руки, видимо, попали...* (Дайджест областной прессы, 1998/1999). В контексте есть только одно маркированное частное отрицание *не в те руки*, но именно оно несет в себе основное информативное зерно и оценку. Речь идет об избирательном протекционизме отдельными предприятиями отрасли, а следовательно, о незаконной деятельности их владельцев. Лексемы *повезло, попали* привносят ироническую коннотацию в данный контекст и тем самым отрицают в своем значении сему 'случайно,

непроизвольно' и акцентируют оттенок значения 'преднамеренно'. Для журналиста не было целью сообщать о фабриках, которые *впячат жалкое существование* (он использует резко коннотативный фразеологизм), т.е. вновь сказать обо всем известном, — ему важно выделить исключения из привычного и противопоставить их.

7. *Там добротой и не пахнет.* — По-моему, XX век оставил довольно *маргинально окрашенный эпатажный след, шокирующий* последующие поколения своей *бездуховностью и вульгарностью* (Молодой учитель, 1997). Пример взят из студенческого интервью университетской газеты, таким образом, на содержание и форму высказывания накладывается отпечаток возраста говорящего человека (18-22 года). Категоричность и максимализм отрицания выражен маркированной единицей *не пахнет*, обозначающей абсолютное отсутствие, а также примыкающей к ней усилительной частицей *и*. Резко отрицательную оценку выражают выделенные во втором предложении лексемы. Причем каждое последующее слово отличается от предыдущего усилением отрицательного отношения говорящего.

8. *Сегодня вся его (Быкова – А.С.) братия разбежалась, а мелкая шушера вообще не высосывается, потому что если таких «бугров» завалили, то и с ними быстренько разберутся* (МК, 23-30, 1999). Мивия-контекст взят из интервью А.И. Лебеда, устной разновидности публицистического жанра, следовательно, само интервью для письменного восприятия подверглось определенной обработке журналистом при сохранении содержания и формы речи. Здесь можно наблюдать весьма распространенную современную тенденцию в вербальном общении – нарочитое отрицание эстетических и этических нормативов языка, отвержение общепринятых норм в использовании тех или иных языковых средств в заданном коммуникативной ситуации функциональном стиле. Официальное лицо высокого ранга дает интервью журналисту популярного издания, используя лексику уголовного мира и разговорно-бытовые формы: *мелкая шушера, бугор, завалить, разобраться, быстренько*. Криминализация общества отражается и в использовании языковых средств в речи: посредством этого выбора происходит так называемая социальная презентация, представление себя. Уголовный социальный диалект характеризуется как «престижный» вариант общенационального языка в определенных кругах общества, он становится кастовым, знаком отделения имеющих силу и власть от остальной нации. Правда, по мнению, А.К. Михальской, «для современной русской логосферы ... расслоение языка и иерархизация социальных диалектов “по оси власти” не столь существенны» (1996: 90.) в отличие от логосфер Запада.

9. *К сожалению, наш совхоз не из лучших, поэтому зарплату он получает то мукой, то пшеницей, а денег не хватает, даже сигареты купить – проблема. На зиму вообще закрыли цех, отключили свет. Я ушла на пенсию...* (Возрождение Урала, 2001). Пример выбран из текста письма в редакцию газеты; из содержания видно, что оно написано пожилой работницей, сельской труженицей, не преследующей корыстных интересов. Письмо носит повествовательный характер, полностью отсутствуют апеллятивные формулы. Само содержание повествования вызывает у читателя отрицательные эмоции, неприятие описываемой действительности. В грамматической структуре предложений отсутствует подлежащее (субъект действия) — односоставное безличное *не хватает денег* и односоставное неопределенно-личное *закрыли цех*,

отключили свет; из этого следует, что адресант не ставит себе целью обвинение или разоблачение. Фразеологизм *не из лучших* с обязательным компонентом *не*, идентификатором которому служит словосочетание 'ниже среднего уровня' смягчает субъективную отрицательную модальность высказывания и привносит модальность сожаления.

10. *Как вы, дорогие мои, смотрите на предполагаемое грядущее награждение брата вашего Бориса не чем-нибудь, а орденом рыцаря Гроба Господня?* (Советская Россия, 2000). Оппозиционная президенту газета сообщает о будущем награждении Ельцина религиозным орденом – информация известная, поэтому для журналиста важно не столько сообщение, а отношение и выражение оценки. Автор в данном мини-контексте концентрирует средства создания сарказма: риторический вопрос, ерническое обращение *дорогие мои*, религиозно-ханжеская номинация *брата вашего Бориса* и фразеологическая единица *не чем-нибудь* с противительным союзом *а*, выражающей несоответствие, несовместимость двух реалий *брата Бориса* и *ордена Гроба Господня*. Таким образом, вопросительное по форме предложение, не содержащее общего отрицания, передает резко негативную оценку автором содержания.

Контексты, выбранные из центральных и региональных изданий противоположных политических течений и разной тематики обнаруживают единую направленность в умонастроении общества – всеобщее отрицание действительности и человеческой личности в ней, акцентирование внимания на их негативных проявлениях.

Литература:

Михальская А.К. Лекции по сравнительно-исторической риторике. М., 1996.

И.Г. Овчинникова, Е.Г. Поломских*
Пермь

Психолингвистический подход к определению эффективности региональных СМИ**

Средства массовой информации выступают проводником массовой культуры, противопоставленной культуре элитарной и культуре традиционной. Языком массовой коммуникации является просторечие. В Прикамье СМИ используют просторечие и локально окрашенный вариант литературного языка. Это осознается целевой аудиторией, влияет на оценку текстов и отношение к региональным СМИ. В свою очередь, влияние языка СМИ на городскую речь выражается в размывании представления об эталонах публичной русской речи. Надежность восприятия и понимания сообщения, эффективность коммуникации посредством региональных СМИ в этих условиях осложняется интерференцией просторечия, локальной речи и разговорной литературной речи. Целесообразно выявить стратегии восприятия текстов СМИ (устных и письменных) разными адресатами, установить меру влияния речевых особенностей текста СМИ на его оценку. Актуальность такого подхода к исследованию массовой коммуникации и речи в прессе и эфире связана с решением проблемы

---

* © И.Г. Овчинникова, Е.Г. Поломских 2003

** Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ №02-04-00445^а/Г

надежности восприятия и понимания сообщения в условиях сложной языковой ситуации, а также эффективности целевого речевого воздействия в условиях массовой коммуникации.

Психолингвистический подход к изучению эффективности массовой коммуникации в региональных СМИ предполагает использование экспериментальных методов и моделей речевой коммуникации. Изучение эффективности речевого сообщения в условиях массовой коммуникации опирается на результаты исследования восприятия речи и смыслового анализа сообщения реципиентом. Эффективная коммуникация предполагает надежность восприятия речи, адекватность смыслового анализа текста в условиях возможных помех. Помехи могут быть как объективными (например, шумы в канале связи, неудачное расположение материала на газетной полосе), так и субъективными (несфокусированное внимание читателя/слушателя; отсутствие установки и мотивации к общению и т.п.).

Охарактеризуем процесс восприятия речи. Обычно выделяют три уровня восприятия речи: сенсорный, перцептивный и смысловой (см., например: Психологический словарь 1998: 56-57). При этом смысловой уровень неоднороден и иерархичен. Нижний подуровень связывается с восприятием смысла слов текста, средний – с сопоставлением дистантно расположенных элементов, верхний – с реконструкцией авторского замысла (см., например: Караулов 1987). Экспериментально доказано, что «...имеются как бы промежуточные области, или «полосы», относящиеся к перцепции и одновременно к смысловому уровню и к сенсорному» (Штерн 1992: 202). Восприятие на сенсорном и перцептивном уровнях, представляя активный процесс, определяется прежде всего психофизиологическими способностями индивида. Для перцепции существенно обращение к существующей в сознании человека перцептивной базе: «сличение» с эталоном и диагностика совпадения с ним или отличия от него (Штерн 1990; 1992).

Восприятие текста предполагает опознание фрейма текста и установление особенностей его воплощения. Успешное восприятие возможно уже на перцептивном уровне, поскольку содержание данного уровня – опознание сигнала и сличение с перцептивным эталоном. Опознание фрейма текста и есть сличение с эталоном (там же). Осмысление (последний, смысловой, уровень восприятия в психологии речи) требует гораздо большей интеллектуальной активности, предполагая включение воспринятого в когнитивное пространство, оценку его значимости. Таким образом, осмысление предопределяется индивидуальными особенностями и опытом индивида и возникает при интерпретации в определенной концептуальной системе, отражающей индивидуальный когнитивный опыт. На наш взгляд, успешность смыслового восприятия речевого сообщения определяется адекватностью опознания фрейма текста и оценкой меры совпадения с перцептивным эталоном.

Между тем в условиях массовой коммуникации весьма вероятно неверное опознания фрейма и неадекватная оценка его отличий от эталона (Лейчик 2000). Это обусловлено как объективными, так и субъективными факторами. К объективным факторам отнесем особенности языка СМИ (насыщенность новобразованиями и неосвоенными заимствованиями-англицизмами; размытость жанровых границ), к субъективным – мозаичность восприятия и когнитивные характеристики целевой аудитории. Под мозаичностью, впервые определенной А. Моляем в «Социодинамике культуры», понимают случайность

выделения некоторых объектов из общей мозаики фактов и хаотичность обработки поступающих сигналов. Например, случайным оказывается выделение сигнала, неактуального для воспринимающего сообщения человека, только на основе его интенсивности (громкости, яркости) и частотности предъявления.

Особый вес субъективные факторы приобретают в сложных лингвистических и культурных условиях (Язык как средство трансляции культуры 2000). Сложными считают условия сосуществования и интерференции культур и языков, обычно сопровождающиеся разрывом традиций. В таких условиях, в виду диффузности правил и предписаний, регламентирующих коммуникацию, выбор средств и регистра общения определен субъективными предпочтениями коммуниканта. В качестве результата возникает феномен «полукультуры» (Фрумкина 2001: 165). Вся современная русская культура, как и другие славянские, расслаивается на традиционную, массовую и элитарную (Толстой 1991). Региональные СМИ отражают массовую культуру, используют просторечие (Китайгородская, Розанова 1999; Овчинникова 2000) и локально окрашенный вариант литературного языка (Ерофеева 1997). Язык региональных СМИ характеризуется диглоссией, при которой даже вариант литературного языка имеет локальную окраску. Это создает благоприятную почву для формирования «речевой полукультуры». Таким образом, в Прикамье представлены как объективные, так и субъективные факторы, провоцирующие мозаичную стратегию обработки информации в условиях массовой коммуникации. Поскольку в целом для массовой культуры характерно мозаичное восприятие, естественно предположить, что именно эта стратегия будет ведущей при восприятии сообщения региональных СМИ. Естественно, мозаичная стратегия не способствует эффективности коммуникации.

Для выявления стратегий восприятия и факторов, определяющих выбор мозаичной стратегии, целесообразна психолингвистическая экспертиза текстов сообщений. Такое исследование включает формальный анализ текста (языковые средства; тип текста); содержательный анализ текста (денотатную и пропозициональную схемы); анализ коммуникативной ситуации (письменная/устная коммуникация; жанр; издание; адресность); анализ целевой аудитории (социолингвистическая характеристика). Психолингвистическая экспертиза позволит выявить влияние на эффективность восприятия сообщения таких факторов, которые не являются жанрообразующими, т.е. свойственны всем жанрам и видам текстов массовой коммуникации: 1) локальная окрашенность речи; 2) эмоциональность сообщения; 3) простота/сложность денотатной структуры. Психолингвистический подход к анализу коммуникации и экспертиза текстов региональных СМИ предполагает как оптимизацию восприятия информации целевой аудиторией, так и общую характеристику «языкового климата» региональных СМИ.

Литература:

- Ерофеева Е.В. Экспериментальное исследование фонетики регионального варианта литературного языка. Пермь, 1997.
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
- Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Речь москвичей. М., 1999.
- Лейчик В.М. Культура речи в рекламной газете // *Linguistica. Translatologia*. Pecs, 2000. С.149-154.

- Овчинникова И.Г.. Реклама как зеркало особенностей русской городской речи // *Linguistica. Translatologia. Pecs*, 2000. С.367-373.
- Психологический словарь. М., 1998.
- Толстой Н.И. Язык и культура (Некоторые проблемы славянской этнолингвистики) // Доклады Всесоюзной научной конференции «Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики». М., 1991. Ч.1.
- Штерн А.С. Перцептивный аспект речевой деятельности: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Л., 1990.
- Штерн А.С. Перцептивный аспект речевой деятельности. СПб., 1992.
- Язык как средство трансляции культуры. М., 2000.

И.А. Грибанов*
Пермь

Региональные и индивидуальные особенности речи**

Речь каждого человека представляет собой сочетание общего и индивидуального. Общее при восприятии речи, например, позволяет узнавать слова, опознавать образующие их звуки, определять эмоциональное состояние говорящего и т.д. Индивидуальное также представляет собой определенную систему – сочетание закономерностей производства речи, в том числе и артикуляционных, характерных (типичных) для конкретного человека. Индивидуальность на уровне речевой артикуляции проявляется в сочетании двух основных особенностей: чисто индивидуальной манеры произнесения, определяемой физиологическими (анатомическими) параметрами речевого аппарата человека, и степенью проявления (влияния) на звуковом уровне особенностей речи, характерных для местности (региона), где проживает, а особенно где жил в детстве, конкретный носитель языка. Определение индивидуальных и региональных особенностей речи имеет как познавательное – научное – значение, так и прикладное. Например, в криминалистике – идентификация личности по голосу или в научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработках (НИОКР), связанных с разработкой систем (технологий) автоматического (компьютерного) распознавания речи. В последнем случае знание, например, основных региональных особенностей речи предполагает возможность снятия (нивелирования) соответствующей вариативности значений акустических характеристик звуков речи.

В рамках темы «Разработка интегральной технологии создания систем распознавания речи» на базе лаборатории речевой коммуникации и акустики речи Пермского государственного университета были проведены экспериментальные исследования реализации индивидуальных и региональных особенностей произношения в акустической структуре звуков речи. Основой исследований изучения региональных особенностей речи являлся сопоставительный и структурный анализ звуков речи. Для сопоставления использовались формы

---

* © И.А. Грибанов 2003

** Исследование осуществлялось при финансовой поддержке гранта РФНФ № 02-06-00509 а/г.

спектров звуков речи (спектральные огибающие) и основные параметры их спектральных характеристик (частотные и амплитудные значения первых трех формант звуков), а также динамика формантных треков (траектории изменения значений характеристик формант, например частотных). Проведение экспериментов осуществлялось при помощи разработанной в лаборатории речевой коммуникации и акустики речи Пермского государственного университета исследовательской компьютерной программы «Транскриптор». Для сопоставления использовались результаты анализа звуков речи, реализованных в составе слов информантами, представляющими литературное (московская норма) и региональное (пермская норма) произношение.

Проведенные экспериментальные исследования позволили установить ряд наиболее характерных для регионального варианта особенностей произношения. Например: общий более быстрый темп произношения, характер редукиции гласных в неударных слогах и ряд других. Как было установлено в ходе исследований, индивидуальные особенности речи, определяемые физиологическими параметрами артикуляционного аппарата человека, в основном связаны с длиной голосовых связок, что реализуется соответственно частотой основного тона звуков речи.

В ходе исследования было определено, что наиболее показательным для сопоставительного анализа регионального (пермского) и нормативного вариантов произношения гласного является положение гласного в первом предупредительном слоге. В качестве иллюстрации далее приведен пример спектральных огибающих звуков речи (рис. 1).

На рисунке представлены спектральные огибающие: в части *а* – редуцированного гласного в первом предупредительном слоге в слове *корабль* (—) и ударные гласные [а] (----) и [э] (.....) – региональный (пермский) вариант произношения; в части *б* – редуцированного гласного в первом предупредительном слоге в слове *корабль* (—) – региональный (пермский) вариант произношения, литературный (московский) вариант произношения редуцированного звука в аналогичной позиции (----) и московский вариант произношения ударного гласного [а] (.....).

Как видно из представленных огибающих спектра, в первом предупредительном слоге (*корабль*) в произношении информанта, представляющего московскую норму вместо текстового гласного звука [о], наблюдается редуцированный гласный звук [Λ], причем редукиция происходит в основном за счет ослабления амплитуды второй форманты, сравнительно с ударным [а] (рис. 1 – б). Редукиция гласного в первом предупредительном слоге в региональном (пермском) произношении, помимо ослабления амплитуды второй форманты, сравнительно с ударным вариантом [а], проявляется еще и в том, что вторая форманта изменяет свою частоту: она увеличивается и приближается к частотному значению второй форманты ударного звука [э], однако спектр гласного в первом предупредительном слоге в слове *корабль* отличается от [э] отсутствием третьей форманты. Этот пример является наиболее типичным для пермского произношения, проявляющегося наиболее ярко в акустической структуре редуцированных звуков речи, произнесенных в первом предупредительном слоге.

Кроме того, результаты проведенных экспериментальных исследований позволяют утверждать, что степень редукиции безударных гласных звуков речи и ее характер зависят от коартикуляции (аккомодации) с соседними согласны-

ми звуками, причем в большей мере с предшествующим, чем с последующим. Сущность этого влияния можно проиллюстрировать на примере сравнения изменений характера редукции гласного [o] в первом предударном слоге в окружении различных звуков речи. Так, в окружении звуков боковых сонантов [л] и [л'] в слове *долита* наблюдается смещение частотных значений формант [o] и изменение их формы, характерное для звуков вида, пограничного между [a] и [э]. Подобное изменение формантной структуры значительно менее заметно, например, в окружении звуков [х] – *хохмить* (рис. 2).

Вместе с тем, на основании проведенных исследований можно сделать вывод о том, что если изменения (вариативность) акустических параметров

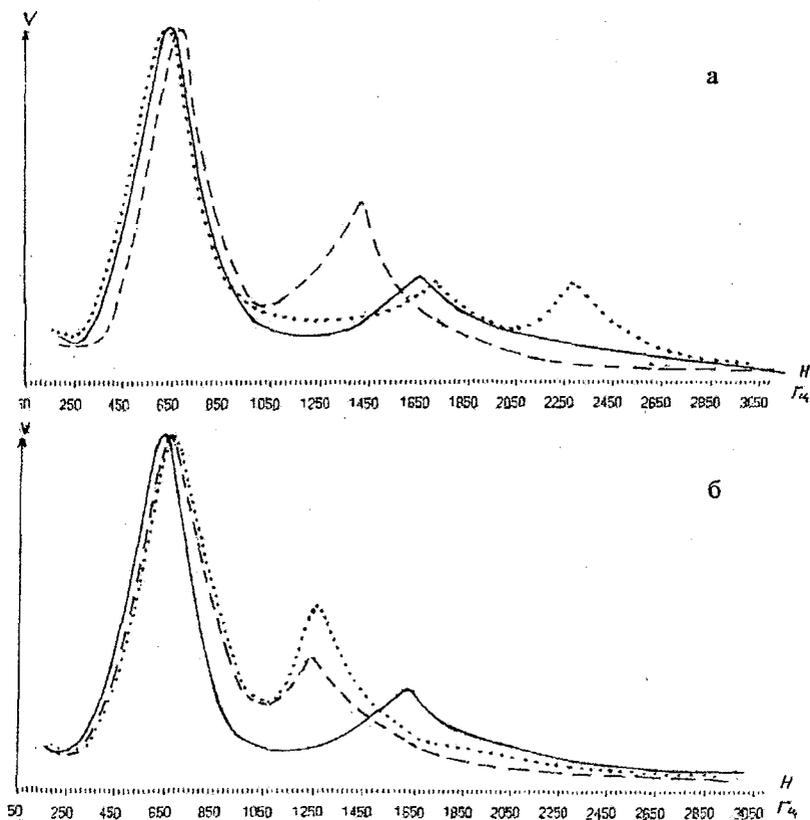

Рис. 1. Спектральные огибающие звуков речи: а – редуцированного гласного в первом предударном слоге в слове *корабль* – — и ударные гласные [a] – --- и [э] – ..... – региональный (пермский) вариант произношения; б – редуцированного гласного в первом предударном слоге в слове *корабль*: региональный (пермский) вариант произношения – —, литературный (московский) вариант произношения – ---- и «московский» гласный [a] в ударной позиции – .....

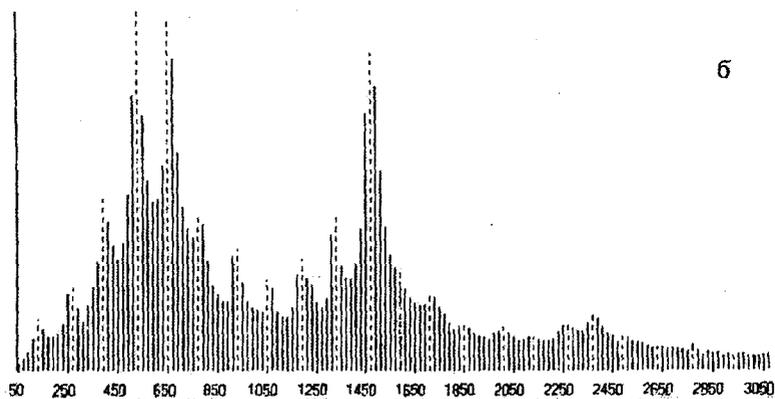
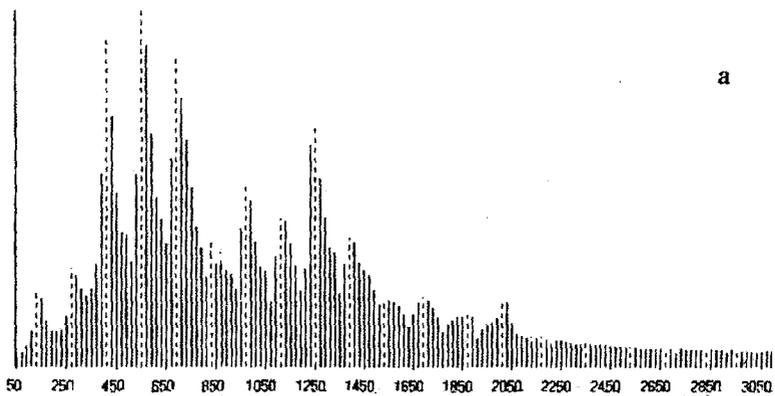

Рис. 2. Спектры редуцированных звуков [о] в первом предударном слоге в словах: а — *хохмить*, б — *Лолита*

звуков речи, вызываемых коартикуляцией, можно нивелировать непосредственно на уровне акустического представления звуков речи, так как они достаточно закономерны и поддаются прогнозированию, то в сочетании с влиянием региональных особенностей произношения для нивелирования суммарной вариативности значений акустических параметров звуков речи очевидной становится необходимость привлечения для распознавания языковой избыточности. Иными словами, необходимо использование информации более высоких уровней языка, чем фонетический, а именно: морфемного уровня, грамматического уровня и др. Альтернативным решением может быть описание всех существующих в языке региональных вариантов произношения и вызываемых ими изменений акустической структуры звуков речи, что представляется достаточно сложным и дорогостоящим, но принципиально решаемым.

Литература:

- Грибанов И.А. О значимости информативных признаков русских гласных для их распознавания // Информационные управляющие системы: Межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 1997.
- Грибанов И.А. Об одном способе фонемного распознавания звуков речи // Мурзинские чтения: Динамика языка в синхронии и диахронии: Матер. межвуз. науч. конф. Пермь, 2002.

А.В. Макерова*
Челябинск

К вопросу о прагматике слова в аспекте отрицательной эмотивности его значения

Отрицательная эмотивность – одна из составляющих коннотации лексического значения языковых единиц. Наиболее естественным путем изучения прагматики эмотивно-оценочной модальности представляется рассмотрение образующих ее чувств – отношений как психических универсалий, выраженных в форме экстенционалов этих выражений – вердиктивов. Под вердиктивами мы понимаем иллокутивные силы, реализующиеся в речи в виде оценочного суждения. Вердиктивы отражаются в сознании в виде определенного эмотивно-оценочного отношения. При этом мы исходим из лежащей в основе теории фреймов гипотезы о том, что знания о мире складываются по определенным правилам (нормам, схемам) из знаний о некотором наборе стереотипных ситуаций (Гончаренко, Шингарева 1984). В данной статье предпринимается попытка описания вердиктивов такого вида эмотивно-оценочного отношения, как пренебрежение.

Пренебрежение представляет собой чувство-отношение субъекта, которое может иметь в качестве своего объекта некое лицо. Пренебрежение связано больше с личностными, нежели социальными нормами: с субъективным представлением конкретной личности об отсутствии ценности этого объекта для данного субъекта и вытекающим из этого отсутствием интереса к объекту и стремлением избежать контакта (в широком смысле) с ним. (Телия 1991: 77). Вердиктивы, выражающие пренебрежение, сильны по эффекту экспрессивности, то есть того способа, каким субъективная интенция говорящего, направленная на выражение чувства-отношения к обозначаемому в диапазоне «неодобрения», облачается в соответствующую систему значений (там же: 66). Человек может оцениваться с точки зрения его внешних данных. В качестве признака оценки могут выступать: 1) общая внешняя непривлекательность и 2) непропорциональность тела лица. Иллюстрацией личностного пренебрежения могут быть вердиктивы, раскрывающие концепт «женщина» во французском молодежном сленге:

1) по признаку внешней непривлекательности: *une hyper-laide* (досл. гиперуродина); *une super-épouvantail* (досл. суперстрашилище); *une ananas secs* (досл. женщина с сухими ананасами (старая женщина), так как *ananas* – досл. большая грудь);

---

* © А.В. Макерова 2003

2) по признаку непропорциональности тела, в частности избыточности веса: *un tas* (досл. куча, груда); *une grosse dondon* (досл. толстуха, бомба, тумба); *un thon* (досл. тунец); *une grosse caille* (досл. толстая мерзость); *une lourde* (досл. тяжеловесная, неповоротливая).

Пренебрежение по признаку внешних данных может смыкаться с осуждением в том случае, когда недостатки внешности расцениваются субъектом как результат неправильного поведения человека, а не как врожденное и не зависящее от него свойство. Акцент в пренебрежении ставится на том, что для субъекта не имеет ценности, к чему говорящий относится «небрежно» и может оценивать для себя как незначимое. В рамках отношения субъекта к лицу отражается степень интенсивности эмоционально-оценочного отношения.

Итак, отношение, связанное с внешностью человека, является эмоционально насыщенным. Эмоционально-оценочное отношение субъекта связано с фоновыми знаниями говорящего о мире, с его социальными и морально-нравственными установками, с принятыми в данном обществе нормами мировоззрения, а также со свойствами субъекта, способного вызвать интенсивность эмоционального восприятия и соответственно реакции по отношению к лицу.

Литература:

Гончаренко В.В., Шингарева Е.А. Фреймы для распознавания смысла текста. Кишинев, 1984. 270 с.

Телия В.Н. Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности. М., 1991. 214 с.

Н.П. Тропина*
Херсон (Украина)

Метафорическая номинация, стереотипы восприятия и языковая картина мира

Понятие *стереотип* широко используется современной наукой, в том числе, социологией, психологией, лингвистикой, психолингвистикой и др. – обзор «междисциплинарного» использования понятия в различных науках дан в (Дьяконова 2002). В лингвистику понятие стереотипа пришло из психологии и социологии, было адаптировано к ее задачам и применяется в двух разных целях. Во-первых, при характеристике речи с точки зрения ее качества для обозначении повторяющихся языковых элементов, которые могут иметь различную целевую направленность, различный уровень осознанности употребления, различную психологическую обусловленность, а также по-разному оцениваться в разных функциональных стилях и т.д. В этом случае считается, что порождением стереотипичности являются штампы, клише, шаблоны, трафареты и т.д.

«Второе» понятие стереотипа в большей мере «социологично» и «психологично» и используется при интерпретации процессов речи, при моделировании довербального этапа номинативного акта, при разного рода социо-психолингвистических исследованиях, например, при изучении национальной специфики языковых картин мира (Уфимцева 2000). Под социальными стереотипами понимаются «устойчивые когнитивные структуры, связанные со схема-

---

* © Н.П. Тропина 2003

тизацией общественного опыта, служащие фильтром для вновь поступающей информации» (Дьяконова 2002: 30). В такой интерпретации понимание стереотипа сближается с пониманием этнических констант, которые понимаются как «бессознательные комплексы, складывающиеся в процессе адаптации человеческого коллектива (этноса) к окружающей природно-социальной среде и выполняющие в этнической культуре роль основных механизмов, ответственных за психологическую адаптацию этноса к окружающей среде... Система этнических констант и является той призмой, сквозь которую человек смотрит на мир» (Лурье 1997: 228). Основу этих констант составляют стереотипы (архетипы) восприятия, свойственные членам этноса и усваиваемые индивидами в процессе социологизации. Ср. модель А.А. Залевской (1999: 40-41), посвященную значению слова как психологической данности. Стереотипы восприятия присущи целым этносам и даже цивилизациям – они возникают как результат историко-культурного развития народов и цивилизаций, отражают общее и специфическое и существуют в составе «коллективного бессознательного».

Этнические константы и социальные стереотипы лежат в основе *образа мира*. Образ мира – это «совокупность перцептивных, концептуальных и процедурных знаний носителя культуры об объектах реального мира» (Тарасов 1996: 7). На уровне философского осмысления уже давно признано, что образ созерцаемого нами мира является не механическим отражением внешней реальности, а ее семантической моделью (Кант 1993). Огромную роль в процессе моделировании мира, создании образа мира играет язык. Со времен В. фон Гумбольдта признается взаимозависимость между языком и мировидением (Weltansicht) этноса: «В основе мировидения и мировосприятия каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем. Поэтому сознание человека всегда этнически обусловлено: видение мира одним народом нельзя простым «перекодированием» перевести на язык культуры другого народа» (Леонтьев 1993: 20). На языковом уровне образ мира реализуется как языковая картина мира, поэтому изучение языкового воплощения образа мира может пролить свет на лингвоментальность разных этносов (Уфимцева 2000), а знание психологических законов может помочь в интерпретации фактов языка.

Образ мира и языковая картина мира с течением времени изменяются, но являются более консервативными, нежели концептуальная картина мира. Консерватизм языковой картины мира заключается прежде всего в том, что в ней сохраняются в языковом материале – способах дискретизации и номинации (*что* выбирается как объект номинации и *как* номинируется), в лексических значениях, грамматических категориях, рудиментах утраченных грамматических категорий и значений и др. – остатки былых взглядов, представлений, понятий, верований этноса. Это свойство языка в середине двадцатого столетия отметил академик В.И. Абаев: «Каждый язык в своей грамматической и лексической структуре влачит в десемантизированном виде обрывки и ключья мировоззрений прошлого, в сильнейшей степени замаскированные и перепутанные процессами технизации» (Абаев 1995: 61). Поэтому языковую картину мира и принято называть наивной (Ю.Д. Апресян, А. Вежицка, В.Н. Телия).

Признано, что среди языковых средств, участвующих в создании языковой картины мира, значительное место принадлежит языковой метафоре (А. Вежицка, В.Н. Телия), из чего следует, что изучение языковых метафор

является необходимым при воссоздании языковой картины мира и моделировании образа мира, при выявлении «этнических констант».

При рассмотрении вопроса о роли языковой метафоры в формировании языковой картины мира и образа мира, нами была использована гипотеза о том, что языковая номинативная метафорическая номинация протекает не хаотично, а на основе стереотипов мировосприятия, характерных для этноса (*что* видится и номинируется как *что*) (Тропина 2001). Рассмотрение в указанном ключе языковых метафорических номинаций второй половины XX века, осуществленное на материале неологических источников и самостоятельно собранного материала, позволило сделать некоторые интересные, на наш взгляд, наблюдения (Тропина 2002а). Эти наблюдения касаются прежде всего образа мира, отраженного «в зеркале» метафорической номинации: с одной стороны, образу мира русского человека по-прежнему присущи архаичные черты, с другой стороны, происходит модернизация образа мира, что находит непосредственное отражение в современной метафорической номинации. Модернизация идет по двум направлениям: а) появляются новые типы метафорической номинации внутри традиционных архетипов, б) развился новый архетип метафорической номинации.

Архаичность на уровне метафоризации проявляется в использовании в качестве основ метафорической номинации стереотипов мировосприятия, когда все вокруг человек видит через призму нескольких древних как мир стереотипов – антропоморфизма, зооморфизма, пространственного стереотипа, синестезии и некоторых других: *материнское и дочернее предприятие, разуть машину, холостой рейс, подслушивающие жучки, горизонталь и вертикаль власти, кисло-сладкий кинофильм* и т.п. Приведенные метафорические номинации являются кодифицированными неологизмами второй половины ушедшего века. Поскольку метафоры, основанные на этих стереотипах, не единожды описывались, а антропоморфизм и антропоцентризм признаны основным свойством языковой картины мира, считаем возможным подробно не рассматривать действие этих стереотипов в современном языке. Приведем только в качестве примера модернизации типа (а) неологизацию моделей метафорического использования терминов родства.

Термины родства традиционно использовались в русской, преимущественно непринужденной и простонародной речи, для вторичной метафорической номинации по возрастному критерию лиц, не состоящих в родстве (*отец, мать, дочь, дочка, сын, сынок, дядя, тетя*); для номинации тех, кто заботится о других (*отцы города, она мне как мать*); термины *мать* и *отец* могут обозначать родственные отношения в животном и растительном мире; в поэтической речи *мать* служит постоянным эпитетом (*мать-земля, Родина-мать*). В современном русском языке появились новые модели метафорических номинаций на основе терминов родства: термины родства стали применяться для обозначения иерархических отношений, отношений зависимости, производности в мире артефактов и в социальной сфере. Термины родства стали номинировать нечто производящее, основное, базисное (*материнское предприятие*), нечто производное, отделившееся от основного, существовавшее первоначально, ранее (*дочерняя фирма, дочка*), или нечто, стоящее на одной ступени развития, прогресса – более новое, прогрессивное (*новое поколение машин*), или же наоборот, нечто устаревшее (*предыдущее поколение компьютеров*), серии однотипных артефактов номинируются как *семейство* (*компьютеров*),

имеющие одно происхождение объекты (часто – природные) тоже могут номинироваться как **семейство**, **семья** (планет). Ср.: *Одна из крупнейших украинских торговых площадок создала дочернюю структуру – товарную биржу «Контрактный дом УМВБ». Теперь торговые операции с золотом, нефтью, продуктами и газовым конденсатом, проводящиеся на УМВБ, станут прерогативой вновь созданной «дочки»* («Финансы & компания», 28.05.2002); *Далее мы продемонстрируем, как можно сделать работу за компьютером более эффективной, на примере текстового процессора Word-2000 – самого распространенного приложения семейства MS Office 2000* («Наука и жизнь», 2000, №10, с.14); *Основные надежды возлагаются на высокочастотные и высококачественные цифровые АТС нового поколения* («Украинская инвестиционная газета», 19.06.2002).

Метафорическая модернизация (б) языковой картины мира заключается в том, что метафорическая номинация получает возможность основываться на новом стереотипе восприятия действительности, который мы назвали **технократическим**. В рамках технократического стереотипа человек видит и номинирует себя и мир вокруг себя как нечто подобное технике. Этот стереотип мировосприятия реализуется как в языковой, так и в речевой метафоре. Наличие этого стереотипа подтверждается не только появлением в языке номинаций на основе метафорического использования слов из «технической сферы», но и развернутыми сравнениями из этой области. Особенно интересно с точки зрения образа мира и его языковой реализации использование сравнений и метафор из «мира техники» при описании природных, биологических, биохимических процессов. Приведем несколько примеров, иллюстрирующих реализацию такого мировосприятия.

В научно-популярном описании одного из новейших открытий в области биологии – стволовых клеток: *Эмбриональные стволовые клетки не работают в автоматическом режиме, как, например, тромбоциты или лимфоциты... Эмбриональная клетка – кассета с информацией, клетка-аноним, клетка «без имени-отчества»* («Наука и жизнь», 2001, № 10, с.19). Ср., также: *Недавно появились данные о новом методе химиотерапии злокачественных опухолей американскими учеными. Они используют фолиевую кислоту в качестве «буксира» для доставки лекарств раковым клеткам* («Зеркало недели», 8.03.2002). *Натриевый насос ведает активным транспортом ионов сквозь мембрану нервных волокон, по которому без импульса обеспечен противотечением.* («Наука и жизнь», 1975, № 7, с. 29).

В газетных текстах: *День борьбы со СПИДом должен стать «днем позитивного мышления, днем перезарядки батарей».* (Зеркало недели, 2001, № 48); *Генная инженерия служит человеку: она заставляет болезнетворные организмы синтезировать недостающие нам при заболеваниях белки, витамины, гормоны...* («Московский комсомолец», 19.11–6.12.2001); *Элита, не способная генерировать цельные программы, защищающие национальные интересы, – это буза для общества и тормоз его развития* («Зеркало недели», 19.10.2002, № 40).

В научном (психолингвистическом тексте): *С учетом того, что на «табло сознания» выводится лишь часть продуктов множества процессов, обеспечивающих взаимодействие человека с окружающим миром, а закрепляемое в языковых единицах неизбежно увязывается с переработкой разно-*

стороннего (не только речевого) опыта индивида, точнее говорить об отображении реальности у человека (Залевская 1999: 35).

В художественном тексте, передающем живую диалектную речь, сценический персонаж М. Елдокимова, старый крестьянин-сибиряк, жалуется на болезнь коровы и заканчивает свою жалобу такими словами: *Завтра отведу ее к ветеринару, пуцай* (передача произношения на письме – Н.Т.) *отремонтирует*.

В «общем сленге», в ответ на вопрос о делах и здоровье: *Приболела, мотор барахлит* (запись 2002 г.).

Словарями неологизмов зафиксировано относительно немного метафорических дериватов технократического типа – два-три десятка единиц. Однако подобные номинации, и неcodифицированные словарями, столь широко используются в языковой практике современного человека во всех сферах общения (в непринужденной обстановке, в средствах массовой информации, в официальных документах, как средство терминологической номинации), что сомневаться в появлении нового архетипа языковой метафоры не приходится. В целях вторичной метафорической номинации широко используются имена существительные (*машина власти, механизм перестройки, партийный аппарат, аппаратчики тормозят реформы, техника лингвистического писара, детонатор общественного мнения, челночный бизнес, технологии обучения, технологии политической борьбы, локаторы морских млекопитающих, приемопередатчики китов* и др.), глаголы (*общественный процесс тормозит, мирные инициативы пробуксовывают, проблемы разруливают, люди подключаются к работе и вырубаются от усталости, власть зависает, средства аккумулируют*); технократическая метафоризация среди других частей речи единична (*заводная девчонка*).

Основной причиной появления нового стереотипа восприятия и базирующегося на нем нового архетипа метафорической номинации является технизация жизни современного цивилизованного человека. Научно-технологическая революция, затронувшая, по мнению социологов, основы общества и все сферы человеческой жизни гораздо глубже, чем любые социальные и национальные перевороты нашего времени, породила новые стереотипы мировосприятия, а они, в свою очередь, привели к рождению неологического **технократического** архетипа метафорической номинации.

Таким образом, мы становимся свидетелями изменения образа мира, его осовременивания, влекущего за собой изменения языковой картины мира, и наблюдаем рождение нового архетипа метафорической номинации. Этот процесс не имеет узконационального характера: глобализация, охватившая цивилизованный мир, распространяется не только на его материальную культуру, но охватывает информационное пространство, сказывается на однонаправленности векторов трансформации языковых образов мира различных этносов (при всей их специфичности и национальном своеобразии), что, в свою очередь проявляется как современная языковая изосемия, приводит к однотипным семантическим процессам в разных языках. В данном случае проявляется свойство, на которое указывал А.А. Потебня: всякий язык имеет свойства общечеловеческие, племенные и индивидуальные. Нами прослежено явление однонаправленности семантических процессов в русском и украинском языках (Тропина 2000, 2002б).

Литература:

- Абаев В.И. Понятие идеосемантики // В.И. Абаев. Избранные труды. Владикавказ, 1995. Т.2: Общее и сравнительное языкознание.
- Дьяконова И.В. Междисциплинарный подход к рассмотрению понятия «стереотип» // Проблемы социо- и психолингвистики: Сб. статей / Отв. Ред. Т.И. Ерофеева. Пермь, 2002. Вып. 1.
- Залевская А.А. Психолингвистический подход к анализу языковых явлений // Вопросы языкознания, 1999, № 6.
- Кант И. Критика чистого разума. СПб., 1993.
- Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Парадоксальная рациональность. М., 1993.
- Лурье С.В. Историческая этнология. М., 1997.
- Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996.
- Тропина Н.П. Векторы семантической деривации в современных восточнославянских языках // Слов'янський збірник. Одеса, 2000. Вип. VII.
- Тропина Н.П. Стереотипы восприятия и семантическая деривация // Південний архів: Філологічні науки: Зб. наук. пр. Херсон, 2001. Вип. X.
- Тропина Н.П. Технократическая метафора как средство номинации // Південний архів: Філологічні науки: Зб. наук. пр. Херсон, 2002а. Вип. XIX.
- Тропина Н.П. Изосемия как феномен современных восточнославянских языков // Слов'янський збірник. Одеса, 2002б. Вип. IX.
- Уфимцева Н.В. Языковое сознание и образ мира славян // Языковое сознание и образ мира: Сб. статей / Отв. Ред. Н.В. Уфимцева. М., 2000.

Л.М. Салмина*
Казань

Социальные роли и стереотипы

Концепция *символического взаимодействия*, которая решает вопрос о соотношении социального и индивидуального начал в поведении личности, была разработана Дж. Мидом (Mead 1934). Американский философ различает две составляющие личности: *Me* и *I* (условный перевод – «внешнее» Я и «внутреннее» Я): *Me* представляет собой позицию *обобщенного другого лица*; по мнению Дж. Миды, чем больше способность человека рассматривать свое поведение с точки зрения других людей, тем эффективнее оказывается социальное взаимодействие, поэтому составляющую *Me* он называет *адаптирующим* компонентом личности; составляющая *I* имеет характер импульсивный, творческий и проявляется в отношении к другим личностям. Зафиксированное в английском языке разграничение двух личностных начал (каким бы оно ни было) несвойственно русскому языку, что и вызывает естественную сложность в адекватности передачи смысла местоимений *Me* и *I*, равно как и понятия *Self*. Однако, приняв как данность существование некоего *Self* в составляющих *Me* и *I*, можно предположить, что в отношениях с окружающим миром в сознании личности формируется *концепция самой себя (Self)*, совмещающая в себе *идеи*

---

* © Л.М. Салмина 2003

своей социальности (*Me*) и индивидуальности (*I*) как *взаимодействующие* составляющие сознания, самосознания и поведения.

Идеи Дж. Мида оказали сильное воздействие на американскую социологию: так, в 60-е годы XX века уже можно было говорить о *теории ролей* как о вполне сформировавшейся социологической теории (см., например, работы К. Дэвиса, Э. Томаса и др.), согласно которой *роль* понимается как динамический комплекс возрастных, личностных, должностных и поведенческих характеристик личности.

Действительно, наше сознание несет в себе огромное множество моделей поведения (Э. Берн называет их *согласованными поведенческими схемами*), которые осознанно или неосознанно актуализируются нами в различных социальных ситуациях, дифференцируются окружающими по характерным признакам и воспринимаются как проявление нашей личности.

Представление о роли – явлении социальном – всегда несет в себе реальный (эксплицитный) или потенциальный (имплицитный) аксиологический заряд, причем оцениваться может и роль как таковая с точки зрения ее значимости, и конкретная личность в той или иной роли с точки зрения соответствия/несоответствия существующим представлениям. Например, роль *матери* в любом социуме несет в себе имплицитную положительную коннотацию, отсюда порицающее *Ты же мать!*, если женщина не соответствует означенной роли; роль *убийцы* оценивается сугубо отрицательно, поскольку предполагает незаконное лишение жизни другой личности (вряд ли кому-то всерьез придет в голову назвать *убийцей* человека, прихлопнувшего муху, либо исполнителя смертного приговора – это *палач*, другая роль со своим коннотативным содержанием): «*Великодушный убийца*», – пробормотал Пуаро. «*Что вы говорите?! – вскричал я. – Как убийца может быть великодушным?!*» (А. Кристи).

В сознании социума представление о ролях формируется и существует в *ролевых стереотипах*. Как писал У. Джеймс, личность человека в том числе составляют «его платье, его дом, его жена, дети, предки и друзья, его репутация и труды, его имение, его лошади, его яхта и капиталы» (Джеймс 1982: 61). Что характерно, конкретные *платье, дом, жена* и т.д. при оценке личности выступают как *тип* платья, дома, жены и т.д., соотносящийся в самовосприятии и восприятии окружающих с существующим представлением о специфике той или иной роли: «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты».

М. Люшер отмечает, что уже по одежде можно отличить служащего торговли от интеллектуала и парикмахера от учителя. «Роль... от одного может потребовать, чтобы он был одет общепринято-серьезно, подобно манекену в витрине универсама, и запретить ему снимать пиджак даже в самый разгар лета, даже если имеется опасность, что в результате теплового удара он превратится в наилучшим образом одетый труп» (Люшер 1993: 41).

В современной социологии стереотип определяется как «мало зависимые от эмпирического познания представления о социальных объектах» (Дилигенский 1996: 29), т.е. конвенциализированные представления, общие для членов данного социума. Представления об обществе, поступающие к человеку из различных источников: семья, школы, средств массовой информации и др. – усваиваются и воспроизводятся в готовом виде, не подвергаясь обработке, что и определяет их *малую зависимость* от эмпирического опыта. Личный опыт, непосредственный или опосредованный чужим личным опытом, либо под-

тверждает стереотип, закрепленный в сознании, либо вступает в противоречие с ним.

Рольевые стереотипы – устойчивые модели, обеспечивающие актуализацию той или иной роли и восприятие личности в той или иной роли – являются частным случаем социальных стереотипов. Внедренные в наше сознание через различные каналы, представления о ролевых дистрибуциях сохраняют определенную автономию по отношению к личному опыту: мы знаем, что и как мы должны или не должны делать, что ничуть не мешает нам делать *не то и не так*. Поскольку роль определяется в контексте ситуаций социального взаимодействия, в качестве ее дифференциальных признаков чаще всего называются свойства (возраст, пол и т.д.), позиция (статус), функции (управления, подчинения и т.д.), определяющие поведенческие стереотипы.

Следует, однако, отметить, что стереотипы поведения не исчерпывают ассортимента ролевой модели. Например: *«Я – “шестерка”, это ясно. Марат – босс, тоже ясно». «Почему?» – спросил Марат. «“Роллекс”», – ответил Вадим* (Ф. Незнанский). Маркером роли персонажа в глазах окружающих оказывается не манера поведения, а предмет – дорогие часы.

Системный комплекс ролевых стереотипов определим понятием *атрибутики*. Ядро ролевой атрибутики будут составлять *сущностные* стереотипы (психологии и поведения), периферию – *аксессуары* и *реквизит* (внешность и предметное окружение личности в данной роли). Стереотипы аксессуаров и реквизита в наибольшей степени абстрагированы от конкретной личности: *Пальцы у него были худые и сильные. «Как у пианиста», – подумал Косенков, хотя никогда в жизни живого пианиста вблизи не видел – разве что по телевизору* (Ф. Незнанский).

Отражая устоявшиеся в данном обществе представления о сущности той или иной роли, они отвечают «принципу маскарадного костюма». Например: *Известно, что во Франции каждому сословию присущ свой, особый облик, нечто вроде примет, по которым распознают с первого взгляда. Возникли условные типы представителей любой профессии и его величество Общество Мнение, единожды восприняв такой тип, не допускает и мысли об отклонении от него. Кто такой врач? Солидный человек в черном, с белым галстуком. Господин с изрядным брюшком и золотыми цепочками может быть только бизнесменом. Художник – это кутила в бархатной блузе с огромными манжетами и в мягкой шляпе. Полицейский – могучий верзила с усами, чья шея стиснута уже лохматящимся воротничком (Э. Габорио). Или: На нем был твидовый пиджак, рубашка с мягким воротником, неяркий галстук, темные фланелевые брюки. Он курил трубку. Он был слишком похож на писателя, чтобы этому поверить (Э. Макбейн).*

В беллетристике авторы, стремясь заинтриговать читателя, часто «играют» на аксессуарных и реквизитных стереотипах: *Гуров зашел в раздвижные ворота и оказался в прекрасно оборудованном гараже. На ремонтной яме стоял сверкающий “Мерседес-290”. «День добрый!» – громко сказал Гуров. «Добрый!» – ответили из-под машины, и из ямы вылез мужчина в аккуратном чистеньком комбинезоне. «Ваи?» Мужчина взглянул на свои сверкающие туфли, приподнялся на носках, усмехнулся: «Я не похож на механика? Типичное совдеповское мышление» (Н. Леонов). Или: Дед Мороз был одет, как ему и положено, – в красную шубу, красную шапку с белой опушкой. (...) «Добрый вечер, детки!» – поприветствовал он их. «Здравствуйте». Дед Мороз достал*

из бездонного кармана своей шубы транзисторный приемник и, включив его, произнес с грустью: «Дерьмо...» «Что “дерьмо”»? «Все», – кратко ответил Дед Мороз (Ф. Незнанский) – неожиданная в устах Деда Мороза оценка вызывает растерянность не только у адресата-персонажа, но и у адресата-читателя, на что и рассчитывает автор.

Стереотипы реквизита часто поддерживаются социальным конформизмом: «Вещами манипулируют как знаками, которые характеризуют вас, либо вовлекая вас в определенную группу, рассматриваемую как некий социальный ориентир, либо выделяя вас из этой группы» (Дейян 1993: 27-28). Весьма ярким доказательством тому служат *новые русские*, которые по мере формирования понятия «атрибутировалось» сначала по малиновым пиджакам и кашемировым пальто, потом по *шестисотому* «мерседесу», *мобильному телефону* и пр.: *Через двадцать минут к машине Марата подошел стройный молодой человек, в котором Вадима узнать можно было с трудом. Белый костюм с атласными, отогнутыми по моде рукавами пиджака, черная рубашка-апах, белые туфли «саламандра», средних размеров кейс, зонтик. Марат остался удовлетворенным. «Как?» – спросил он у телохранителя. «Часы», – подсказал тот. «Точно – часы!» «У меня же есть», – возразил Вадим. «Повесь их у себя в сортире!»* (Ф. Незнанский) – часы, которые носит персонаж, не соответствуют его новому облику.

Доказательством системности ролевой атрибутики служит, например, тот факт, что опыт взаимодействия с личностями различных типов внешности служит базой для формирования их поведенческих стереотипов: природные внешние данные человека (рост, конституция) вполне объективно обуславливают специфику его самореализации – подвижность, гибкость, быстрота, особенности походки и под. Ср.: «...Если вы низкорослый человек, склонный к полноте, то вам не стоит заикливаться на мечте о том, чтобы стать жокеем. Если вы кряжистого телосложения и небольшого роста, то у вас мало шансов, чтобы стать топ-моделью» (Честара 1997: 29-30). Частотность характерных проявлений приводит к тому, что тип внешности становится даже своеобразным критерием ценности личности. Так, например, данные опросов свидетельствуют о том, что мужские высокий рост и солидная комплекция ассоциируются с *надежностью, стабильностью, уравновешенностью*, в то время как худощавость при небольшом росте связывается с *необязательностью, непостоянством, эгоцентризмом (!)*. Ср. народное: *Хорошего должно быть много или: Большому кораблю большое плавание.*

Более тонкая и, соответственно, менее объяснимая зависимость существует между особенностями самореализации личности и такими элементами внешности, как, скажем, цвет волос и глаз. Стоит вспомнить хотя бы «Руководство для желающих жениться» А.П. Чехова: *Ухаживая за девицей, обращай внимание прежде всего на наружность, ибо по наружности узнается характер особы... Блондинки обыкновенно благодарны, скромны, сентиментальны, любят папашу и мамашу, плачут над романами и жалеют животных... Брюнетки не так рассудительны, как блондинки. Они подвижны, непостоянны, капризны, вспыльчивы, часто ссорятся с мамашей и бьют по щекам горничных... Черные глаза означают страстность, вспыльчивость и коварство... Серые бывают у цеголих, хохотуний и дурочек.*

Результаты стереотипизации внешности можно легко обнаружить в портретных характеристиках литературных героев и персонажей. Так, портрет

Ольги Лариной, который «надоел» автору «безмерно», – это портрет блондинки, в то время как Татьяна – брюнетка. В пьесе «Бесприданница» А.Н.Островский характеризует Паратова как «блестящего барина, из судохозьев, лет за 30», а Карандышева как «молодого человека, небогатого чиновника» – между тем в киноверсии «Жестокий романс» Паратов (Н. Михалков) – очевидный «роковой» брюнет, Карандышев (А. Мягков) – столь же очевидный блондин.

В русской культуре противопоставление светлым волосам темных означает противопоставление обычному (заурядному) необычного (незаурядного).

Иное основание противопоставления можно встретить в современной зарубежной беллетристике, закрепившей стереотип *блондинки* – высокой, длинноногой, красивой молодой женщины с безупречной фигурой – «голливудский стандарт» (ср. кукла Барби); темные волосы, как правило, являют собой знак оригинальности. Западный стереотип прижился и на российской почве: продюсер размышляет о дуэте девушек – крупной блондинки и миниатюрной брюнетки: *«Это сочетание может быть интересным – наглая, стандартная сексуальность и некий неожиданный изыск, породистая дворяночка»* (П. Дашкова).

Таким образом, стереотипы внешности фиксируют не только представление о сущности роли, но и отношение к ней, ее положительную либо отрицательную оценку. Очень часто основанием оценки является признак социальной популярности, престижности, значимости. Так, данные опросов показывают, что роль *киноактера* в подавляющем большинстве включает в себя признаки *красивый, высокий, физически развитый, молодой*; роль *президента* – признаки *высокий, фактурный, темноволосый с проседью, среднего возраста*; роль *учителя средней школы* – *среднего роста, худой, светловолосый, в очках*.

Ядерные психологические атрибуты отражают, с одной стороны, идеальное представление о психологическом аспекте роли, а с другой – представление, сформированное реальностью, поэтому противоречие между идеалом и реальностью создает почву для конфликтов, при которых положительное или (чаще) отрицательное представление о роли автоматически распространяется на любого исполнителя. Ср., стереотип *коррупционности высших эшелонов власти*, стереотип *интеллектуальной ограниченности военных* и т.п. Например, один мошенник описывает другого: *Он никогда не нервничает, у него только портится настроение и он сердится. Это как раз то, что надо, поскольку он всегда выступает в роли генерала или миллионера, или кого-либо подобного. Вот дворецкий, или младший клерк, или младший капрал в приступе дурного настроения немедленно вызовет подозрение* (Л. Дейтон).

В теории ролей стереотипы поведения рассматриваются как ролевые *предписания, мотивы, ожидания, конфликты*, и это не случайно: именно поведенческие стереотипы могут «спускаться сверху» в виде инструкций и директив – стоит вспомнить хотя бы существующие по сей день *«Правила пользования...»* для пассажиров любых видов транспорта, постояльцев гостиниц; правила для водителей и пешеходов и пр. Другим источником стереотипов поведения является эмпирический опыт: наблюдения за характером и особенностями ролевого поведения конкретных исполнителей, позволяющие установить закономерности, которые распространяются в нашем сознании на поведение любого исполнителя и становятся критериями оценки соответствия или несоответствия личности исполняемой роли. Вот как этот процесс описывает

А.С. Пушкин в повести «Барышня-крестьянка»: *На другой же день приступила она (Лиза – Л.С.) к исполнению своего плана, послала купить на базаре толстого полотна, синей китайки и медных пуговиц. <...> Она повторила свою роль, на ходу низко кланяясь и несколько раз потом качала головою, наподобие глиняных котов, говорила на крестьянском наречии, смеялась, закрываясь рукавом, и заслужила полное одобрение Настии (А. Пушкин).*

В заключение приведем слова Б. Бернштейна о том, что, каков бы ни был источник формирования того или иного стереотипа поведения, «индивиды заучивают свои роли в процессе коммуникации» (Bernstein 1965: 155).

Литература:

Дейян А. Реклама. М., 1993.

Джеймс У. Личность // Психология личности. М., 1982.

Дилегенский Г.Г. Социальная психология. М., 1996.

Люшер М. Сигналы личности. Воронеж, 1993.

Честара Дж. Деловой этикет. М., 1997.

Bernstein B. A Socio-Linguistic Approach to Social Learning // Social Science Survey. Harmondsworth, 1965.

Mead G. Mind, Self and Society. Chicago, 1934.

С.Г. Фрост*
Челябинск

Культурная коннотация номинативных единиц языка как явление психолингвистики и лингвокультурологии

Многие ученые, которые занимаются исследованием семантической стороны языка, например Ю.Д. Апресян, Э.К. Гак, Е.А. Земская, И.М. Кобозева, Е.С. Кубрякова, В.Н. Телия и др., часто обращаются к мысли о необходимости введения в толковые словари энциклопедических и культурно-исторических компонентов.

Существует два основных подхода к данной проблеме. Это, во-первых, стремление к универсализму и предложение создать универсальный толково-энциклопедический словарь, в котором могут быть представлены при необходимости цитаты из литературных произведений, но в котором при помощи словосочетаний и составительских примеров в большей степени раскрывается энциклопедический, культурно-исторический и этнолингвистический аспекты (Гак 1988: 125). И, во-вторых, ономастологический подход, согласно которому в структуру словарной статьи предлагают ввести указание на внутреннюю форму слова, отражающую дух языка, наивное сознание народа (Ермакова, Земская 1985: 520; см. также: Кубрякова 1981).

Казалось бы, что примирить эти позиции должен лингвострановедческий словарь, в котором осуществляется семантизация лексики, отражающей своеобразие соответствующей лингвокультурной общности. Он «находится как бы на половине пути от толкового к энциклопедическому: он регистрирует и систематизирует фоновые знания, если иметь в виду соотечественников, и он сообщает новые сведения, если пользователем оказывается иностранец» (Верещагин, Костомаров 1980: 252). Однако, к сожалению, лингвострановедче-

---

* © С.Г. Фрост 2003

ские словари ограничены безэквивалентной лексикой и «фонowymi лексическими единицами» (Верещагин, Костомаров, Морковкин 1977: 161).

Нам кажется, что возможное решение проблемы лежит в обращении к категории коннотации лексемы. Именно коннотации отражают «несущественные, но устойчивые признаки выражаемого ею понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности» (Апресян 1995: 159). Глубокое и всестороннее исследование этой категории можно найти в работах В.Н. Телия (1986, 1996).

В данной статье мы хотели бы указать лишь несколько важных моментов, которые позволят говорить о коннотации, и именно культурной коннотации, как основном претенденте на экспликацию в толковых словарях.

Мы осознаем всю сложность и гетерогенность конструкта «значение слова», и поэтому выносим за рамки данного исследования его денотативный и категориально-грамматический компоненты, сосредоточив свое внимание на коннотации – макрокомпоненте значения, который образуют такие микрокомпоненты, как внутренняя форма, оценочный смысл, стилистическая маркированность и экспрессивная окраска и который характеризует обозначаемое слово в целом (Телия 1986: 15).

Коннотация тесно связана с конкретным местом, временем, обществом, с тем, что задает определенную систему координат бытия, сознания и поведения отдельной языковой личности. Стоит заметить, что понятие культурной коннотации несколько шире, так как в нее попадает культурно значимая информация, которая у некоторых номинативных единиц может содержаться не на периферии значения, а в его денотативном аспекте, например, в реалиях соответствующей лингвокультурной общности. Таким образом, следуя за В.Н. Телия, мы понимаем под культурной коннотацией интерпретацию денотативного или образно мотивированного аспектов значения в категориях культуры (Телия 1996: 214).

Выполняя кумулятивную функцию, язык не только участвует в созидании и хранении культуры, но он является ее частью (Верещагин, Костомаров 1980). И извлечение информации из языка-хранилища – эта совместная задача лингвистов, культурологов и социологов. Если получение культурной информации, заложенной в денотативном значении возможно путем когнитивно-семантического анализа, в основе которого лежит метод компонентного анализа, то для единиц языка, в которых культурно значимая информация выражается в коннотативном аспекте значения, эта процедура сложнее, так как требуется экспликация образного основания и выявление его корреляции с категориями культуры.

Совершенно очевидно, что обнаружение культурной информации, расположенной на периферии значения слова (в отличие от денотативного макрокомпонента, образующего ядро лексического значения) только традиционными методами лингвистики весьма затруднено, а иногда и вообще невозможно. Поэтому мы считаем, что выделение культурной коннотации возможно только при обращении к культурно-языковой компетенции носителей соответствующего языка и культуры. И, опираясь на положение о «приципиальном единстве психологической природы семантических и ассоциативных характеристик слова» (Леонтьев 1969: 268), мы полагаем, что в центре исследования коннотативного компонента значения должны стоять методы психолингвистики. Именно эти методы позволяют при внутри- и межъязыковом сравнении

выявить различия лексических единиц по объему значения и обнаружить компоненты, которые являются носителями культурной коннотации. Возможно, они не всегда осознаются носителями языка, как, например, внутренняя форма слова, но могут быть всегда предьявлены как адекватная реакция на стимулы, заданные в рамках правильно выстроенных психолингвистических экспериментов.

В сравнении с традиционными методами семасиологии (см., например: Тарланов 1995; Методы и приемы лингвистического анализа 1988) и методами ономазиологии, которые используются, главным образом, для изучения внутренней формы слова как способа формирования коннотации, методы психолингвистики наиболее адекватны для выделения периферийных семантических признаков, которые чаще всего являются носителями коннотативных значений. Они позволяют выявить компоненты, которые нельзя обнаружить другими приемами анализа, поскольку ассоциативно-образное основание культурной коннотации – это **психолингвистическая сущность**.

Кроме возможности проникнуть в периферийную часть лексического значения, где в основном локализуется коннотация (исключение составляют уже упомянутые единицы, где культурно значимая информация заключена в денотативном аспекте значения), методы психолингвистики имеют и другие преимущества. Поскольку информантами выступают современники, определяющие реальную языковую и духовную жизнь общества, то эти методы позволяют «отсканировать» состояние языка, сознания и культуры в функционально-синхронном срезе, что представляет наибольший интерес для пользователей современных толковых словарей.

Культурная коннотация является также и **лингвокультурологической сущностью**, и полученные результаты могут и должны быть верифицируемы данными других, смежных наук: социологии, культурологии.

Таким образом, на основе вышеизложенного мы хотели бы выдвинуть предположение о том, что экспериментальные методы психолингвистики при выборе адекватной методики для каждого семантического разряда слов и достаточной репрезентативности выборки информантов могут стать основой исследования структуры значения номинативных единиц языка, прежде всего – периферийных семантических компонентов, которые содержат скрытую, потенциальную оценочность слова и соотносятся в интерпретативном режиме с системой ценностей соответствующего общества.

В ноябре-декабре 2002 года в качестве подготовки к основному исследованию нами был проведен пилотажный эксперимент методом семантического шкалирования. Мы опирались на методику, изложенную в труде В.В. Левицкого и И.А. Стернина «Экспериментальные методы в семасиологии» (1989). Целью нашей работы было определение семантических компонентов (ядерных и периферийных) слов тематической группы «семья». Информантами выступили 25 студентов и преподавателей Челябинского государственного университета в возрасте 19-27 лет.

Нами ставились следующие задачи:

- 1) составление исходного списка семантических признаков для слов тематической группы «семья» (в него вошли признаки, выявленные по результатам предварительных экспериментов: свободного ассоциативного эксперимента, теста на заполнение сравнительной конструкции, теста на атрибуцию при-

знаков, – а также признаки, полученные в результате анализа словарных дефиниций, устойчивых сравнений, пословиц и поговорок);

2) вычисление среднего индекса семантического признака на семантической шкале (как среднее арифметическое оценок, выставленных всеми информантами по данному признаку);

3) вычисление индекса знания (как отношение положительных оценок информантов по семе, то есть оценок, отличных от «0» = «не знаю», к общему числу информантов); релевантным для структуры значения считались твердые и относительно твердые признаки с индексом знания не менее 0,90.

4) выделение твердых (индекс 1-1,5), относительно твердых (1,6-2,5) и неопределенных (2,6-3,5) семантических признаков;

5) сравнение результатов эксперимента, представленных в виде перечня семантических признаков для каждого слова, с дефинициями этих же слов в Толковом словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой (1999) и Большом энциклопедическом словаре (1983).

В таблице представлены результаты эксперимента для нескольких слов указанной тематической группы. Курсивом в таблице выделены те семантические компоненты, которые не нашли никакого отражения в дефинициях словарей. Во-первых, как видно из таблицы, большая часть неучтенных признаков располагается действительно на периферии значения. Во-вторых, именно на периферии локализуется коннотативный макрокомпонент значения. Он может быть образован внутренней формой (*приемыш*), оценочным смыслом (*мачеха*), стилистической маркированностью (*алиментщик*) и т.д.

Краткий анализ слов, приведенных в таблице, дал следующие результаты. Относительно твердые семантические признаки слова *семья* «любовь», «дружба», сближают прямое значение слова с переносным, трактуемым в словаре как «объединение людей, сплоченных общими интересами». Но если эти семантические признаки отражают качества и отношения, пусть идеальные, прогнозируемые, но создающие культурно-национальную картину русских, то почему их не отразить в дефиниции? Кроме того, это закреплено в современном языке (см., например, пословицу *На что клад, когда в семье лад* или известную цитату из романа Л.Н.Толстого «Анна Каренина»: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливa семья несчастлива по-своему»). Данные социологии также свидетельствуют о том, что именно в семье удовлетворяются эмоциональные потребности в любви, уважении, близости, а также потребность любить, т.е. потребность в самотрансценденции (Белкин и др. 2001: 211).

Исходя из вышесказанного, мы предложили бы для толкового словаря русского языка дефиницию расширенного типа, в которую входят относительно твердые признаки – носители культурной коннотации. *Семья – группа живущих вместе близких родственников, связанных духовной близостью.*

Так, по нашему мнению, возможно разумно, но не избыточно расширить объем определений толковых словарей, не переходя при этом в формат энциклопедических. На наш взгляд, такие дефиниции представляли бы больший интерес, как для первичной, так и для вторичной языковой личности.

**Сопоставление словарных значений слова
и семантических признаков, полученных в эксперименте**

Исследуемое слово	Определение словаря		Семантические признаки слова, полученные в результате эксперимента	
	С.И. Ожегова	БЭС	Твердые	Относительно твердые
Семья	Группа живущих вместе близких родственников	Основанная на браке или кровном родстве малая группа, члены которой связаны общностью быта, взаимной помощью и моральной ответственностью.	Дети – 1,32 Ячейка общества – 1,4 Ответственность 1,44	<i>Любовь – 1,52</i> Родители – 1,6 Сплоченность – 1,6 <i>Дружба – 1,64</i> Близкие родственники – 2,12 <i>Веселая – 2,16</i>
Вдова	Женщина, у которой умер муж	(Нет дефиниции)	Женщина – 1 Умер муж – 1	<i>Грустная – 1,76</i> <i>Живет дальше – 1,84</i> Страдает – 2 Одинокая – 2,12 <i>Черный цвет – 2,24</i>

Слово *вдова* получило по результатам эксперимента относительно твердые семантические компоненты «страдание» и «скорбь», которые отражают эмоционально-оценочное отношение человека к потере близкого. Внесение данной коннотации в дефиницию будет явно избыточным. Но нам кажется необходимым указание на черный цвет как цвет траура для русского лингвокультурного сообщества, поскольку эта очевидная культурная коннотация, которая легко выявляется в рамках межкультурного сравнения (например, в Китае, Индии, Пакистане цветом траура является белый).

Таким образом, мы считаем необходимым введение в определения толковых словарей основных с точки зрения синхронно-функционального подхода культурно-национальных коннотаций, которые выступают как факультативный компонент значения номинативной единицы языка и выделяются на основе психолингвистического анализа и корректируются данными культуроло-

логии и социологии. Эти коннотации могут быть проиллюстрированы цитатами или устойчивыми выражениями.

Литература:

- Апресян Ю.Д. Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография. Т.1. М., 1995.
- Белкин А.С., Катаев А.В., Поиков К.В., Сунгатуллина Г.А. Нравственность. Здоровье. Семья. Ч.II. Екатеринбург, 2001.
- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М., 1980.
- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г., Морковкин В.В. Проспект учебного лингвострановедческого словаря современного русского литературного языка // Проблемы учебной лексикографии. М., 1977.
- Гак З.К. Проблема создания универсального словаря (энциклопедические, культурно-исторические и этнолингвистические аспекты) // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. М., 1988.
- Ермакова О.П., Земская Е.А. Сопоставительное изучение словообразования и внутренняя форма слова // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1985. Т. 44. № 6.
- Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М., 1981.
- Левицкий В.В., Стернин И.А. Экспериментальные методы в семасиологии. Воронеж, 1989.
- Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М., 1969.
- Методы и приемы лингвистического анализа. Воронеж, 1988.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999.
- Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М.Прохоров. М., 1983.
- Тарланов З.К. Методы и принципы лингвистического анализа. Петрозаводск, 1995.
- Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.
- Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.

Л.А. Грузберг, А.Ю. Савельева*
Пермь

Антиномия – парадокс: попытка разграничения

Продолжая работу над темой «Антиномия и парадокс под взглядом лингвистики» (см.: Грузберг 2002:7-10; Грузберг 2003: 33-34), мы столкнулись с тем, что в целом ряде теоретических исследований и справочных изданий *антиномия* и *парадокс* по существу не различаются. Ср. несколько свидетельств: «В логике парадоксами (или антиномиями<...>) называются высказывания, в точном смысле слова противоречащие логическим законам» (ФЭС 1983: 47); «... в логике парадокс понимается как синоним терминов «антиномия», «противоречие» (БСЭ 1975: 175); «Есть мнение, что парадокс близок к понятию антиномии <...>» (Курбатов 1996: 393) – и т.д. (перечисление подобных мнений можно продолжить).

---

* © Л.А. Грузберг, А.Ю. Савельева 2003

С другой же стороны, изучение антиномичных и парадоксальных высказываний убеждает нас в нетождественности *антиномии* и *парадокса*, что и послужило одной из причин обращения к теме данной статьи, цель которой – выявление лингвистически значимых свойств и признаков антиномичности, с одной стороны, и парадоксальности – с другой.

Сложившееся, традиционное, «обычное» обобщенно-абстрагированное восприятие явлений действительности и мира в целом базируется на противопоставлениях, оппозициях, полярности, контрасте, и обусловлено это в частности тем, что нам дано в непосредственном наблюдении множество противопоставленных, противоположных явлений, предметов, признаков типа *свет – тьма, день – ночь, верх – низ, горячий – холодный, большой – маленький, мужчина – женщина, холод – тепло* и т.д. и т.п. Духовное и научное осмысление мира породило новые (и часто глобальные) оппозиции: *добро – зло, материальное – идеальное, плюс – минус, чет – нечет, заряд положительный – заряд отрицательный*... В истории нашего общества оппозитивное представление о мире упрочивалось тезисами о противоборстве и непримиримости двух идеологических систем, афоризмами типа *Кто не с нами, тот против нас* и тысячекратными, постоянными призывами к *борьбе* – с пережитками капитализма, с мещанством, тунсыдством, космополитизмом, с недостатками, трудностями; за урожай, первое место, чистоту и порядок, мир и т.д.

Однако параллельно, наряду, а иногда и вопреки оппозитивному мировидению имел место антиномичный взгляд на мир, исходящий из признания и утверждения *единства противоположностей*. Идея «сочетания и единства противоположностей» была присуща еще учениям Гераклита и Платона. Антиномичные определения пространственно-временного мира и движения были сформулированы в апориях Зенона. В новое время идея сопряжения противоположностей была отчетливо выражена в учениях Дж. Бруно и Николая Кузанского» (ФЭС 1983: 28). Великолепные афоризмы, основанные на антиномии, типа *Omnis determinatio est negata* (Любое утверждение есть отрицание), *Tempus fugit, aeternitas manet* (Время течет, вечность неизменна), *Cum tacent, clamant* (Молчат, но говорят), *Vis pacem, para bellum* (Хочешь мира – готовь войну) и многие другие, восходят к античной мысли. Показательно, что фольклор самых различных народов дает ярчайшие образцы антиномичных высказываний: *Нет худа без добра; На Бога надейся, а сам не плошай; Муж и жена – одна сатана; Благими намерениями путь в ад вымощен* и др.

В истории цивилизации обращение к феномену антиномии обычно приходилось на периоды расцвета науки, культуры, интеллектуальной деятельности. Непревзойденный уровень, достигнутый немецкой классической философией, обеспечивался не только диалектикой великого Гегеля, но и разработкой проблем антиномии Кантом, а сформулированные В. фон Гумбольдтом антиномии языка явились одной из важнейших составляющих теоретико-философского языкознания и определили вектор развития лингвистики на столетия.

Традиционно понимая под антиномией сочетание двух взаимопротиворечащих суждений об одном и том же объекте, каждое из которых истинно относительно этого объекта и каждое из которых допускает одинаково убедительное логическое обоснование, подчеркнем, что антиномичное суждение есть результат особого осмысления, особого взгляда на объект и мир в целом – как на *единство*, гармонию *противоположностей*, как на целое, целостность

которого не только не разрушается, а, напротив, обеспечивается взаимодействием противоположных составляющих. Антиномичность непременно сопряжена с нетривиальностью, нестандартностью восприятия, осмысления и оценивания всего сущего и происходящего, *антиномия* всегда есть разрушение стереотипа, она *парадоксальна* по своей сути.

Парадоксальность всегда возникает «при попытках объяснить гармонию противоположных начал» (Курбатов 1996: 404). Там, где складывается парадокс, появляются новые перспективы для исследования, парадокс – это всегда выход познания на новый уровень постижения сущности чего-л., парадоксы обычно затрагивают основание науки вообще, выводят на новый уровень междисциплинарного синтеза, на уровень методологии научного познания.

Говоря о парадоксе, необходимо различать **парадокс как объективное явление** – неожиданное, не соответствующее распространенным представлениям – и **парадоксальное высказывание**, заключающее в себе мысль неожиданную, оригинальную, противоречащую тривиальной логике, а иногда – на первый взгляд – и здравому смыслу. Среди парадоксальных высказываний немало таких, которые, пройдя через тексты мировой культуры или будучи отшлифованными благодаря многовековому бытованию в устном народном творчестве, сделались прецедентными текстами, ср.: *Война – такое же наказание для победителя, сколь и для побежденного* (Т. Джефферсон); *Тот, кто применяет силу, доказывает свою слабость* (Р. Тагор); *Когда мы скажем, что никогда не будем господами, тогда мы покончим с рабством* (Б. Шоу); *Кто отрицает решительно все, тот ничего не отрицает* (Д. Писарев); *Ничего не делать – очень тяжелый труд* (О. Уайлд); *Лучший способ избавиться от искушения – поддаться ему; От любви до ненависти – один шаг; Хочешь мира – готовься к войне; Тише едешь – дальше будешь* (русск.); *Большой камень – знак того, что им не ударят* (перс.); *У плотника дверь всегда сломана* (араб.) (плюс множество подобных у разных народов: *У семи няnek дитя без глаза; Сапожник – без сапог; Матросов столько, что корабль затонул* – и т.п.); *Если я не молодец, то свинья не красавица* (пермские говоры).

Хороший словесный парадокс краток, «четко сформулирован, логически завершен, эффектен и афористичен» (КЛЭ 1968: 592). Парадокс способен «убеждать и впечатлять независимо от глубины и истинности высказывания, поскольку обладает чертами оригинальности, дерзости и остроумия» (ЛЭС 1987: 267). Свойственные парадоксу неожиданность выводов, несоответствие их «естественному ходу мысли» (БСЭ 1975: 175) делают парадокс одним из существенных атрибутов ораторского искусства, действенным приемом полемики, сатиры, пародии. Парадокс есть свидетельство самобытности, независимости суждений и нередко используется «для борьбы с устаревшими канонами, с охранительными устоями» (КЛЭ 1968: 592).

В работах по философии и логике (в частности, см: Курбатов 1996; Костюк 1980) предложены научно корректные классификации парадоксов, которые мы не приводим в данной статье в силу того, что они не касаются лингвистического подхода к парадоксу, не учитывают при классификации «лингвистическую составляющую» и оперируют не парадоксальными **высказываниями**, а иными воплощениями парадоксальности, например, понятиями математического, логического, казуистического, софистического парадокса. Нашему подходу к явлениям парадоксальности относительно близок подход, отразившийся в работе Е.В. Левченко «Восприятие и понимание парадоксаль-

ных высказываний», где утверждается, что парадоксальность обусловлена не особенностями состава, а особенностями структуры парадоксальных описаний. Именно способ объединения частей в целое является необычным: в парадоксальном высказывании объединена взаимоисключающая, с точки зрения прошлого опыта, информация (Левченко 1991: 47). Разделяя мнение Е.В. Левченко о двучастности парадоксального высказывания, подчеркнем однако, что части эти не являются какими-либо определенными структурно-синтаксическими блоками, а вычленяются, скорее, на основе смысла.

Наш материал позволяет говорить о следующих видах парадоксальных высказываний – в зависимости от того, чем обусловлена парадоксальность:

I. Парадоксальность обусловлена антиномичностью высказывания: *Люди жестоки, но человек добр* (Р. Тагор); *Мы то всего вернее губим, что сердцу нашему милей* (Ф. Тютчев); *И вот он все собой заполнил, одновременно превратившись в точку* (И. Бродский); *Я всеми принят, изгнан отовсюду* (Ф. Вийон); *Сила женщины – в ее слабости* и т.п.

II. Парадоксальным может быть высказывание, в котором нарушены причинно-следственные связи, отчего следствие, вывод, причина не вытекают из посылки, условия: *Верю, потому что абсурд; Раз кровати – это значит свобода* (В. Долина); *Если я не молодец, то свинья не красавица; Этого не может быть, потому что не может быть никогда* и т.п. Хотелось бы настойчиво подчеркнуть, что подобные высказывания ни в коей мере не абсурдны, поскольку не алогичны; они либо подчинены особой логике, характер которой мы планируем обсудить в будущих наших работах, либо правомерность выраженного в них суждения (мнения, оценки и т.д.) становится очевидной, когда обращаешься к широкому контексту, в который парадоксальное высказывание вписано (последнее относится прежде всего к цитате из песни В. Долиной «Китайский рестораник»).

III. Парадоксальность порождается сознательным объединением разноплановых, гетерогенных начал: *Лучше переест, чем недоспает; Приказываю рыть канаву от забора и до обеда; Не путай мельницу с медным самоваром; Что не делают у нас – делают не так и др.*

IV. Парадоксальность может порождаться утверждением чего-либо, обратного житейскому опыту, прямо противоположного ожидаемому: *Дурака работа любит; На упрямых воду возят; В объезд – так к обеду, а прямо – так, дай Бог, к ночи.*

Своеобразную подгруппу, IV-а, составляют высказывания, парадоксальность которых обусловлена использованием литоты вместо ожидаемой гиперболы: *Пей чай, наводи шею, как бычий хвост; Поправилась в лебёзью кость* (оба последних примера зафиксированы в диалектных материалах, собранных в Пермской области). Парадоксальные высказывания, характерные для групп IV и IV-а, обычно используются как средство иронии или самоиронии.

V. «Взрывание изнутри» общеизвестных выражений также может приводить к парадоксальности: *Не откладывай на завтра то, что можно сделать послезавтра* (О. Уайлд); *Что ни делается, все к лучшему в этом худшем из миров; Хотели как лучше, а получилось – как всегда; Если в кране нет воды, воду вытил Чубайс* (высказывание самого А.Б. Чубайса) и т.п.

VI. Парадоксальность может быть результатом языковой игры: *Сто раз я нажимал курок винтовки, а вылетали только соловьи* (Б. Окуджава); *Никогда не говори «никогда»* и др.

Приведенные примеры гармонично коррелируют со следующим определением парадоксальных высказываний: «Парадоксальными принято называть любые неожиданные высказывания, особенно если неожиданность их смысла выражена в остроумной форме» (ФЭС 1983: 478).

Сопоставительное изучение всего массива антиномичных и парадоксальных высказываний, находящихся в нашем распоряжении, привело нас к следующим мыслям относительно их различий и различий антиномии и парадокса как таковых:

Главное отличие антиномии от парадокса состоит в том, что антиномия не дана нам в непосредственном опыте: она не воспринимается органами чувств, с ней не соотнесены никакие реалии, события, предметы. Антиномия есть результат работы мысли, особого (повторимся), нестандартного осмысления действительности, особого взгляда на мир. Антиномия «материализуется» только в вербальной форме, в виде суждения, умозаключения, высказывания (реже – в словосочетании и даже в слове, типа *печальное веселье*, *живой труп*, *трагикомедия*, *светотень* и т.п.). Антиномия – категория гносеологическая, это особый принцип и прием познания, один из важнейших способов приближения к истине. Парадоксальное же – онтологично. Независимо от сознания воспринимающего субъекта в мире происходят парадоксальные события, люди совершают парадоксальные поступки, и вообще в ходе истории и эволюции много парадоксального.

Отметив основное, с нашей точки зрения, различие между антиномией и парадоксом, мы теперь сосредоточим свое внимание на высказываниях – антиномичных и парадоксальных – с целью выявления их отличий друг от друга.

Приступая к сопоставлению, напомним, что, как уже отмечалось в данной статье, антиномичное высказывание всегда парадоксально, поскольку сама попытка объединить противоположные начала не согласуется с так называемым здравым смыслом. Среди же парадоксальных высказываний немалую часть составляют такие, которые не основаны на антиномии (в наших материалах они составляют примерно 40% от общего числа ПВ), таким образом, множество парадоксальных высказываний (Р) включает в себя на правах подмножества антиномичные высказывания (А):

$$P \supset A.$$

Антиномичные высказывания, в отличие от парадоксальных, не являющихся антиномичными, всегда содержат два противоположных начала: *Всесилен я и вместе слаб*, *Властитель я и вместе раб* (Ф. Тютчев); *Я царь, я раб, я червь, я Бог* (Г. Державин) – в то время как в неантиномичном парадоксальном высказывании противоположные сущности не представлены: *Искренность мешает искусству*; *Нужда заставляет калачики есть*; *Искать надо не там, где потерял, а там, где светло* и т.п.

В антиномичном высказывании вторая часть в значительной степени предсказуема (не в плане формы выражения, разумеется, а в смысловом плане), поскольку она непременно будет противоположна, антиномична первой.

От любви до ... [?] один шаг.

Всякое утверждение есть ... [?].

Диапазон вариантов ответов невелик, как видим: в первом случае (естественно, при незнании приведенных выражений) – *ненависти, разлуки, разломки*, а во втором – *отрицание*, пожалуй, единственный вариант.

В парадоксальном неантиномичном высказывании вторая часть не обусловлена первой и потому не предсказуема, она соответствует лишь парадоксальному принципу: чем неожиданнее, тем лучше. Ср.: *Не верьте сказкам: они были правдой* (Ст. Ежи Лец); *О если б можно было поехать в свадебное путешествие одному!* (Ж. Ренар); *Я уйду, как настоящий француз – по-английски* (Ханума); *Кто не курит и не пьет, тот здоровеньким помрет; Это было давно и неправда* и т.п.

Факт труднопредсказуемости развертывания неантиномичных парадоксальных высказываний выявил эксперимент, проведенный Е.В. Левченко и описанный в ее статье (1991). Таким образом, неантиномичные парадоксальные высказывания обладают значительно более высокой степенью свободы конструирования и вербального наполнения сравнительно с антиномичными высказываниями, что предоставляет широчайшие возможности для творчества, а также для реализации интеллектуальных потенций.

Литература:

- БСЭ – Большая советская энциклопедия. М., 1975. Т.19.
Грузберг Л.А. Антиномия не есть антонимия // Проблемы социо- и психолингвистики. Пермь, 2002. Вып.1.
Грузберг Л.А. Антиномия // Филолог. 2003. № 2.
Костюк В.Н. Парадокс: логико-системный анализ // Системные исследования: Методологические проблемы. М., 1980.
КЛЭ – Краткая литературная энциклопедия. М., 1968. Т.5.
Курбатов В.И. Философия в парадоксах и притчах. Ростов-на-Дону, 1996.
Левченко Е.В. Восприятие и понимание парадоксальных высказываний // Проблемы деривации: Семантика. Поэтика. Пермь, 1991.
ЛЭС – Литературный энциклопедический словарь. М., 1987.
ФЭС – Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
Штайн К.Э. Многогранность философско-религиозного дискурса о Павла Флоренского и глубинный стереотип // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь, 2000.

Э.Р. Мардиева*
Нефтекамск

Психолингвистический аспект изучения антонимии

Проблема антонимии многогранна. Цель настоящей статьи – рассмотреть психолингвистический аспект, раскрывающий природу противоположности. Исследуя явление антонимии, необходимо учитывать то, что противоположность свойственна лингвистическим реалиям.

«Антонимию можно рассмотреть как одну из важных лингвистических универсалий», – утверждает Л.А. Новиков (1973: 13). В любом языке отмечается явление антонимии, оно характерно как для современных языков, так и для мертвых (латинского, древнегреческого, старославянского, санскрита и т.д.). Е.Н. Миллер отмечает: «Если верны предположения, основанные на исследовании сделанных археологами доисторических находок, что первые за-

---

* © Э.Р. Мардиева 2003

чатки языка появились 750 000 лет назад, то именно в то время и должны появиться первые антонимы, ибо противоположности объективного мира, представляющие собой наиболее контрастные и потому наиболее рельефно запечатляющиеся в сознании явления, не могли не произвести соответствующих отпечатков в высших отделах головного мозга в ряду первых предметов, которые стали объектами изначального осмысления им бытия. Человеческое мышление тождественно у всех народов земли, исторически оно развивается благодаря развитию самого человека. <...> Даже если на каком-то этапе своего развития человек не способен был осознавать факт существования реальной противоположности и семантической противоположности в языке, он, тем не менее, практически не мог по указанным причинам не употреблять в речи семантическую категорию противоположности – антонимию единиц номинации» (Миллер 1990: 200). Эта мысль подтверждает обусловленность антонимов экстралингвистическими факторами.

С точки зрения психолингвистического аспекта значение слова служит источником образования ассоциаций. Овладевая словом, человек автоматически усваивает сложную систему связей и отношений, в которой стоит данный предмет и которая сложилась в многовековой истории человечества. Факт, что слово ни в какой степени не является простой и однозначной ассоциацией между условным звуковым сигналом и наглядным представлением и имеет множество потенциальных значений, явствует не только из анализа морфологической структуры слова, но и из его практического употребления в обычной жизни (например, слово *дом*). Реальное употребление слова всегда результат выбора нужного значения из целой системы всплывающих альтернатив с выделением одних нужных ассоциаций и торможением других, но соответствующих данной задаче систем связей. Эта выделенная из многих возможных значений соответствующая ситуация, система связей называется смыслом слова.

Ассоциации (термин предложен в XIII в. Дж. Локком) являются одним из основных механизмов памяти. А.Н. Леонтьев отмечает: «Память современного человека является чрезвычайно сложным продуктом длительного процесса культурно-исторического развития. Это развитие идет по линии овладения актами своего собственного поведения, которое из поведения натурального тем самым превращается в сложное сигнификтивное поведение, т.е. в поведение, опирающееся на систему условных стимулов-знаков. Прежде чем сделать внутренними, эти стимулы-знаки являются в форме действующих извне раздражителей. Только в результате своеобразного процесса «вращивания» они превращаются в знаки внутренние, и, таким образом, из первоначального непосредственного запоминания вырастает высшая, логическая память» (Леонтьев 1983: 71).

«Так, обозначая предмет словом, мы выводим его из сферы чувственных образов и включаем его в систему логических связей и отношений, позволяющих отражать мир глубже, чем это делает наше восприятие. При этом переход от более наглядных обозначений (ель, сосна) к более общим понятиям (дерево, растение) не только не обедняет, но и существенно обогащает наше представление. Например, за словом «растение» стоит противопоставление растения и животного, за ним в скрытом виде стоит все богатство индивидуальных разновидностей деревьев, трав и т.д. Поэтому общее понятие, обозначенное словом, которое по степени наглядности может показаться бедным, по системе, скры-

вающихся за ним связей, несравненно богаче, чем конкретное обозначение индивидуального предмета» (Общая психология 1998:173).

Естественно, что эта система смысловых связей, стоящих за словом, выражающих понятие, позволяет мысли двигаться во многих направлениях, которые и определяются «широтой» и «глубиной» этой системы связей. Поэтому понятие можно считать существенным механизмом, лежащим в основе движения мысли.

В мышлении человека в основе обобщения находятся разные комплексы. Один из них ассоциативный. В его основе лежит любая ассоциативная связь с любым из признаков, замечаемых в каком-либо предмете. Отмечается не только прямое тождество признаков, но и несходство или контраст, их ассоциативная связь по смежности и т.д., однако видна и непременно конкретная связь.

Анализ общеантонимичных проблем дает возможность увидеть, что противоположность как понятие является одним из характерных проявлений природной склонности человеческого ума и лежит в основе различных представлений в жизни. Так, например, академик М. Покровский писал, что «слова и их значения живут не отдельной друг от друга жизнью, но соединяются (в нашей душе), независимо от нашего сознания, в различные группы, причем основанием для группировки служит сходство и прямая противоположность по основному значению» (1959: 82). Ш. Балли видел в антонимических противопоставлениях проявление природной склонности человеческого ума. Он указал на легкость, с которой в сознании говорящего вызывается логический антоним. «Это одно из проявлений той относительности, – писал Ш. Балли, – которая определяет (и ограничивает) всю деятельность разума. Таким образом, в нашем сознании абстрактные понятия заложены парами и каждое слово всегда так или иначе вызывает представление о другом» (1961: 139).

Е.Н. Миллер отмечает, что «возникновение восприятий, представлений, понятий ведет к репродукции связанных с ними иных восприятий, представлений, понятий. Возможности репродукции реализуются по тождеству, по контрасту, по пространственному существованию и временной последовательности... Можно полагать, “что противоположные значения слов первично обнаружены в речи благодаря интуиции, в основе которой лежит опыт человека. Таким опытом явилось постоянное восприятие слов-антонимов, совместно употребляемых в речи: *Мы от начала до конца были искренни...*” (А.П. Чехов)» (Миллер 1990: 11).

Далее, исследователь указывает: «Интенсивность возникновения семантических ассоциаций зависит от частотности восприятия соответствующих слов с противоположными значениями, от парного их появления в речи, однако в первую очередь от целенаправленности мыслительной деятельности в процессе порождения речи... Так, значение противоположное – это такое значение, которое ассоциативно соотносится с его антиподом. Противоположное значение, как и вообще любое лексическое значение номинативной единицы, существует относительно независимо, непосредственно присуще слову или фразеологизму. В определенных условиях, в речи, оно вступает в семантическую взаимосвязь с иным противоположным значением. Противоположное значение отображает часть некоей сущности, два противоположных значения отображают две ее части (каждое свою сепаратно), противоположность же значений есть нечто целостное, она представляет это нечто в расчлененном на

противоположные части виде, части взаимообусловленные и, при определенных условиях коммуникации, взаимодействующие» (там же: 12).

Интересные замечания о психологической природе антонимии высказывает Л.А. Булаховский. Он пишет: «Ассоциация по противоположности (предполагающая одновременно наличие сходства в каком-то отношении) лежит в основании различения антонимов – слов с противоположным значением» (цитируется по: Родичева 1976: 15). Эти ассоциативные отношения «не опираются на противоположности; местопребывание – в мозгу; они составляют тот запас, который у каждого индивида образует язык» (там же: 15).

Итак, значение противоположное – это такое значение, которое ассоциативно соотносится с его антиподом (наименованием противоположного исхода).

Наряду с ассоциативными связями, природа антонимии определяется присутствием в душе человека противоположных несовместимых друг с другом стремлений, касающихся одного и того же объекта. Данная категория называется амбивалентностью и формируется бессознательным. Амбивалентность в философии определяется как «двойственность чувственного переживания, выражающаяся в том, что один и тот же объект вызывает к себе у человека одновременно два противоположных к себе чувства, например, удовольствия и неудовольствия, любви и ненависти, симпатии и антипатии. Амбивалентность коренится в неоднозначности отношения человека к окружающему, в противоречивости системы ценностей» (Философский энциклопедический словарь 1983: 21).

Антонимия номинативных единиц в последнее время подвергается все более детальному исследованию. Так, в основу антонимии лежат ассоциации по контрасту, амбивалентность. Психологический аспект, наряду с логико-философским и собственно лингвистическим, раскрывает природу и сущность антонимии.

Литература:

- Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961.
Бондаренко В.Н. Отрицание как логико-грамматическая категория. М., 1983.
Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978.
Леоптьев А.Н. Избранные психологические произведения / Под ред. В.В. Давыдова. М., 1983.
Миллер Е.Н. Природа лексической и фразеологической антонимии. Саратов, 1990.
Новиков Л.А. Антонимия в русском языке. М., 1973.
Общая психология. Курс лекций / Сост. Е.И. Рогов. М., 1998.
Покровский М.М. Избранные работы по языкознанию. М., 1959.
Родичева Э.И. Психолингвистический аспект лексической антонимии: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1976.
Философский энциклопедический словарь. М., 1983.

Эталон как структурный компонент сравнения

В семантическом конструкте сравнения принято выделять три компонента, в наименованиях которых в лингвистике до настоящего времени не сложилось единого мнения:

1) то, что сравнивается – *тема, объект (сравнения), субъект (сравнения), номинативное имя, прообраз, прототип, референт (сравнения), определяемый член, сравниваемое, компонент А, предмет (сравнения), 1 сема, пассивный компонент, первый компарат, компарант, компарандум, компаратив, primum comparationis, прототипичный объект, центр категории;*

2) то, с чем сравнивается предмет, привлекаемый для сравнения – *эталон, сравнение, образ (сравнения), основа сравнения, сравнительная часть, объект (сравнения), компаративное имя, модель, агент (сравнения), рема, сравнительная часть, сравнительная конструкция, компонент В, 2 сема, активный компонент, второй компарат, компаратор, компаратум, компаративит, secundum comparationis, средство сравнения, норма, точка отсчета;*

3) признак, на основании которого сравниваются (1) и (2) – *модуль (сравнения), основание (сравнения), признак (сравнения), основа, показатель сравнения, компонент t, признак сходства, связующий признак, конкретизатор, нейтральный компонент, база сравнения, tertium comparationis.*

В данной статье используются термины: 1) *объект*; 2) *эталон*; 3) *признак*.

Сравнение как операция мышления и сравнение как факт языка представляют собой связанные, но не тождественные явления. Логический конструкт сравнения и языковое сравнение могут не совпадать. Логическая структура сравнения всегда трехкомпонентна. В языковом плане структура сравнения обладает своего рода гибкостью. Компонент, именуемый признаком, часто может быть материально не выражен. В лингвистике такого рода случаи принято называть имплицитным сравнением**. Таким образом, имплицитность сравнения понимается как опущение с поверхностной структуры признака (признаков), на основании которого (которых) проводится сравнение. Случаи формального выражения всех трех компонентов структуры сравнения принято называть эксплицитным сравнением. Именно в эксплицитном сравнении при объективном порядке следования компонентов (объект, признак, эталон) отличается логическое сравнение.

В языковедческой и философской литературе существуют две точки зрения на проблему эталона (сравнимости/несравнимости предметов). Одни исследователи полагают, что сравнивать можно что угодно (Сеченов 1947; Телия 1988; Мурзин 1998; Левицкий 1995 и мн. др.). Другие склонны считать, что далеко не все сравнимо (Кондаков 1967; Коралова 1975). Приведенные ниже

---

* © Е.В. Сидорова 2003

** По сути, речь идет не столько об имплицитном сравнении, сколько об имплицитном выражении признака, ибо два компонента – объект и эталон – получают вербальное выражение.

цитаты подтверждают существование совершенно противоположных точек зрения относительно этой проблемы.

- 1) «Сравнивать можно чуть ли не все на свете» (Сеченов 1947: 359).
«...Ведь вряд ли можно найти в мире два предмета, которые не имели бы ни одного общего признака» (Мурзин 1998).
«...Изначальный этап любого познания сводим к сравнению, ибо сравнивать можно кого и что угодно» (Телия 1988: 15).
- 2) «Практически совершенно бесполезно сравнение таких, например, понятий как “лед” и “гипотеза”, “чернильница” и “храбрость” и т.п. (Кондаков 1967: 359).
«...A cherry and meat are both red, juicy and edible, but can hardly be compared» (Конрад) *.

В пользу второй точки зрения говорит существующая в языках лексика, а также сочетания типа: *несравнимый, несравненный, бесподобный, несравненно, не сравнимо, и в сравнение не идет, не может равняться с, не получится сравнения, невозможно сравнить, ни на что не похоже и т.п.* (англ.: *incomparable, matchless, peerless, beyond comparison, etc.*).

Однако, если известны признаки обоих предметов (объекта и эталона), сравнение возможно. Другое дело, какие признаки выделяются нами, чтобы построить высказывание о сходстве или несходстве. Часто признаки выбираются относительно произвольно. Например:

- *Афоризм сродни мини-юбке: коротко и ясно.* (АИФ)
- *План был прост как правда, как гвоздь в заборе, как круглый затылок рэкетира.* (ПР)
- *Жизнь, как шахматы: в правительстве – регулярные рокировки, в народе – сплошной мат.* (АИФ)
- *Фондовый рынок – это животное, которое нужно кормить каждый день ...хорошими новостями* (ПР).
- *У нее был низкий, томный голос, пропитанный нежной влагой, как банное полотенце* (РЧ).
- *Запах старой пыли, повисший в воздухе, был приторным и спертым, как интервью известного футболиста* (РЧ).
- *...Губы красные, как новенькая пожарная машина* (РЧ).
- *Жизнь оказалась грубой и низкой, словно басовый ключ* (ИП).
- *Давая России очередные порции кредита – все равно что лечить алкоголика, давая ему бутылку водки* (ГА).
- *Мережковский скучен, как понедельник* (пример заимствован у И.Д. Арутюновой).

Констатация сходства не создает образа, если объект и эталон принадлежат одной категории; в противном случае говорят об образном (неожиданном, нетрадиционном, авторском, субъективном) сравнении. «Возможности уподобления безграничны и предопределены особенностями изменчивого восприятия действительности разными субъектами, с одной стороны, и ненсчерпаемостью (подчеркнуто мной. – Е.С.) признаков воспринимаемых объектов, с другой стороны» (Арутюнова 1990). Произвол в уподоблении зависит от вооб-

---

* Hedwig Konrad. Etude sur la Metaphor. Paris, 1939. Цитируется по: Christine Brook-Rose (1958: 11).

ражения, нестандартного мировидения, опыта «языковой личности» (Петренко 1983).

В плане отождествления различных по своей природе предметов очень показательным является также и детский язык, особенно на ранних этапах его развития. Так, например, когда ребенка спрашивают: «Где тетя?», он может указать на корзинку (тетина корзинка) (Гвоздев 1961), т.е. произвести сравнение между этими двумя предметами, положив в основу признак принадлежности. Это подтверждает тот факт, что один и тот же предмет может участвовать в различных ситуациях и «может вступать в самые разнообразные отношения» (Левицкий, 1995: 11). О чем это говорит? О том, что если я сейчас не могу отождествить предмет А с предметом В и признать их сходство в каком-либо отношении, это не значит, что их нельзя сравнить, признать их сходными пусть даже отчасти, ибо это может сделать кто-то другой, в другое время и в другом месте. «...Сходство между собой одних и тех же объектов колеблется: иногда они могут быть почти неразличимы, в другие же времена казаться очень разными» (Арутюнова, 1983: 3). Даже если и найдется кто-нибудь, кто убедит, что предметы А и В совершенно различны, отсюда не может следовать вывод об их несравнимости, ведь отличие также обнаруживается в сравнении (Бэкон 1938). Иначе, отождествление и различение и выражают самую сущность сравнения, что было известно еще Аристотелю.

Благодаря способности мышления сопоставлять, казалось бы, несопоставимое и находить сходство в различном, «человек окидывает свежим взглядом уже ставшие привычными предметы и их признаки, как бы познает их вновь и находит все новые и новые неожиданные наименования для них» (Шуткина 1988: 72). Многие образные сравнения и возникают как раз на основе сопоставления между собою крайне отличных друг от друга форм, «в основу которых положены неожиданные, необщеизвестные сближения реалий» (Некрасова 1979: 240). Другими словами, чем менее детерминирована связь между двумя предметами, языковыми и неязыковыми знаниями, тем образнее и ярче сравнение, тем больший простор для воображения оно открывает. Ведь в «сравнении мир постигается как связанное разнообразие» (БСЭ 1976: 353).

Следовательно, сравнению может подвергаться все, все дело лишь в связи и признаках, которые берутся за основу и могут быть как существенными, так и несущественными, даже нереальными, но при этом ассоциативными, пробуждающими деятельность нашего воображения.

Таким образом, всегда может найтись признак, на основе которого предмет А может быть сравним с предметом В, и совсем необязательно предметам А и В быть «связанными между собой в объективной действительности», ибо связь эта может наличествовать на другом уровне. Более того, нельзя забывать, что «в основе сравнения... лежит субъективная оценка» (Карцевский 1976: 107), а «человеческий разум по своей склонности легко предполагает в вещах больше порядка и единообразия, чем их находит. И в то время как многое в природе единично и совершенно не имеет себе подобия, он придумывает параллели, соответствия и отношения, которых нет» (Бэкон 1938: 41-42).

В подтверждение всему вышесказанному можно привести давнее высказывание В. фон Гумбольдта: «Язык всегда воплощает в себе своеобразие целого народа, поэтому в нем не следует бояться ни изощренности, ни избытка фантазии (подчеркнуто мной. – Е.С.), которые кто-то считает нежелательными» (Гумбольдт, 1985:349).

Подобно волшебной руке Майдоса, сравнение способно прикоснуться к любому предмету и с ловкостью фокусника связать их, на первый взгляд казалось бы совершенно несопоставимые, не сталкивающиеся друг с другом. Но, может быть, дело все в том, что «одни умы более сильны и пригодны для того, чтобы замечать различия в вещах, другие – для того, чтобы замечать сходство вещей» (Бэкон 1938: 139)? Таким образом, в качестве эталона может выступить абсолютно любой предмет в самом широком смысле этого слова.

Анализ языкового материала показывает, что позиция эталона в структуре сравнения не является фиксированной. Нижеприведенный пример с трансформациями показывает, что от перестановки мест слагаемых семантика предложения остается одна и та же.

Ср.: *The sea was smooth as glass.*
→*Smooth as glass was the sea.*
→*The sea was as glass, smooth.*
→*As glass, the sea was smooth.*

Однако стоит оговорить тот факт, что порядок компонентов сравнения безразличен и отношение сходства симметрично в том случае, если сходство между объектами устанавливается на основе отдельных признаков. Если же объекты сравниваются как целостности, сходство в ряде случаев целесообразно рассматривать как ориентированное, а не как симметричное отношение (Гусев 1984; Фрумкина 1985; Крысин 1988; Лауфер 1990; Tversky 1977).

Ср.: *The son is like his father.*
The copy is like its original.

Данные примеры построены по общей схеме: А похоже на (как) Б. Если мы попытаемся поменять их (А и Б) местами, эти утверждения не перестанут быть верными, но могут оказаться неестественными.

Ср.: *The father is like his son.*
The original is like its copy.

Таким образом, порядок следования компонентов сравнения не является абсолютно свободным, существуют, видимо, определенные семантические ограничения, налагаемые на свободу перемещения компонентов. Следует отметить, что эталон подвижен только в сравнительных конструкциях с союзами *like/as*. Союз *than* в этом плане ограничивает возможности перемещения эталона.

Ср.: *These people are younger than you.*
→*Younger than you these people are.*
→*Than you these people are younger.*

Эталон, как известно, служит для выражения сходства/несходства предметов (действий, состояний), а также для выражения (определения) степени признака, его интенсивности. Теоретически количество эталонов, привлеченных к одному объекту на основании тех или иных признаков, может быть неограниченным.

В эталоне, привлекаемом для выражения признака (признаков), этот последний содержится в высшей степени. Однако это релевантно, главным образом, для конструкций, вводимых союзом «как». Возникает вопрос: есть ли эталон в конструкциях с союзом «чем», а также в конструкциях со значением превосходной степени? Да, однако он не стандартный, а ситуативный, контекстуальный.

Эталон может быть стандартным (традиционным, устоявшимся): *страшный как сон; веселый как клоун; бедный как церковная мышь* и нестандартным (нетрадиционным, субъективным, авторским, неожиданным): *страшный как Майкл Джексон; веселый как Петросян; бедный как учитель*. Стоит отметить, что исходя из практики психолингвистических экспериментов стандартных эталонов в полном смысле слова, по-видимому, не существует, все эталоны оказываются в большей или меньшей степени размытыми.

Эталон может носить как предметный, так и непредметный характер.

Ср.: *Она сегодня такая же бледная, как вчера.*
(*Сегодня она бледнее, чем вчера.*)
Вышивает, ровно пишет.
(*Рисует он лучше, чем решает задачи.*)
Wilt is taller than tall. (=He's gigantic!)
This product is newer than new.

(Английские примеры из: Вейхман 2000: 23).

Таким образом, в качестве эталона может выступать любой предмет в самом широком смысле этого слова; его положение относительно других компонентов сравнения (объекта и признака) не является строго фиксированным в конструкциях с семантикой сходства. Эталон представляется неоднородным, размытым. Его «пестрота» заключается в том, что он может быть стандартным (традиционным) и нестандартным (нетрадиционным, субъективным, авторским, неожиданным); предметным и непредметным; стандартным и ситуативным (контекстуальным).

Литература:

- Арутюнова Н.Д. Тожество или подобие? // Проблемы структурной лингвистики. 1981. М., 1983. С.3-22.
- Арутюнова Н.Д. Тожество и подобие (заметки о взаимодействии концептов) // Тожество и подобие. Сравнение и идентификация. М, 1990. С.7-32.
- БСЭ – Большая Советская Энциклопедия. М., 1976. Т. 24. Кн. 1.
- Бэкон Ф. Новый органон. М, 1938.
- Вейхман Г.А. Новое в английской грамматике. М., 2000.
- Гвоздев А. Н. Вопросы изучения детской речи. М., 1961.
- Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М., 1985.
- Гусев С.С. Наука и метафора. Л., 1984.
- Карцевский С.О. Сравнение // ВЯ. 1976. №1. С.107-112.
- Кондаков Н. И. Введение в логику. М., 1967.
- Коралова А.Л. Семантическая природа образных средств в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1975.
- Крысин Л.П. Квазисимметричные предикаты (экспликация условий употребления) // Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. М., 1988.
- Лауфер Н.И. От образа к подобию // Тожество и подобие. Сравнение и идентификация. М., 1990. С.98-109.
- Левицкий Ю.А. От высказывания – к предложению. От предложения – к высказыванию. Пермь, 1995.

- Мурзин Н.Л. К структурной типологии сравнительных конструкций (на материале русских поэтических текстов) // Фатическое поле языка: Межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 1998. С.83-90.
- Некрасова Е.А. Сравнения общезыкового типа в аспекте сопоставительного анализа художественных идиолоктов // Лингвистика и поэтика. М., 1979.
- Петренко В.Ф. Введение в экспериментальную психосемантику: Исследование форм репрезентации в обыденном сознании. М., 1983.
- Сеченов И.М. Избранные философские и психологические произведения. М., 1947.
- Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оцепочная функция // Метафора в языке и тексте. М., 1988.
- Фрумкина Р.М. Смысл и сходство // ВЯ. 1985. №2. С.22-31.
- Шуткина Л. Н. Категория отрицания в английской фразеологии: язык и действительность // Фразеологическая номинация в статике и динамике: Сб. науч. тр. МГПИИЯ. М., 1988. Вып. 311.
- Christine Brook-Rose. A Grammar of Metaphor. L., 1958.
- Tversky A. Features of similarity // Psychological review. 1977. Vol.84.
- Список источников иллюстраций:**
 АИФ – «Аргументы и факты» от 23.06.98.
 ГА – Радиоволна «Голос Америки».
 ИП – Ильф И., Петров Е. 12 стульев. Золотой теленок. Свердловск, 1989.
 ПР – «Профиль». 1998. №16.
 РЧ – Чандлер Р. Сестричка. М., 1990.

И.Р. Шведова*
 Челябинск

Международное письмо в аспекте речевого воздействия

Корреспонденцию, регулирующую деятельность Международной Организации по Стандартизации (ISO – ИСО), можно назвать дипломатической, так как сообщения оказывают необходимое адресату воздействие без негативного влияния. Все аспекты изучения дипломатического письма так или иначе связаны с экстралингвистическими факторами, то есть имеют социальную направленность, обусловленную сферой действия, природой официального документа, а также его влиянием на формирование мнения определенных социальных групп. Имется в виду проблема речевого воздействия.

В научной литературе существует множество определений речевого воздействия. Е.Ф. Тарасов (1986: 7) предлагает рассматривать этот феномен в двух аспектах: «Речевое воздействие в широком смысле – любое речевое общение, взятое в аспекте его целенаправленности. Речевое воздействие в узком смысле – речевое общение в системе средств массовой информации и пропаганды, рекламы». В дальнейшем мы рассматриваем речевое воздействие в широком смысле слова, когда в ходе официального общения в рамках ИСО обобщенный субъект регулирует деятельность другого обобщенного участника коммуникации, в известной мере свободного в выборе стратегии своей деятельности и поступающего в соответствии со своими потребностями.

---

* © И.Р. Шведова 2003

Предмет данной работы ограничен речевым воздействием в сфере официального общения, что является частным случаем речевого воздействия и имеет свою специфику. Тем не менее любое высказывание обладает речевым воздействием, так как «нейтральное» общение, освобожденное от влияния партнера по коммуникации, невозможно в принципе. Говорящий не только имеет возможность выбирать различные варианты выражения своей мысли, но и вынужден это делать. Как отмечает Ф.М. Березин, «язык представляет собой не просто канал связи, а сложную открытую динамическую систему управляющей информации, включающуюся в общую сложную иерархическую систему информации, детерминирующую человеческое поведение» (Березин 1983: 5).

По мнению А.А. Леонтьева (1969), главное в речевом воздействии – включение новой информации в структуру личности, превращение «чужого», «внешнего» в «свое», «внутреннее». В его представлении модель речевого воздействия выглядит следующим образом:

- 1) сообщение новой информации реципиенту (введение в поле значений адресата новой информации);
- 2) сообщение новой информации об известных явлениях действительности (изменение поля значений адресата);
- 3) перестройка отношения человека к окружающему миру (перестройка смыслового поля).

Зарубежные ученые выдвигают иные теории изменения поведения личности при коммуникативном воздействии. Интерес представляют теории «когнитивного соответствия», разработанные зарубежными лингвистами (Ф. Хайдегер, Т. Ньюком, Л. Фестингер, Ч. Осгуд, П. Танненбаум), или, как их еще называют, «балансовые» теории. Они основываются на идее внутренней сбалансированности познавательных способностей человека. Это внутреннее равновесие определяется как глобальная потребность личности. Как известно, любое равновесие является неустойчивым, поэтому при его постоянном нарушении обязательно возникает тенденция к восстановлению психологического баланса. Отсюда стремление личности к информации, поддерживающей ее мнение и избегание сообщений противоположного характера.

Теория «когнитивного диссонанса» Л. Фестингера описывает механизм приобретения новой информации как возникновение несоответствия между познавательными возможностями и недостатком информации, появление стремления избавиться от него, уменьшение этого несоответствия путем изменения поведения при получении новой информации. Интенсивность эффекта воздействия при сообщении новой информации может варьироваться в зависимости от интенции автора, а также быть обусловленной жанром, в котором представлен текст.

Побудить человека к произвольному восприятию речи с большой вероятностью можно только тогда, когда сообщение содержит сведения, о которых объект обладает достоверными представлениями в структурах сознания. Это требование к тексту речевого воздействия можно сформулировать как доступность языка для реципиента информации. Таким образом, центральной проблемой воздействия является проблема формирования структур языкового сознания, создания общности этих структур у субъекта и объекта речевого воздействия.

Не менее важной является проблема мотивации деятельности, лежащей в основе речевого воздействия, поэтому следующим этапом является поиск мотивов-стимулов. «Самый сильный мотив – смыслообразующий, который придает деятельности личностный смысл. Мотивы-стимулы занимают подчиненную роль, они усиливают (или ослабляют) действия смыслообразующего мотива» (Чхартишвили 1990: 11).

Заключительной частью речевого воздействия можно считать, вслед за Е.Ф. Тарасовым, план выполнения действий для удовлетворения вновь сформированной потребности.

В целом, в процессе речевого воздействия должны быть выполнены следующие прагматические задачи: 1) привлечено внимание объекта воздействия; 2) достигнут контакт; 3) изменен уровень информированности объекта воздействия; 4) предложен определенный план действий.

В результате анализа международных информационных и инструктивных писем (Переписка ЦС ИСО с ТК 132 «Ферросплавы» – 350 единиц, 1997–2000 гг.) в каждом документе были выделены фрагменты текстов, решающие эти задачи. Приведем примеры (перевод автора).

Инструктивное письмо

ISO Central Secretariat

our data our reference

1997-05-15 ISO Training

TO THE ISO MEMBER BODIES

TO THE SECRETARIATS

OF ISO TECHNICAL

COMMITTEES AND SUBCOMMITTEES

Dear Sir or Madam,

ISO/TC/SC training

As you will be aware, one of the items in ISO's strategic agenda for the period 1996-1998 concerns training for TC/SC chairmen and secretaries. At its meeting in January 1997, the Technical Management Board recognized that the primary responsibility for training lay with the member bodies. However it accepted the offer by the Central Secretariat to prepare training materials and to organize periodical events to "train the trainers" in the member bodies. It was noted that in some instances, smaller member bodies may not have the resources to organize training themselves and may wish accordingly to send staff to training events organized by larger member bodies.

In order to provide a focal point at the Central Secretariat for matters related to training, it has been decided to designate a TC/SC training coordinator and this role will be undertaken by Mr. Andrew Williams, Technical Programme Manager. His role will be to compile information concerning member body training events in relation to the ISO/IEC Directives (excluding those for ISO/IEC JTC 1) and to prepare training materials for use by member bodies and TCs/SCs in relation to Parts 1 and 2 of the Directives. For training relating to Part 3 of the Directives, he will be assisted by Mr. Franck Perrad, who is currently one of the Central Secretariat's French language technical editors.

We should accordingly be grateful if you could advise Mr. Williams of any foreseen training events. This information will be used to compile a calendar of training events which will be made available *inter alia* through ISO Online. We should also welcome any suggestions from you concerning specific training materials which you feel would be helpful for you work.

Yours faithfully,

M.A. Smith

Director

Standards Department

рассматриваемого вопроса (*our reference: ISO/TC/PROM; ISO MEMENTO*). Достижение контакта осуществляется при уважительном обращении (*Dear Sir or Madam*) и вводной части письма, сообщающего о цели адресанта (*we have pleasure in sending you*). Интродуктивная часть в то же время меняет уровень информированности адресата, перестраивает его смысловое поле, вызывая когнитивный диссонанс (по Л. Фестингеру). С целью ликвидации когнитивного несоответствия (по Ф. Хайдеггеру) в следующем абзаце (*the appropriate number*) дается установка восприятия последующей информации, мотив-стимул для совместной деятельности. Далее четко указан план действий, которые потребуются выполнить, если в них возникает необходимость (*for further copies of*). Заключительная часть (*yours faithfully*), несмотря на стандартизованный характер, подтверждает намерения адресанта и его желание будущего успешного сотрудничества.

Таким образом, текст речевого воздействия делится на части в соответствии с поставленными задачами: 1) привлечь внимание реципиента; 2) вызвать у него состояние доброжелательности по отношению к предполагаемому воздействию; 3) заинтересовать (создать мотивацию совместной деятельности); 4) ориентировать реципиента (план действий).

Первая группа задач в процессе речевого воздействия находится в сфере организации общения. Всякое общение начинается с привлечения внимания к сообщению и к источнику сообщения. Эту функцию в случае международного документа выполняют графические средства и композиция сообщения.

Речь приобретает определенный смысл и может быть понята только в структуре речевого контекста. Поэтому для создания условий адекватного восприятия субъект речевого воздействия, используя доступные средства, должен обозначить социальные отношения, в структуре которых он предполагает развернуть сообщение. Невербальные средства социального символизма (в нашем случае – герб международной организации ИСО) – это акты статусного присвоения культуры, когда такое присвоение служит символом престижа и, следовательно, является коммуникативным средством, косвенным способом регуляции поведения.

К вербальным социо-символическим средствам в международном документе относятся: официально-деловой стиль написания текста, форма языка (язык международного общения – «Business English») и стандартная форма официального обращения (*Dear Sir or Madam*).

Литература:

- Березин Ф.М. Язык как средство идеологического воздействия. М., 1983.
- Леонтьев А.А. Психологические единицы и порождение речевого высказывания. М., 1969.
- Тарасов Е.Ф. Речевое воздействие как проблема речевого общения // Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. М., 1986. С.21-37.
- Чхартишвили Б.Н. Проблемы формирования социогенных потребностей. Тбилиси, 1990.
- Шерковин Ю.А. Психологические проблемы массовых информационных процессов. М., 1973.

СОДЕРЖАНИЕ

Е.В. Ерофеева. К вопросу о соотношении понятий НОРМА и УЗУС	3
И.В. Хорошева. Промежуточные формы городской разговорной речи в свете теории социолингвистических переменных У. Лабова	8
Т.И. Ерофеева, И.Г. Овчинникова. Языковая ситуация в Прикамье как социопсихолингвистическая проблема	13
В.Р. Галимьянова. Языковая ситуация Краснокамского района Республики Башкортостан: социолингвистический аспект	15
А.А. Юнаковская. К вопросу о диахронической социолингвистике (на материале Среднего Прииртышья)	20
Е.В. Харченко. Восприятие образа профессионала в русской культуре	23
Е.А. Балашова. Влияние социобиологических характеристик на особенности обыденного сознания носителей языка	31
М.В. Усманова. Модальное слово в речи мужчин и женщин	34
И.В. Дьяконова. Социолингвистический аспект владения иноязычным словом	38
А.В. Чубарова. «Американизм» в британском английском и русском языках	40
Е.В. Декленко. Патриотизм в системе ценностей США (на примере идеологических лозунгов)	46
И.В. Страхова, Т.Н. Чугаева. Частота слова и частотные словари немецкого языка	48
И.В. Боронникова. Функция генерализации в системе южнославянского артикля	52
А.В. Свиридова. Цезация в средствах массовой информации (на материале текстов газет)	57
И.Г. Овчинникова, Е.Г. Поломских. Психолингвистический подход к определению эффективности региональных СМИ	60
И.А. Грибанов. Региональные и индивидуальные особенности речи	63
А.В. Макарова. К вопросу о прагматике слова в аспекте отрицательной эмоциональности его значения	67
Н.П. Тропина. Метафорическая номинация, стереотипы восприятия и языковая картина мира	68
Л.М. Салмина. Социальные роли и стереотипы	73
С.Г. Фрост. Культурная коннотация номинативных единиц языка как явление психолингвистики и лингвокультурологии	78
Л.А. Грузберг, А.Ю. Савельева. Ангиномия – парадокс: попытка разграничения	83
Э.Р. Мардиева. Психолингвистический аспект изучения антонимии	88
Е.В. Сидорова. Эталон как структурный компонент сравнения	92
И.Р. Шведова. Международное письмо в аспекте речевого воздействия	97

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ СОЦИО- И ПСИХОЛИНГВИСТИКИ
Выпуск 2

Материалы издаются в авторской редакции

ИБ №502

Подписано в печать 26.05.03

Формат 60×84/16. Бум. ВХИ.

Усл. печ. л. 6,04.

Уч.-изд. л. 6,5. Тираж 205 экз.

Заказ № 243

Редакционно-издательский отдел

Пермского университета

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Отпечатано с оригинал-макета на ризографе
предпринимателем П.Г. Богатыревым
Свидетельство ВГ № 16396 от 06.08.98,
выданное адм. Свердловского района г. Перми

Принимаем заказы на издание книг и брошюр.

Тиражируем печатную продукцию.

Адрес: г. Пермь, Пушкина 110, офис 122.

Тел. 36-52-83, 98-31-74.